

63,5 110
110
82/8

Этнографический
альбом
№3 1895

Годы 149
8218

Н. Янчука

Кн. XXVI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи.

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1895, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

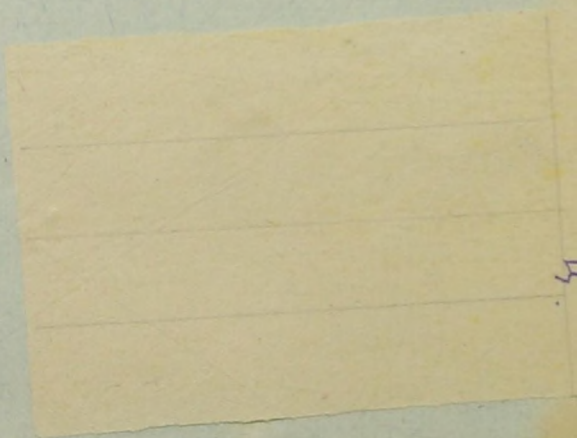
Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петрозка, д. Левенсона.

1895.

816
100

№ 2554-432

91.
Э II.

ГОМ. 8218
149

39
2

Годъ 7-й.

Кн. XXVI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

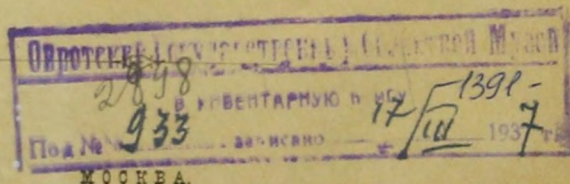
состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1895, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

Высочайше утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петрозкѣ, и Ловенсонъ.

1895.

Сам. 21733

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Москва, 10 декабря 1895 г.
Президентъ Общества *Д. Аячинъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. Древне-арійскіе и древне-семитскіе элементы въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованіяхъ и культурахъ славянъ. <i>Александра Фаминцова</i>	1
II. Къ вопросу о происхожденіи киргизскаго народа. <i>Александра Харузина</i>	49
III. Эпосъ ли — древнѣйшій родъ поэзіи? <i>Д. Матова</i> . Перев. съ болгарскаго <i>Н. Грунскаго</i>	93
IV. Изъ западно-европейской этнографической литературы. II. Новые матеріалы для изученія исторіи развитія семьи. (По <i>Heinrich'u Siewow'u</i>). <i>Н. Харузина</i>	105
V. Смѣсь:	
Мелкія фольклористическія замѣтки. 6. Звѣя Горыничъ и Тургаравъ Звѣевичъ. <i>Г. Потанина</i>	114
Мусульманское сказаніе о св. Георгіи по Ат-Тябару. <i>М. О. Антая</i> . Съ предисл. <i>А. Гиртишниковой</i>	122
Послѣднее либіе румынскаго ученаго (<i>Ag. Densusianu</i>) о происхожденіи названія «Влахъ». <i>А. П. Яцимирскаго</i>	135
VI. Критика и библиографія:	
1. Книги, учебныя и справочныя изданія.....	141—169
<p style="margin-left: 2em;">В. Ф. Миллеръ: Систематическое описаніе Дашиковскаго Этнографическаго Музея. Вып. IV. <i>М. Сперанскаго</i>. (141). — А. Ф. Ряттихъ: Четыре лекціи по русской этнографіи. <i>Н. X.</i> (142). — <i>Земледѣліе</i>, 1894, № 4 и 1895 №№ 1, 2—3. <i>Н. X.</i> (143). — <i>Алтайскій Сборникъ</i>. Вып. I (1894). <i>Вл. Б.</i> (145). — Матеріалы по археологіи Кавказа, собраныя экспедиціями Императ. Моск. Археологическаго Общества. Вып. IV: Христіанскіе</p>	

памятники, гр. П. С. Уваровой. <i>А. Хаз—сеа</i> . (146).—	
Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и пле-	
мень Бавказа. Вып. XIX и XX. <i>Его же</i> . (148).—Вре-	
меникъ Эстляндской губ. Вып. II. (149).—Труды Ря-	
занской Архивной комиссіи. XI. <i>Н. X.</i> (151).—Мате-	
ріалы по археологіи Россіи, изд. Императ. Археологи-	
ческой комиссіею. № 16. В. А. Жуковскій: Древ-	
ности Закаспійскаго края. II. X. (150).—Ежегодникъ	
Тобольскаго музея. Вып. II (1894). <i>Вл. Б.</i> 165.—Записки	
Уральскаго Общества Люб. Естествознанія. XV, в. 1.	
(165).—М. В. Довнаръ-Запольскій: Възлорусское	
Подолье. Вып. I: Пѣсни пичуковъ. <i>Ест. Ляцкано</i> . (153).—	
Н. Аристовъ: Опытъ выясненія этническаго состава	
киргизъ-казаковъ Большой орды и кара-киргизовъ <i>Ал.</i>	
<i>Харузина</i> . (160).—Vjekoslav Klaić: Hrvatska pje-	
matika. <i>В. Ф.</i> (166).	
2. Обзоръ газетъ и журналовъ.....	168
3. Новости этнографической литературы.....	173
VII. Извѣстія и замѣтки. Годичный отчетъ о дѣятельности Этногра-	
фическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. за 1894—95 г.—	
Повѣдка Г. Н. Потанина.—Изданіе сборника малорусскихъ	
обрядныхъ пѣсень.—† Жегота Паули.....	177
VIII. Вопросы и отвѣты. Программа международной комиссіи по	
пересмотру номенклатуры народовъ Азіи, составленная	
проф. Эрн. Шантромъ.....	182

ДРЕВНЕ - АРІЙСКІЕ И ДРЕВНЕ - СЕМИТСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ
ВЪ ОБЫЧАЯХЪ, ОБРЯДАХЪ, ВѢРОВАНІЯХЪ И КУЛЬТАХЪ
СЛАВЯНЪ.

Содержаніе. Обряды огня.—Живая вода.—Наузы. Красная пить.—Кровь, мясо и кожа жертвеннаго животнаго.—Поминальные обряды.—Перераживанія.—Первый сногъ.—Последніе плоды.—Изверженіе жертвы съ высоты.—Коровій навозъ, какъ очистительное средство.—Черты культа балтійскихъ славянъ-язычниковъ: храмы (общій планъ, украшенія, храмовныя богатства, храмовая утварь, ритууровыя звѣсы и одежды); идолы; верховный жрецъ; загадочныя параллели.

Міросозерданіе народовъ славянскаго племени до настоящаго времени во многихъ отношеніяхъ сохранило языческій характеръ. Христіанство заглушило въ народѣ немало языческихъ представленій, замѣнило языческія имена древнихъ боговъ именами христіанскаго Бога и святыхъ; но, не взирая на тысячелѣтнее свое господство, оно не въ силахъ было сломить глубоко коренившіяся въ народѣ языческія преданія и вѣрованія, вытѣснить древніе языческіе обряды и обычаи, продолжающіе и нынѣ жить въ народѣ, связываясь съ праздниками и обрядами христіанской церкви. Главнѣйшіе христіанскіе праздники, по большей части, лишь замѣстили собою праздники языческіе: древнія названія ихъ замѣнились новыми, но характеръ ихъ въ народномъ обиходѣ почти не измѣнился; мало того, многіе праздники сохранили въ народѣ и языческія названія, продолжающія существовать рядомъ съ новыми, христіанскими, и даже имѣющія въ народѣ преобладающее значеніе. Такъ, напр., зимній праздникъ Рождества Христова носитъ на языкѣ разныхъ славянскихъ народовъ названія: „Божичъ“, „Божикъ“, „Коляда“; канунъ Рождества наиболѣе извѣстенъ подъ именами: „Бадній день“, „Бадній вечеръ“, „Щедрый (или Богатый) вечеръ“, „Корочунъ“. Другой главнѣйшій народный праздникъ, лѣтній, день св. Іоанна Крестителя, носитъ названіе „Купало“.

мѣстами „Ярило“. Великій весенній праздникъ Воскресенія Господня во многихъ мѣстахъ называется въ народномъ языкѣ „Великимъ днемъ“; вторникъ на Святой Недѣлѣ именуется „Купальницей“, понедѣльникъ Троицкой недѣли—„Радунницей“, Юрьевъ день, а мѣстами Троица понедѣльникъ—„Красной горкой“, кануны Юрьева дня—„Ляльникомъ“, недѣля Св. Отецъ извѣстна подъ названіемъ „Русальной“, „Клещальной“, „Зеленой недѣли“, четвергъ на этой недѣлѣ—называется „Русалкинымъ великимъ днемъ“, праздникъ Пятидесятницы—„Русалья“, „Rusadj“, „Tugice“ и т. п. Кромѣ того, народъ въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ своихъ особенно излюбленныхъ святыхъ, замѣстившихъ прежнихъ любимыхъ боговъ, и особенно почитаетъ ихъ память, вовсе не сообразуясь съ официально установленными, такъ называемыми табельными, праздниками. Къ наиболѣе популярнымъ и почитаемымъ святымъ православныхъ славянъ принадлежатъ: св. Георгій, Николай Чудотворецъ, Іоаннъ Креститель (или ап. Петръ) и прор. Ілья; особеннымъ уваженіемъ пользуются также почитаемые парами святые: Борисъ и Глѣбъ, Флоръ и Лавръ, Козьма и Дамьянъ. Сюда же принадлежатъ и св. Пятница (Параскева), въ честь которой 12 разъ въ году празднуются такъ называемыя „временныя“ или „именныя пятницы“, предшествующія разнымъ большимъ годовымъ праздникамъ или слѣдующія за ними, кромѣ того, 9 „торговыхъ пятницъ“ въ теченіе 9 недѣль, начиная съ Пасхи; наконецъ, уваженіе къ св. Пятницѣ распространено такъ сильно, что даже всѣ 52 пятницы въ году считаются во многихъ мѣстахъ праздниками почти столь же важными, какъ воскресенье, и въ эти дни считается грѣхомъ работать, въ особенности прясть и пахать землю: „пятница не работница“, говорятъ великоруссы. По древнему языческому обычаю, субботы считаются по преимуществу днями поминовенія, посвящаются воспоминанію обѣ усопшихъ родичахъ и чествованію ихъ: по народному опредѣленію, „въ пятницу добрые люди не пряли, въ субботу родителей поминали“. Православная церковь, очевидно, сообразуясь съ древними народными преданіями, опредѣлила поминать усопшихъ, между прочимъ, въ субботы передъ праздниками Рождества Христова, Сочествія Св. Духа, Успенія Пресв. Богородицы; народъ же преимущественно справляетъ поминки, кромѣ кануна масленицы и дня Радунницы, въ субботы Троицкую, Покровскую и Дмитровскую.

Независимо отъ всего вышесказаннаго, нельзя не обратить вниманія на то, что народъ почитаетъ святыхъ христіанской церкви предпочтительно въ качествѣ представителей того или другого явленія, дѣйствія, занятія въ области преимущественно земледѣльческой жизни; оттого онъ придаетъ имъ эпитеты, соответствующіе времени года, занятіямъ, обычаямъ и обрядамъ, связаннымъ съ даннымъ временемъ. Несколько не заботясь о согласованіи этихъ эпитетовъ съ основнымъ характеромъ тѣхъ святыхъ и житіемъ ихъ, которое, конечно, въ большинствѣ случаевъ остается ему совсѣмъ неизвѣстнымъ. Въ Великой Руси почитаются, напр.: свв. Петръ Полукормъ (16 янв.), Аванасій Ломоносъ (18 янв.: „на Аванасія береги нощь“ отъ мороза), Тимофей Полужимникъ (22 янв.), Аксиній Полужимница (24 янв.), Василій Капельникъ (28 февр. — начало оттепелей), Евдокія Весновка (1 марта — начало весны), Ковчегъ Градарь (5 марта — начинаютъ копать огороды) и т. д. черезъ весь годъ. Очевидно, что христіанскіе святые, будучи гораздо многочисленнѣе, чѣмъ древніе языческіе боги, не только замѣстили послѣднихъ въ народномъ сознаніи, но и сами послужили къ увеличенію ряда обоготворяемыхъ представителей явленій природы, къ чрезвычайной специализаціи этихъ олицетвореній: говоря напр. о свв. Евдокіи, Николаѣ, Пантелеймонѣ, народъ имѣетъ въ виду именно Евдокію *Весновку*, Николу *Трапника* или *Мокраю*, Пантелеймона *Паликопа*, т. е. представителей весны, осенней зелени и влаги, лѣтняго палящаго зноя и грозъ, сожигающихъ конны. Соответственно тому и главнѣйшіе христіанскіе праздники — Рождество, Пасха, Юрьевъ день, Ивановъ (или Петровъ) день, Троица и Духовъ дни и др. въ средѣ всѣхъ славянъ, въ особенности же южныхъ и восточныхъ, сравнительно менѣе подвергавшихся вліянію цивилизаціи, и въ наше время еще сопровождаются обрядами и обычаями, не имѣющими ничего общаго съ христіанствомъ; напротивъ, всматриваясь въ эти странные и непонятные для городского „цивилизованнаго“ жителя обряды, съ непоколебимою стойкостью продолжающіе по сію пору бытовать въ простомъ деревенскомъ народѣ, мы невольно переносимся въ глубь языческой старины, передъ нами возстаетъ живая, интересная картина древняго языческаго быта славянъ.

Не только христіанскіе праздники, но даже и таинства христіанской церкви — крещеніе и въ особенности бракъ — обставлены

въ народѣ такими обычаями и обрядами, которые вполне гармонируютъ съ упомянутыми выше праздничными обрядами, къ христіанскому же таинству никакого отношенія не имѣютъ. Христіанскій обрядъ того или другого таинства является только вѣшнимъ образомъ пристегнутымъ къ обрядамъ языческимъ. Извѣстно, напр., что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малой Руси до сихъ поръ бракъ считается дѣйствительно совершеннымъ только послѣ брачнаго пиршества—„весілля“—главнаго акта языческой свадьбы; церковное же торжество, не сопровождающееся „весіллямъ“, которое нѣрѣдко бываетъ далеко послѣ церковнаго вѣнчанія, не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій состоявшагося брака, не даетъ ни супружескихъ правъ, ни обязанностей, которыя вступаютъ въ силу лишь послѣ свадебнаго торжества. Общество не допустить, чтобы новобрачная до „весілля“ перешла въ домъ новобрачнаго, не допустить до фактическаго супружества. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ повѣнчанныхъ церковью новобрачныхъ до отправленія брачнаго пира, умершій хоронится, какъ холостой. Съ другой стороны, мѣстами встрѣчается обычай обходиться сговоромъ, безъ вѣнчанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлой Руси церковный обрядъ, хотя и считается обязательнымъ, тѣмъ не менѣе сговоръ даетъ право жениху и невѣстѣ жить между собою брачно, и они, со дня сговора или „заручинъ“, называются уже молодыми, т.-е. новобрачными.

Не менѣе древними языческими обрядами обставлены похороны и въ особенности поминки по усопшимъ, сопровождаемыя жертвоприношеніями и возліаніями на могилахъ, которыя совершаются въ точно опредѣленные дни и промежутки времени, жертвенными трапезами и голошеніемъ причитаній, опять обнаруживающихъ совершенно языческой взглядъ народа на смерть и загробное состояніе усопшихъ, при чемъ христіанскіе погребальный и поминальные обряды опять являются только вѣшнымъ образомъ связанными съ обрядами языческими. Покойные родители и родственники представляются обыкновенно спящими непробуднымъ сномъ или горящими, проливающими „горючія слезы“ во тѣмъ могилѣ, въ узкихъ „домкахъ“; руки покойнаго крѣпко придавлены къ ретивому сердцу; „ясныя очи“ и „сахарныя уста“ его замкнуты; „бѣлое лицо“ его покрыто „ржавчиной“. Поминающіе сообщаютъ покойнымъ родителямъ, въ причитаніяхъ, о своемъ великомъ горѣ,

иѣсть о которомъ служить утѣшеніемъ переселившимся въ мрачную обитель мертвыхъ, напр.:

(Изъ великорусскаго причитанія дочери по отцѣ:)

„Скройсь-ко (т.-е. раскройся), да гробова доска,
 Распахнитесь, да бѣлы саваны!
 Отвалитесь, да ручки бѣлыя,
 Отъ ретива, да отъ сердечушка,
 Разожмитесь, да уста сахарныя!
 Обернись-ко-ся, да мой родимый батюшка,
 Перелетнымъ ты, да яснымъ соколомъ...
 Ты обмой-ко, родимый мой батюшко,
 Со бѣлова лица ржавщину...
 Ты послушай-ко, родимый батюшко,
 Горе-горькихъ нашихъ пѣсенекъ!“

(Изъ великорусскаго же причитанія по родителямъ и родственникамъ:)

„Родненькіе наши батюшки! не досаждайте своего сердца ретиваго, не рудите своего лица бѣлаго, не смежайте очей горячей слезой! Али намъ, родненькимъ, востосковалоса по отцу съ матерей, по милымъ дѣтункамъ, по ласковымъ невѣстункамъ? И вы, наши родненькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ, на своихъ дѣтушекъ, какъ мы горемычемъ на семь бѣломъ свѣтѣ... Ужь вы, наши родненькіе, взгляните-ка на насъ, сиротъ, изъ своихъ домокъ, да потѣшите словомъ ласковымъ...“

Что можно найти общаго между содержаніемъ приведенныхъ народныхъ причитаній и христіанскимъ воззрѣніемъ на загробную жизнь?

Итакъ, во всѣхъ сферахъ народной жизни, несомнѣнно, обнаруживается значительное преобладаніе или даже господство чисто-языческаго міросозерцанія. Мало того, главнѣйшія черты этого міросозерцанія съ удивительною послѣдовательностью проявляются и повторяются въ пѣсняхъ, поговоркахъ, заговорахъ, преданіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ разныхъ славянскихъ народовъ, представляющихъ тѣсное фамиліное родство. Понятно, что корень общихъ славянскимъ народамъ языческихъ вѣрованій, преданій, обрядовъ слѣдуетъ искать въ далекой обще-славянской старинѣ. Извѣстно, какъ крѣпко простой народъ держится исконныхъ, свойственныхъ ему,

освященныхъ стариною, унаслѣдованныхъ имъ отъ предковъ религіозныхъ понятій и обрядовъ и какъ скептически и праждебно, именно въ этой области, относится ко всему новому, непривычному, тѣмъ болѣе—иноземному, если оно способно нарушить издревле установленный, точно опредѣленный строй его домашней и общественной, обрядной и религіозной жизни. Не болѣе склоненъ бываетъ онъ къ принятію въ свои обрядныя пѣсни какихъ-либо новыхъ, чуждыхъ ему элементовъ. Если, слѣдовательно, существуетъ въ народѣ повсемѣстно какой-нибудь обрядъ, выраженный въ точно опредѣленной формѣ, связанный съ извѣстнымъ днемъ или временемъ года, или съ извѣстнымъ обстоятельствомъ или дѣйствіемъ въ кругу семейной или общественной его жизни, то такой обрядъ, безъ сомнѣнія, можетъ считаться древнимъ; если тотъ же обрядъ встрѣчается у разныхъ народовъ, между которыми не было настолько близкихъ, тѣсныхъ сношеній, чтобы можно было предположить возможность сильнаго между ними взаимодѣйствія, то такая общность даннаго обряда говорить въ пользу еще гораздо большей его древности.

Измѣненія внѣшнихъ, преимущественно климатическихъ условій, при которыхъ слагалась жизнь языческихъ славянъ, по мѣрѣ ихъ переселеній и разселеній (независимо отъ принятія ими въ позднѣйшія времена христіанства), неминуемо должны были отразиться и на ихъ религіи. Переходя изъ знойнаго юга на холодный сѣверъ, народъ невольно становился въ другія отношенія къ окружающей его природѣ: ясное, лазуревое южное небо, днемъ озаренное лучами благодѣтельнаго, но въ то же время грознаго, палящаго, всепожигающаго солнца, а ночью блестящее яркими огнями звѣздъ, на сѣверѣ замѣнилось блѣднымъ, большую часть года заволоченнымъ сѣрыми тучами небеснымъ сводомъ; сѣверный житель съ жадностью ловить каждый лучъ солнца, согрѣвающаго холодную почву, большую часть года скованную морозомъ, покрытую льдомъ и снѣгами. Въ сѣверныхъ широтахъ солнце естественно утратило всю свою грозную природу, получивъ на народномъ языкѣ названіе „матушки краснаго солнца“; звѣзды которыя играли столь важную роль въ религіяхъ южныхъ народовъ, преимущественно семитскаго племени, у славянъ—тѣмъ болѣе восточныхъ—почти вовсе потеряли свое міѳологическое значеніе; солнце сосредоточило на себѣ преимущественное вниманіе народа,

на солнце перевесены многія черты и свойства, въ древнѣя времена приписывавшіяся другимъ небеснымъ свѣтиламъ. Грозный, губительный для человека и всей живой природы южный зной, приносящій засуху и заразу, на сѣверѣ замѣнялся холодною сыростью, лютыми вьюгами и морозами. На югѣ человекъ проводитъ большую часть своей жизни подъ открытымъ небомъ, невольно созерцая явления окружающей его природы, на сѣверѣ же — онъ ютится въ теплой избѣ, защищающей его отъ ненастья, дождей и мятелей: вмѣсто яркаго звѣзднаго неба, онъ созерцаетъ пламя очага, которое любить и почитаетъ, какъ сватыню.

Кромѣ климатическихъ условій, на строй религіознаго міровоззрѣнія человекъ вліяютъ и обстоятельства политическаго характера: смѣшеніе или даже сліяніе съ другими народами, покоренными давнымъ народомъ или покоряющими его, болѣе или менѣе оживленныя торговыя и иныя сношенія или столкновенія съ другими народами, успѣхи въ цивилизаціи и, наконецъ, нерѣдко встрѣчающееся въ исторіи народовъ непосредственное воспріятіе или новаго вѣроученія отъ болѣе сильныхъ, болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. Всѣмъ поименованнымъ вліяніямъ неоднократно подвергались и народы славянскаго племени. Чѣмъ разнообразнѣе и сильнѣе были эти вліянія, тѣмъ болѣе видоизмѣненія должно было съ теченіемъ вѣковъ претерпѣть и основное, древнее религіозное міровоззрѣніе славянскихъ народовъ. Въ настоящее время отъ прежней религіи сохранилось въ народѣ только нѣсколько маловопытныхъ ему именъ божествъ, которыя продолжаютъ удерживаться въ его памяти лишь въ силу того, что они входятъ въ составъ обрядныхъ пѣсней, обрядныхъ изреченій и пр. Последнія же, въ свою очередь, неразрывно связаны съ народными обычаями и обрядами, которые, хотя и являются обыкновенно утратившими въ народномъ сознаниіи свое первоначальное значеніе, тѣмъ не менѣе обладаютъ чрезвычайною живучестью. Обрядъ обыкновенно и долженъ служить критеріемъ при объясненіи смысла сопровождающихъ его изреченій и пѣсней. Языческихъ обрядовъ сохранилось въ народѣ еще очень много, и они даютъ намъ способы къ проникновенію въ тайны древнѣйшихъ вѣрованій, давно утраченныхъ и забытыхъ, къ возведенію скудныхъ остатковъ древнихъ религіозныхъ представленій, о которыхъ, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ многія народныя пѣсни и изреченія,

заговоры, поговорки и пр., къ первоначальному ихъ источнику, къ возстановленію ихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ.

Языческія преданія и вѣрованія или суевѣрія славянъ, и нынѣ еще преисполняющія ихъ жизнь, какъ увидимъ ниже, находятся въ тѣсной связи съ вѣрованіями и преданіями древнихъ народовъ и при томъ не только арійскаго племени, на что неоднократно было уже указываемо изслѣдователями, но и семитскаго, на что еще мало было обращено вниманія. Пяти, связующія данныя преданія, вѣрованія и сопряженные съ ними обряды во многихъ случаяхъ могутъ быть прослѣжены въ глубокую даль минувшихъ вѣковъ и тысячелѣтій, а потому возникновеніе ихъ должно быть отнесено къ этой далекой старинѣ или даже ко временамъ еще болѣе древнимъ. Многія черты языческо-религіознаго міровоззрѣнія и обрядовъ славянъ естественно и вразумительно объясняются древними памятниками восточныхъ народовъ, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы всѣ онѣ непременно были заимствованы изъ тѣхъ именно народовъ, въ сохранившихся болѣе или менѣе случайно памятникахъ которыхъ онѣ находятъ себѣ разъясненіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ повторяющіяся въ древности и въ новѣйшее время черты народной жизни, обычаевъ, повѣрій могутъ быть возводимы къ одному, общему, древнѣйшему источнику—многовѣковой практикѣ первобытной жизни человѣчества: въ эту доисторическую эпоху должны были сложиться въ азіатской колыбели народовъ арійской и семитской семей основные элементы такъ называемой житейской мудрости этихъ народовъ, порождавшей извѣстныя религіозныя представленія и вѣрованія, извѣстные жизненные правила, обычаи и обряды, основной смыслъ которыхъ нынѣ, при значительно измѣнившихся условіяхъ жизни и взглядахъ народовъ, нерѣдко оказывается уже утраченнымъ изъ народнаго сознанія, но онъ не утратился для человѣчества, такъ какъ успѣлъ фиксироваться въ твореніяхъ писателей минувшихъ вѣковъ и тысячелѣтій. Въ другихъ случаяхъ возможны непосредственныя или посредственныя заимствованія однимъ народомъ отъ другого. Къ этой послѣдней категоріи должны быть отнесены, напр., рѣзко выдающіяся черты религіознаго быта и культа балтійскихъ славянъ-язычниковъ, обнаруживающія сильныя, въ данныхъ случаяхъ прочимъ славянамъ несвойственныя, вліянія семитскія и малоазійскія.

1. ОБРЯДНЫЕ ОГНИ.

Во многихъ мѣстахъ Малой и Бѣлой (отчасти и Великой) Руси существуетъ обычай на праздникъ Ивана Купала, т.-е. въ пору *высшаго солнцестоянія*, зажигать на горахъ и поляхъ *костры*. Обычай этотъ искони распространенъ не только среди и другихъ славянскихъ народовъ, но и вообще во всей западной Европѣ. Независимо отъ этого, почти повсемѣстно въ Европѣ до настоящаго времени удержалось обыкновеніе встрѣчать праздникъ Рождества Христова, отправляемый на противоположномъ полюсѣ годового круга, т.-е. въ пору *нижняго солнцестоянія*, возжиганіемъ *огней*. У южныхъ славянъ наканунѣ Рождества *сожигается* громадно-бревно, носящее названіе „баднякъ“. Въ Галицкой и Малой Руси наблюдаютъ, чтобы во всю ночь на Рождество горѣлъ въ хатахъ *огонь*, мѣсто же южно-славянскаго бадняка заступила *солома*, которую *жгутъ* мѣстами на второй день праздника, мѣстами въ Новый годъ. Воспоминаніе о возжигавшихся встарину на праздникъ Рождества (на „Коляду“) кострахъ сохранилось въ некоторыхъ мало-и галицко-русскихъ рождественскихъ пѣсняхъ („колядакахъ“), гдѣ, напр., упоминается „чудо-чудное, *вогнемъ* страшное“, или изображается собраніе святыхъ кругомъ пылающихъ костровъ: „коло тыхъ *огней* усе святыя“, наконецъ, говорится о пляскѣ кругомъ костра:

„Тамъ же горитъ терновый *огникъ*,

Коль *она* ходитъ широкой танецъ“.

Въ Великой Руси, напр., въ Саратовской губ., *сожигаютъ* наканунѣ Нового года на улицѣ огромный ометъ *соломы*, называемый „Костромой“; въ Курской губ. наканунѣ Рождества и Крещенія *жгутъ солому* на дворѣ. И въ великорусскихъ святочныхъ пѣсняхъ сохранилось воспоминаніе о возжиганіи рождественскихъ костровъ, напр., по словамъ такой пѣсни, въ лѣсахъ дремучихъ „*они горятъ великіе*“; другая колядка, записанная въ Саратовской губ., начинается словами: „за рѣкой *огонь горитъ*“. Въ западной Европѣ преимущественно сохранился обычай *сожигать* на Рождество, какъ у южныхъ славянъ, *бревно*, носящее въ разныхъ мѣстахъ разные названія, напр., во Франціи — *souche de Noël*, *calendeau* и т. п., въ Германіи — *Weihnachstblock*, въ Англіи — *Yule-clog*, въ Швеціи — *Iula-brasa*; въ сѣверной Италіи данный обычай называется: „*arder il cerro*“ (жечь бревно). Словомъ, почти повсемѣстно въ Европѣ, въ обря-

дахъ или, по крайней мѣрѣ, въ пѣсняхъ уцѣлѣли остатки общаго всѣмъ населяющимъ ее народамъ, а слѣдовательно, несомнѣнно весьма древняго обычая—*возжигать они въ праздники высшаго и низшаго солнцестоянія*, и небозашибочно будетъ искать корни ихъ въ представленіяхъ и обычаяхъ народовъ древнѣйшей цивилизаціи.

По представленію древнихъ аріевъ, огонь (*Аgni*) низошелъ на землю съ неба въ видѣ молніи. И земному, и небесному *огню* воздавались *божескія почести*. Въ ведійскихъ гимнахъ огонь именуется повелителемъ вселенной, мудрымъ царемъ, также отцомъ, братомъ, сыномъ, другомъ человѣка. Постоянно проявляется здѣсь *благодѣтельное* по отношенію къ человѣку *дѣйствіе огня*, какъ возносителя жертвоприношеній къ богамъ, какъ разителя и губителя враговъ, какъ собирателя семьи у домашнего очага. Святость и чистота огня требовали особенно почтительнаго къ нему отношенія, съ другой стороны, огню приписывалась *очистительная сила*: отсюда обрядъ сожиганія мертвыхъ у древнихъ индусовъ, посредствомъ котораго умершіе очищались при переходѣ въ загробную жизнь.

Такую же *очистительную, возрождающую* къ новой жизни силу приписывали огню и семиты; но, кромѣ того, они въ небесномъ огнѣ, находившемся, по ихъ представленію, въ высшей небесной сферѣ, видѣли источникъ солнечнаго блеска, источникъ грознаго, губительнаго, всепожирательнаго лѣтнаго зноя и сопряженныхъ съ нимъ засухи, заразы и т. п., и придавали, слѣдовательно, огню не столько *благодѣтельное*, сколько *страшное, мѣткое, яростное, всепожирательное* и *истребляющее* значеніе. Въ книгахъ ветхаго завета неоднократно находятъ себѣ выраженіе такое представленіе огненной стихіи, неоднократно рисуется ослѣпительная картина области небснаго огня, гдѣ въ грозной славѣ и величіи царятъ Владыка вселенной, карающій и сокрушающій пламенемъ, испускаемымъ имъ съ неба. Пророкъ Даніилъ въ видѣніи своемъ видѣлъ „Ветхаго днями“, возсѣдающимъ на престолѣ, который былъ „какъ *пламя огня*“. „Отверзлись небеса“ пишетъ прор. Іезекіиль, „и я видѣлъ видѣнія Божія... великое облако и клубящійся *огонь* и *сіяніе* вокругъ него, а изъ средины его какъ бы *свѣтъ пламени изъ средины огня*, и изъ средины его видно было подобіе четырехъ животныхъ... и видѣ этихъ животныхъ былъ, какъ видѣ горящихъ углей, какъ видѣ лампадъ; *огонь* ходилъ между живот-

ними, и сіяніе отъ огня и молнія исходили отъ огня". Самъ Іегова является какъ бы олицетвореніемъ небеснаго огня: „Господь Богъ твой есть *огонь подающій*"; „познайте могущество мое", говоритъ Господь.. „кто изъ васъ можетъ жить при *огни пожирающемъ*, кто изъ васъ можетъ жить при *огненномъ пламени?*" Давидъ такъ изображаетъ картину гнѣва Господня: „поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его *огонь подающій*". Объ огнѣ, исходящемъ отъ Господа, приносящемъ смерть и разрушеніе, часто упоминается въ книгахъ ветхаго завета; Іегова — по-истинѣ *огненный Богъ*, являющійся въ разныхъ видовыхъ формахъ у разныхъ семитскихъ народовъ. Ассирійскій богъ огня *Адуръ* (величаемый иногда и эпитетомъ *Маликъ-Молохъ*) такъ характеризуется на древнихъ надписяхъ: „богъ, *освѣщающій народы и солнце,*" „*свѣтъ боговъ*", „страшный владыка храбрыхъ, царь силы, разоритель враговъ, покоритель непослушныхъ, истребитель мятежниковъ, царь жельза", словомъ, какъ представитель войны, символомъ которой въ древности неоднократно служилъ огонь. У народовъ Хаанааекихъ, въ Сирии и Финикіи, грозный представитель огня носилъ названіе *Молохъ* (Малахъ, Молахъ). Культъ его характеризовался приношеніемъ ему въ жертву людей (взрослыхъ и младенцевъ), *преданіемъ ихъ пламени*. Обычай *сожжанія людей* въ честь Ваала-Молоха перенесенъ былъ финикіянами и въ Кароагенъ, а оттуда — въ Сардинію, главнѣйшую Кароагенскую провинцію. Жертвоприношенія эти частью повторялись періодически, частью обуславливались особыми обстоятельствами общественной и частной жизни и имѣли, соотвѣственно тому, характеръ то умиловительный (когда постигали народъ бѣдствія: война, засуха, чума), то обѣтныи или благодарственный. Въ древней Египтѣ былъ сходный обычай сожигать живыхъ людей въ честь бога засухи и огня, *Сета*, или *Сутеха* (*Тифона* греческихъ писателей). Это имѣло мѣсто во время канікулъ, т.-е. въ пору сильнѣйшаго зноя. Въ Галліи, въ культѣ Друидовъ, по словамъ греческихъ и римскихъ авторовъ, также существовали жестокіе жертвенные обычаи, обнаруживающіе вліяніе семитскаго культа Молоха; сооружались изъ прутьевъ колоссальныя человѣческія фигуры, пустыя внутри; онѣ наполнялись *живыми людьми*, иногда *людьми и животными*, и *сожигались*.

Нельзя не видѣть остатковъ этого древняго семитско-галльскаго обычая въ нѣкоторыхъ жертвенныхъ обрядахъ, сопровождающихъ

возжиганіе ивановскихъ костровъ. Во Франціи встарину *сжигались на ивановскомъ кострѣ живыя кошки или лисицы*, заключенныя въ корзинкѣ или въ мѣшкѣ. Въ Пиринейяхъ еще недавно существовали, а можетъ быть, еще и нынѣ существуетъ обычай *сжигать на ивановскомъ огнѣ живыхъ змѣй*. Раздирающіе крики и отчаянныя искривленія тѣла сгорающихъ живыхъ животныхъ привѣтствовались толпой громкимъ ликованіемъ и бѣшенными плясками кругомъ огня, напомиающими неистовыя пляски и бѣснованіе ханаанскихъ народовъ кругомъ жертвенника Ваала-Молоха. Дальнѣйшее ослабленіе древняго семитскаго обычая представляетъ *сжиганіе на ивановскомъ кострѣ костей мертвыхъ животныхъ* (во Франціи) или *лошадиной головы* (въ Германіи). Въ одной галицко-русской купальской пѣснѣ сохранилось воспоминаніе о *сожженіи* („испеченіе“) *на ивановскомъ кострѣ* („сobotкѣ“) *слѣпой кошки*:

„Долишняве! горишняве!
Сходьтеса до насъ на sobotку,
Спечемы вамъ сплну котку“.

Въ Икорѣ (въ окрестностяхъ Петербурга) еще въ прошедшемъ столѣтіи наканунѣ Иванова дня при пляскахъ *сжигали на кострѣ благо пѣтуха*. Эсты *бросають въ огонь ивановскаго костра разные предметы* (камни, куски дерева, прутья и т. п.), въ качествѣ *жертвенныхъ даровъ огню*, произнося при этомъ: „миѣ лень, огню—сорняга травы“.

Въ то время какъ во вѣсѣхъ приведенныхъ случаяхъ, относящихся преимущественно до западной Европы, костры, возжигаемые въ пору высшаго солнцестоянія, являются *жертвенными* огнями, на которыхъ богу небснаго огня приносятся въ даръ живые и не живые предметы, они у славянъ болѣе или менѣе утрачиваютъ жертвенный характеръ, а пріобрѣтаютъ предпочтительно *символическое* значеніе, служа какъ-бы *эмблемой небснаго огня*, уничтожающаго и пожигающаго расцвѣтшую весною природу: у славянъ на ивановскомъ кострѣ сжигается молодое дерево («мавкѣ») или соломенная кукла («Марена», «Купало» и т. п.), или цвѣты и вѣнки, служащіе символами божества весенняго плодородія (ср. мой очеркъ: «Богиня весны и смерти въ пѣсняхъ и обрядахъ славянъ». Вѣстникъ Европы 1895 г. іюнь и іюль). Самый огонь ивановскихъ костровъ во многихъ мѣстахъ носить въ

народѣ характеристическія названія: «живой огонь», «царь огонь» (Новгородск. губ.), «божій огонь», «небесный огонь» — «Himmels Feuer» (въ Швабін), и даже «средо-лѣтній Вааль» — «Midsummersbaal» (въ Даніи).

Я упоминалъ уже выше о томъ, что древніе народы какъ арійскаго, такъ и славянскаго племени приписывали огню вообще *очистительную силу*. На томъ же представленіи основаны разныя обряды дѣйствія, которыми сопровождается возжиганіе обрядныхъ костровъ: такъ повсемѣстно у славянъ распространенъ обычай *проводить скотъ черезъ пламя костровъ* (не только ивановскихъ, но и масленичныхъ, пасхальныхъ) и *скакать черезъ ивановскіе костры*, съ цѣлью обезпеченія себя отъ погубныхъ вліяній злой, нечистой силы, словомъ — для очищенія отъ недуговъ настоящихъ и будущихъ. Тотъ же обычай соблюдается и у многихъ европейскихъ народовъ, съ тою же цѣлью очищенія. Во Франціи не только *скачутъ черезъ огонь* взрослые, но *переносятся* черезъ него и дѣти. Въ Шотландіи молодые люди *скачутъ черезъ огонь*, въ то время какъ пожилые бормочатъ молитву; дѣвушки *переходятъ черезъ пламя костровъ* въ надеждѣ получить жениха, беременныя женщины — чтобы роды были легки. И шотландцы *переносили черезъ огонь* дѣтей. Въ Греціи женщины, *прыгая черезъ ивановскіе костры*, восклицаютъ: «избавляюсь (т. е. очищаюсь) отъ грѣховъ». Обычай во время скотскаго падежа *зажигать огонь* посреди скотнаго загона и *проводить черезъ него скотъ*, съ цѣлью предохраненія его отъ заразы, былъ извѣстенъ уже въ древней Индіи. Провожденіе же дѣтей черезъ огонь было обычаемъ весьма распространеннымъ у народовъ семитскихъ, о чемъ неоднократно свидѣтельствуютъ книги ветхаго завѣта, напр.: «не долженъ находить-ся у тебя *проводящій сына своего или дочь свою черезъ огонь*». Сыны израилевы, впадая въ идолопоклонство, поклонялись Ваалу и *проводили сыновей своихъ и дочерей своихъ черезъ огонь*. Обрядъ этотъ, по свидѣтельству другихъ мѣстъ, совершался въ честь Ваала-Молоха, при чемъ остался еще неразъясненнымъ, было ли цѣлью этого обряда очищеніе проводимыхъ черезъ огонь, или символическое выраженіе ихъ сожиганія, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ фактически приводилось въ исполненіе.

Сопоставляя все вышесказанное, приходимъ къ заключенію, что огонь ивановскихъ костровъ, возжигаемый въ пору высшаго

солидестояніи, прежде всего представляет символъ небеснаго огня, источника лѣтнаго зноя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (преимущественно въ западной Европѣ), какъ уже было замѣчено мною раньше, огню этому приносятся жертвы, въ другихъ (преимущественно среди славянъ) онъ, какъ эмблема небеснаго огня, пожираетъ символы божества весенняго плодородія. Повсемѣстно огню этому приписывается очистительная сила, предохраняющая отъ недуговъ, обезпечивающая здоровье, плодородіе и благополучіе.

Эта послѣдняя, именно *очистительная* и въ то же время *возрождающая, живительная сила огня* преимущественно находятъ себѣ выраженіе въ обрядныхъ *огняхъ—рождественскомъ* или *новогоднемъ* и родственныхъ ему *весеннихъ*. Южно-славянская рождественская пѣсня воспѣваетъ стараго бадняка и молодого божича. Старый «баднякъ»—дубовое бревно, сгорающее наканунѣ Рождества—*возрождается* въ образъ молодого божича, представителя даннаго праздника. «Кострома», у которой, по словамъ сопровождающей сожиганіе ея пѣсни, «головушка болитъ», словомъ, больная въ зимнюю пору богиня, сгорающая на рождественскихъ святкахъ, очевидно, *возрождается* посредствомъ огня и является также представительницей весенняго плодородія, въ пору зноя опять погибающей и оплакиваемой (ср. «Богиня весны и смерти»). Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и весьма распространенный въ разныхъ мѣстахъ Европы обрядъ сожиганія (или потопленія) въ весеннюю пору пучковъ соломы, чучель (Марены, Смерти) и т. п., заключающійся встрѣчей и привѣтствованіемъ возродившейся весны (ср. тамъ-же). Обряды *возжиганія костровъ*, какъ выраженіе *самосожженія*, съ цѣлью *возрожденія*, героевъ и героинь древнихъ мифовъ, мы находимъ у народовъ семитскихъ: такъ, въ Тарсѣ (въ Киликіи) черезъ каждыя пять лѣтъ праздновалось торжество въ честь Сандана, при чемъ *сожигалось на костръ его изображение*. Санданъ, киликійскій Гераклъ, по выраженію Вебера, «посредствомъ *самосожженія* побѣждаетъ враждебныя ему силы и *возрождается* къ новой жизни очищеннымъ и юнымъ; подобно ему и Сарданапаль, по вѣрованію семитскихъ народовъ, *изъ пламени пожравшаго его костра* выходитъ *героємъ, полубогемъ*». Отправлявшійся финиціянами въ Тиръ ежегодно праздникъ въ честь пробуждающагося отъ зимняго сна солнечнаго героя Геракла-Мел-

карта, вѣроятно, также сопровождался возженіемъ костровъ, — на это указываетъ древнее свидѣтельство о гробницѣ Геракла въ Тирѣ, гдѣ онъ былъ «*сожженою онемъ*». Память о сожженіи Геракла-Мелкарта праздновалась и финикійской колоніей въ Гадирѣ (Кадисѣ). По греческому сказанію, Гераклъ, погибающій отъ отравы, въ предсмертныхъ мукахъ вступаетъ на воздвигнутый для него *костеръ*. Костеръ *разгорается*, и богоподобный витязь, при раскатахъ грома и сверканіи молніи, на облакѣ, очистившись отъ недуга, возрожденный *возносится на небо*. И въ мифахъ о Семирамидѣ, Дидонѣ (кароагенской Астартѣ) и другихъ богиняхъ того же цикла, также важную роль играетъ актъ *самосожженія героини* женою. Извѣстно то высокое значеніе, которое у нѣкоторыхъ народовъ передней Азіи имѣли связанныя съ особыми символическими обрядами, церемоніями и переряживаніями праздники костровъ и факелозъ, отправлявшіеся въ честь и воспоминаніе *очищенія и обновленія онемъ* того или другого божества. Эти праздники костровъ даютъ намъ ключъ къ уразумѣнію основного значенія и нашихъ обрядныхъ костровъ новогоднихъ и весеннихъ, также символически выражающихъ *возрожденіе посредствомъ огня* одряхлѣвшаго въ пору кратчайшихъ дней солнца, или замершей, застывшей отъ зимней стужи природы, точнѣе — божественной представительницы ея, весной обновляющейся и оживающей.

2. Живая вода.

Отъ акта оживленія или очищенія огнемъ переходу къ не менѣе распространенному въ древнихъ религіяхъ обряду омовенія, купанія, погруженія въ воду или *оживленія водой*. Въ другомъ мѣстѣ¹⁾ я обратилъ вниманіе на то, что солнце и двойникъ его огонь представляютъ по преимуществу предметъ культа мужского, а вода — женскаго населенія: мужчины въ обрядныхъ дѣйствіяхъ болѣе группируются около огня, женщины — около воды. Къ славянскимъ обрядамъ, въ которыхъ главную роль играютъ женщины, принадлежатъ между прочимъ совершаемые раннею весной проводы смерти и встрѣча весны (лѣта). Отдѣльные моменты этого торжества, до сихъ поръ отправляемаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Че-

¹⁾ „Божества древнихъ славянъ“. I. 300, 301.

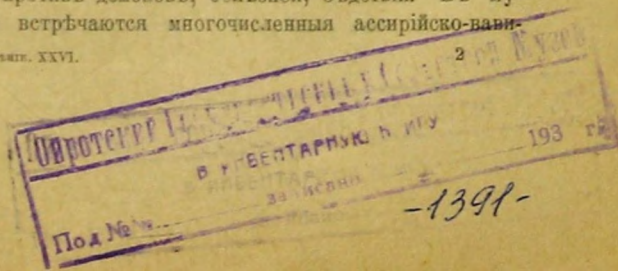
хія, Моравіи, Польши¹⁾, заключаются: 1) въ шествіи съ чучеломъ, изображающимъ смерть (смертоносную богиню), изъ селенія къ водѣ; 2) въ срываніи съ него облекающей его одежды (если чучело не одѣто, то его самого разрываютъ на части); 3) въ *погруженіи чучела въ воду* (потопленіи, иногда замѣщаемомъ сожиганіемъ, см. выше), послѣ чего 4) срубаютъ деревцо, изображающее воскресшее лѣто, одѣваютъ его въ платье, въ которое передъ тѣмъ одѣто было чучело (=метаморфозъ «Смерти» въ «Лѣто»), украшаютъ пестрыми лентами и блестками и съ пѣснями и ликованіемъ вносятъ въ селеніе. Главный актъ обряда состоитъ въ *погруженіи* (зверженіи) *изображенія Смерти въ воду*, вслѣдствіе чего *Смерть превращается въ «Лѣто»* т.-е. въ богиню весны (лѣта), символомъ которой служитъ разукрашенное деревцо. Погруженіе изображенія божества въ воду, омовеніе его или обновленіе силъ его водою, составляло и главнѣйшую часть обрядныхъ дѣйствій, ежегодно совершавшихся въ честь матери-земли Nerthus въ древней Германіи, Великой матери Идейской въ Римѣ, богини Сирийской въ Герополісѣ и др. Драгоцѣнный древне-ассирійскій клинописный памятникъ повѣствуетъ о нисхожденіи богини Истары (Астарты) въ подземное царство, какъ бы смерть ея, и затѣмъ оживленіе или воскресеніе ея посредствомъ излитія на нее живой воды: богиня нисходитъ въ мрачную обитель бога Иркалла, къ дому, не имѣющему выхода, по пути, по которому уже нѣтъ возврата. Мракъ царствуетъ въ этой области, пыль покрываетъ ворота, въ которыя она стучится. Стражъ отпираетъ ворота и, когда она проходить черезъ нихъ, снимаетъ съ головы ея тиару, у вторыхъ воротъ онъ вынимаетъ изъ ушей ея серьги, у третьихъ воротъ онъ снимаетъ ожерелье съ ея шеи, у четвертыхъ—одежду съ ея груди, у пятыхъ—поясъ съ ея платья, у шестыхъ—запястья съ ея рукъ и ногъ, у седьмыхъ—одежду съ ея плечъ: «Такъ поступаетъ Нинкигала (богиня преисподней)—говоритъ онъ—съ тѣми, кто приходитъ къ ней». Всѣ члены богини Истары: глаза, руки, ноги, сердце, голова поражаются болѣзною. Но міръ не можетъ жить безъ Истары, подательницы плодородія. Богъ Іа посылаетъ вѣстника къ Нинкигалѣ съ приказаніемъ отпустить Истару. Нинкигала велитъ *оросить Истару живой водой*, она исцѣляется отъ недуговъ, воз-

1) Подробности см. въ статьѣ: „Богиня весны и смерти“.

вращается къ жизни и отправляется въ обратный путь на землю; у вадыхъ изъ семи воротъ ей возвращаются снятыя съ нея охвачія и украшения. «Живая вода», какъ средство для очищенія, упоминается и въ Ветхомъ заветѣ, также въ откровеніи Іоанна. «Живая вода» творить чудеса и въ русскихъ былинахъ. На народномъ языкѣ нитѣ «живой водой» называется дождевая, т.-е. небесная влага.

3. НАУЗЫ. КРАСНАЯ НИТЬ.

Въ народной медицинѣ и волшебныхъ чарахъ у всѣхъ славянъ играютъ значительную роль *наузы*, *узлы*, *навязки-амулеты*, замѣчать Афанасьевъ и приводить многочисленныя старинныя свидѣтельства христіанскихъ писателей славянскихъ, порицавшихъ пошenie и навязываніе «бѣсовскихъ» узловъ и наузъ. Наузы состояли изъ различныхъ привязокъ, надѣваемыхъ на шею. Большею частью это были травы, корни и иныя снадобья, которымъ суевѣріе приписывало *чаробную* силу. Въ христіанскую эпоху употребленіе въ наузахъ *ладона* (который получилъ особенно важное значеніе, потому что возжигается въ храмахъ) до того усилилось, что всѣ привязки стали называться *ладонками*, даже и тогда, когда въ нихъ не было ладону. Ладонки до сихъ поръ играютъ важную роль въ простонародіи: отправляясь въ дальнюю дорогу, путники надѣваютъ ихъ на шею, въ предохраненіе отъ бѣдъ и порчи. Волшебныя привѣски, чародѣйныя мѣшочки издревле извѣстны были въ числѣ суевѣрій, замѣтованныхъ евреями отъ филистимлянъ и противъ которыхъ возстаютъ пророки и учителя Израиля: «въ тотъ день отнять Господь красивыя цѣпочки на ногахъ, и звѣздочки, и луночки... и привѣски волшебныя», восклицаетъ прор. Ісаія. «Горе спивающимъ чародѣйныя мѣшочки подъ мышки», восклицаетъ прор. Іезекиль. Такія привѣски (талисманы) весьма распространены были въ древности у халдеевъ и ассирійанъ. Онѣ были разныхъ родовъ: то представляли кусочки матерій, заключавшіе въ себѣ тексты заклинательныхъ формулъ и привѣшивавшіеся къ предметамъ домашней утвари или къ платью, то готовились изъ другихъ матеріаловъ и носились на шеѣ, какъ предохранительное средство противъ демоновъ, болѣзней, бѣдствій. Въ музеяхъ древностей встрѣчаются многочисленныя ассирійско-вави-

лонскія каменные привѣски, на которыхъ вырѣзаны изображенія боговъ и геніевъ, а равно и заклинательныя формулы, въ которыхъ рѣчь идетъ объ изгнаніи злыхъ демоновъ, чумы и т. п. и призываются благія божества и добрые демоны на пользу и благо человѣку. Славилась въ древности и такъ называемая „эфесскія письмена“, т.-е. заклинательныя слова или формулы, которыя въ видѣ привѣскокъ носились жителями Эфеса, съ цѣлью предохраненія себя отъ дурныхъ вліяній; онѣ же, по народному вѣрованію, способны были изгонять демоновъ изъ людей. Подобныя же привѣски извѣстны были и въ Милетѣ. Заключавшіяся въ шихъ „милетскія письмена“ представляли смѣсь словъ греческихъ и фригійскихъ.

Особенное значеніе придается у всѣхъ славянъ *красной нити*, *красной шерсти* или *ленточкѣ*: въ Болгаріи, около Татаръ-Базарджика, къ числу обрядовъ, совершаемыхъ беременными женщинами 8 января (въ такъ называемый „Бабинъ день“), принадлежитъ принятіе отъ бабки *нити красной шерсти*, которая, вмѣстѣ съ другими предметами, должна способствовать скорѣйшему разрѣшенію отъ бремени. У мазуровъ *красная ленточка*, надѣтая на шею новорожденнаго младенца, служить къ огражденію его отъ вреднаго вліянія чужого глаза. У чеховъ также *красная повязка* оберегаетъ ребенка отъ заколдованія или порчи. Въ Россіи *девять нитокъ красной шерсти*, навязанныя на шею ребенка, предохраняютъ его отъ скарлатины; отъ лихорадки носятъ на рукахъ и на ногахъ *повязки изъ красной шерсти* или *тесемы*; если „разовьется“, т.-е. заболитъ связка ручной кисти, то ее обвязываютъ *красною пряжею*. Суевѣрія эти опять гнѣзятся въ древнѣйшихъ преданіяхъ. Законъ Моисея, столь энергически порицавшій всякія чародѣянія, волхвованія и волшебство соеѣдихъ съ евреями народовъ, очевидно, вслѣдствіе слишкомъ глубоко вкоренившейся въ сознаніе народа древней традиціи о чудодѣйственныхъ свойствахъ красной нити, не только не гнушается употребленія ея въ дѣло, какъ магическаго средства противъ нечистоты или оскверненія (родственнаго болѣзни, дурному глазу и пр., такъ какъ испѣленіе отъ недуга, глаза и пр. есть очищеніе), но даже предписываетъ приобѣгать, между прочимъ, къ этому средству при очищеніи дома: „и возьметъ кедровое дерево, и иссопъ, и *червленую нить*, и живую птицу, и омочитъ ихъ въ крови птицы заколотой и въ живой водѣ, и покропитъ домъ семь разъ. И *очиститъ* домъ кровію птицы и

живою водою, и живою птицею, и кедровымъ деревомъ, и иссопомъ, и *червеною нитью*". Евреи, можетъ быть, заимствовали въбраваніе въ чудесную силу красной нити изъ Египта. Египетскіе жрецы-клижники, по свидѣтельству Дюдора, носили на головѣ перо коршуна и *пурпуровую нить*. У римлянъ жена юпитерова жреца, бывшая въ то же время и жрицей Юноны, обязательно, по *древнему обычаю*, украшала голову свою особой пирамидальной прической, черезъ которую пропускалась *шерстяная лента пурпуроваго цвѣта*. Гримиъ указалъ на датскія народныя пѣсни, въ которыхъ героиня, для „закръпленія себя“, т. е. для огражденія своего шлема и своей жизни, перевязываетъ шлемъ *красной шелковиной*.

4. КРОВЬ, МЯСО И КОЖА ЖЕРТВЕННОГО ЖИВОТНАГО.

Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, при разсмотрѣніи жертвенныхъ обрядовъ древнихъ славянъ, я указалъ на важное значеніе, которое приписывалось славянами-язычниками жертвенной крови. Болгары и нынѣ еще, когда колютъ барановъ въ Юрьевъ день, собираютъ истекающую изъ жертвеннаго животнаго *кровь* въ чашу и употребляютъ ее, какъ *цѣлительное* средство. Жрецы балтійскихъ славянъ *пили жертвенную кровь*, которая пробуждала въ нихъ даръ *пророчанія*. На *окушеніе* у русскихъ *жертвенной крови* намекаетъ митрополитъ Иларіонъ; *кровью* убитой на Рождество свиньи до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи *брызгаютъ въ огонь*, и ей приписывается способность *изгонять нечистую силу* изъ хлѣва. Такое же благотворное дѣйствіе приписывается и нынѣ еще *крови* пѣтуха, закалываемаго латышами въ Усиньевъ день, изливаемой на овесъ или на косякъ двери въ конюшнѣ. Съ такою же цѣлью чехи въ страстной четвергъ (мѣстами въ страстную пятницу или субботу) зарѣзываютъ двухъ молодыхъ голубей и *кровь* ихъ *изливаютъ* на приготовленную для прочихъ голубей *пшеничную зерна*. Голуби, поѣвшие этихъ зеренъ, *тѣмъ предохраняются* отъ всякихъ *незгодъ*. У литовскихъ народовъ жрецъ (вуршкайтъ) возлагалъ руку на обреченное на закланіе жертвенное животное и, заколовъ его, собранную въ чашу *кровь распыкивалъ* или *окропалъ* ею присутствовавшихъ; остатокъ же крови послѣдніе дѣлили между собой, и каждый *окропалъ* ею у себя дома свою скотину.

1) Бож. др. слав. I, 43 п'ед.

Сравнимъ опять описанные обряды со сходными обрядами нѣкоторыхъ древнихъ народовъ. У римлянъ въ позднѣйшія времена существовалъ заимствованный изъ Фригіи обычай *очищенія отъ грѣховъ* посредствомъ *крови* жертвеннаго животнаго (Taurobolia). По словамъ церковнаго писателя Пруденція, посвящаемый садился въ яму, которую покрывали пробуравленными, на подобіе рѣшета, досками. На этихъ доскахъ закалывалось жертвенное животное: кровь струей лилась изъ раны черезъ отверстія въ яму и орошала и обаграла находившагося въ ямѣ; вѣрующій ловилъ ее устами, обмывалъ себѣ ею лицо, пропитанныя же кровью платья тщательно берегались. Этому кровавому крещенію приписывалась очистительная сила „возрожденія“, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя древнія надписи. Перехожу къ обрядамъ кроваваго жертвоприношенія, предписаннымъ Моисеемъ: прежде чѣмъ рѣзать животное, жертвователю возлагалъ на него свою руку (какъ литовскій вуршкайтъ, см. выше). Возложеніе одной или обѣихъ рукъ на голову жертвеннаго животнаго имѣло значеніе перенесенія на послѣднее грѣховъ, по искупленіе которыхъ совершалось жертвоприношеніе: „возложить руку свою на голову жертвы за грѣхъ и заколетъ ее за грѣхъ“, предписывалъ Господь Моисею, или въ другомъ мѣстѣ: „возложить Ааронъ обѣ руки свои на голову живого козла и исповѣдаетъ надъ нимъ всѣ беззаконія сыновъ израилевыхъ, и всѣ преступленія ихъ, всѣ грѣхи ихъ, и возложить ихъ на голову козла... и понесетъ козелъ на себѣ всѣ беззаконія ихъ“. По закланіи козла, собиралась въ чашу истекавшая изъ раны *кровь*; право собирать кровь принадлежало одному священнику. Обходя кругомъ алтаря съ упомянутою чашею въ рукахъ, онъ *окроплялъ кровью* или *обмазывалъ* ею рога, ножки, углы и стѣнки алтаря, а остальную выливалъ на стѣнку алтаря или у его подножія. Крови приписывалась способность *омывать отъ грѣховъ* народъ, *очищать отъ преступленій* народа святилище и жертвенникъ. Кровь жертвеннаго агнца употреблялась евреями и при посвященіи въ священнической санъ: ею окроплялось ухо и большой палецъ руки и ноги посвящаемаго и одежда его. Сходный обрядъ совершался евреями и при очищеніи челоуѣка отъ грѣховъ. Рядомъ съ упомянутыми обрядами встрѣчается у евреевъ и простое окропленіе народа жертвенною кровью изъ чаши, какъ у древнихъ славянъ и литовцевъ.

Важная роль, которую играла у евреевъ кровь, объясняется тѣмъ, что, по представленію ихъ, *въ крови заключалась душа животного*; вотъ почему одни только священники имѣли право собирать жертвенную кровь, и строго запрещалось закономъ вкушать крови: „*Душа тѣла въ крови*“, говорилъ Господь Моисею: „Я назначилъ ее вамъ для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сія душу очищаетъ... Не ѣшьте крови ни изъ какого тѣла, потому что *душа всякаго тѣла есть кровь сію*; всякій, кто будетъ ѣсть ее, истребится“, или: „строго наблюдай, чтобы не ѣсть крови, потому что *кровь есть душа*; не ѣшь души вмѣстѣ съ мясомъ, не ѣшь ея, выливай ее на землю, какъ воду“.

Послѣ всего сказаннаго становится яснымъ, отчего и древніе славяне (въ особенности балтійскіе), и народы литовскіе, върованія которыхъ находятся въ въ тѣсной связи съ древнѣйшими преданіями человечества, придавали столь важное значеніе жертвенной крови. Душа жертвеннаго животного, въ видѣ крови его, очищала отъ грѣховъ и козней злой силы народъ, который жрецъ окроплялъ кровью; она же ограждала окропляемый скотъ отъ всякихъ невгодъ и бѣдствій. Душа жертвеннаго животного, проликая въ уста балтійско-славянскаго жреца, въ видѣ крови, которую онъ испивалъ, *пробуждала въ немъ духъ пророчій*. На томъ же, безъ сомнѣнія, основаніи Одиссей, прибывъ въ царство мертвыхъ, закалываетъ овечь и предлагаетъ „черную кровь“ ихъ тѣнямъ умершихъ, которая, напившись ея, получаютъ вновь сознаніе и „*способность отличать истину*“.

При „мирныхъ жертвоприношеніяхъ“ евреевъ главную часть обряда составляло убіеніе жертвеннаго животного и *сладкое его мяса*. Священное значеніе вкушенія мяса жертвеннаго животного, нерѣдко подававшее поводъ къ обрядному объѣденію на большихъ народныхъ торжествахъ (ср. послѣжертвенные пиры въ честь Геракла, Геркулеса, Святовита Арконскаго и др.), подтверждается слѣдующими словами Ветхаго завіѣта: „Она (жертва) должна быть съѣдаема на святомъ мѣстѣ, на дворѣ скинии собранія. Все, что прикоснется къ мясу ея, *освятится*... Весь мужской полъ священническаго рода можетъ ѣсть ее,—это *великая святиня*“. На томъ же самомъ принципѣ основано и величайшее таинство христіанской церкви, предписывающей *вкушеніе крови и тѣла* Искупителя міра, божественнаго *лица*, принявшаго на себя *грѣхи* челове-

ства; священная трапеза христіанской церкви—та же „великая святыя“; ею вѣрующіе очищаются отъ грѣховъ и дѣлаются причастными вѣчной жизни и вѣчнаго блаженства.

По закону Моисея, тукъ и сальникъ на печени при „мирной жертвѣ“ сожигались на жертвенникѣ, изъ остальной же части на долю священника приходилась *чреда* и правое плечо его; при жертвѣ же „всесожженія“, т. е. при сожиганіи всего животнаго, за исключеніемъ *кожи*, послѣдняя поступала въ пользу священника. У болгаръ, по совершеніи обряднаго закланія барашковъ въ Юрьевъ день, *попъ*, прочтя молитвы, и нынѣ еще беретъ съ каждаго хозяина по четверти барашка, кромѣ прочей провизіи; сходный обычай имѣетъ мѣсто и у сербовъ; *священникъ* же получаетъ и *шкуру* барашка.

5. ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ.

Къ главнѣйшимъ поминальнымъ праздникамъ въ Россіи принадлежатъ *весеннія* поминки, нынѣ совершаемыя въ день Радуницы („Навій день“), т. е. во вторникъ на Оуминой недѣлѣ, также въ Троицкую субботу; поминуютъ на Руси покойниковъ и наканунѣ масленицы, т. е. въ самую раннюю *весеннюю* пору; съ перевесеніемъ же празднованія Новаго года на 1-ое января, т. е. на начало святокъ, поминовеніе усопшихъ родственниковъ мѣстами, какъ напр. въ Малой Руси, вошло и въ число святочныхъ обрядовъ. Болгары также отправляютъ поминки („задушницы“) въ извѣстныя субботы въ теченіе *весны*. Сербо-хорваты справляютъ „Радуницу“ въ понедѣльникъ на Оуминой недѣлѣ. Кромѣ того, главнѣйшимъ поминальнымъ днемъ („задушница“) у сербовъ служитъ всесвятское воскресенье, т. е. также одинъ изъ *весеннихъ* праздниковъ.—У древнихъ римлянъ такъ называемыя *родительскіе дни* (dies parentales) отправлялись передъ самымъ наступленіемъ *весны* или новаго года, по старому календарю, а именно во второй половинѣ февраля, съ 13-го по 21-е число этого мѣсяца. Въ Иранѣ, по народному вѣрованію, *души усопшихъ пробуждались весной*, вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы. Въ это время, а именно въ теченіе послѣднихъ пяти дней стараго года (февраля) и первыхъ пяти—новаго (марта), слѣдовательно, въ то-же, приблизительно, время, какъ у древнихъ римлянъ и славянъ, онѣ *нисходили на землю*,

посѣщали дома своихъ родственниковъ и принимали отъ нихъ угощенія: „Кто жертвуетъ имъ (душамъ усопшихъ)“, говорится въ Авестѣ, „рукою, снабженною мясомъ, рукою, снабженною одеждою, съ молитвою, достигающей чистоты, тою благословляютъ удовлетворенные, не мстительные, не оскорбленные, сильные фраваша (души усопшихъ), чистые: въ этомъ домѣ (говорятъ они) будетъ изобиліе быковъ, людей, въ немъ будутъ быстрые кони и крѣпкая колесница; тотъ мужъ будетъ пользоваться почтеніемъ, будетъ главою собранія, кто намъ постоянно жертвуетъ рукою, снабженною мясомъ, рукою, снабженною одеждою, съ молитвою, достигающею чистоты“. Выраженный здѣсь взглядъ на отношеніе людей къ усопшимъ родственникамъ продолжаетъ и нынѣ существовать въ народѣ у всѣхъ славянъ. На Руси, когда зимою, послѣ трескучихъ морозовъ, настанетъ вдругъ оттепель, поселяне замѣчаютъ, что „родители вздохнули“, т.-е. мертвые повѣяли (дохнули) тепломъ. Въ Россіи же существуетъ повѣріе, что на первый день Пасхи (одинъ изъ важнѣйшихъ *весеннихъ* праздниковъ, когда *воскресаетъ* природа) открывается небо, и въ продолженіе всей свѣтлой недѣли *души усопшихъ* (подобно иранскимъ фраваша) *постоянно обращаются между живыми*, посѣщаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, *визитъ, вѣдять и радуются* вмѣстѣ съ ними. — Древніе индусы верѣдко призывали усопшихъ къ своимъ жертвеннымъ трапезамъ; ихъ, „родителей“, приглашали присѣсть къ огню, имъ предлагались ежедневно угощенія, а въ каждое новолуніе въ честь ихъ устраивались особенныя *поминальныя трапезы*. Парсы (потомки древнихъ иранцевъ), подобно предкамъ своимъ, въ теченіе перваго года послѣ смерти кого-либо изъ родственниковъ, поминаютъ его ежедневно молитвою къ фраваша, произносимую передъ ѣдою, а черезъ мѣсяць послѣ смерти—особенною службою. Затѣмъ, въ слѣдующіе года, въ 4-й, 10-й и 30-й дни каждаго мѣсяца, въ особенности же въ теченіе упомянутыхъ десяти дней, при наступленіи новаго года, также возносятся молитвы къ фраваша. — Такъ и у славянъ до сихъ поръ повсемѣстно, въ извѣстные въ году поминальные дни, а также въ извѣстные промежутки времени послѣ смерти родственника, въ 9-й, 20-й, 40-й дни и пр. (болгары посѣщаютъ могилы своихъ родныхъ на 3-й, 9-й, 12-й, 20-й и 40-й дни; затѣмъ эти посѣщенія повторяются черезъ 3, 6, 9 и 12 мѣсяцевъ) совершаются дома или на могилахъ своеобразные обряды,

составная часть которыхъ заключается во-первыхъ въ угощеніи умершихъ виномъ, пивомъ, блинами и другими яствами, которыя ставятся на столъ (или мечутся подъ столъ), когда поминовеніе происходитъ дома, или же кладутся или выливаются на могилу, когда оно совершается на кладбищѣ, и во-вторыхъ- въ слѣдующей за тѣмъ *поминальной трапезѣ*.

„Въ *Троицкую субботу*“, по словамъ Стоглава (1550 г.), „по селомъ и погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и *плачутся по гробомъ умершихъ* съ великимъ воплемъ“. Прекрасной иллюстраціей къ этому свидѣтельству могутъ служить слова Оларія, путешествовавшаго по Россіи въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія и описавшаго поминки, происходившія въ *Троицкую же субботу* на русскомъ кладбищѣ въ Нарвѣ: „кладбище было наполнено русскими женщинами, разстилавшими на могилахъ и надгробныхъ памятникѣхъ прекрасно вышитые нестрые платки; на платки ставились блюда съ блинами и пирогами, рыбой и крашеными яйцами; онѣ частью стояли у могилы, частью лежали распростертыми на нихъ, выли и воили, обращая разные вопросы къ покойникамъ. Менцій (въ началѣ XVI вѣка), рассказывая о поминальныхъ обрядахъ русскихъ на нашей западной окраинѣ, говорить, что во время поминальной трапезы (происходившей на дому) бросали подъ столъ по кусочку отъ кушаній, также выливали пиво, какъ *упокоеніе душамъ умершихъ*. Если что-нибудь съѣтное случайно падало со стола на полъ, то упавшее не поднималось, а оставлялось, какъ говорилъ народъ, въ пользу умершихъ. По окончаніи же пиршества, знахарь выметалъ изъ избы метлою души умершихъ, произнося: „Ѣли-пили, *душечки*, а теперь *ступайте* вонъ, вонъ!“ И нынѣ еще бѣлоруссы, въ осенній поминальный праздникъ, садясь за трапезу, приглашаютъ души умершихъ (дядовъ-дѣдовъ) прилетѣть къ нимъ:

„Святы *дяды*, зовемъ васъ: *ходзице до насъ!*
Есць тутъ усё, что Богъ даў,
Чимъ только хата богата,
Просимъ васъ, *ляцице* (=летите) *до насъ!*“

По окончаніи ужина встаютъ изъ-за стола, молятся Богу расходятся, приговаривая:

„Святые *дяды*, *ляцице* *цеперь до неба!*“

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Руси, когда совершаются годовыя поминки на дому въ честь всѣхъ усопшихъ родичей, внезапно отсутствующихъ при этомъ обрядѣ, хозяинъ, по окончаніи трапезы, открываетъ окно, распускаетъ на улицу кусокъ холста и приглашаетъ покойниковъ возвратиться въ свои загробныя жилища по постланному полотну: „*ступайте съ Богомъ!* воть тутъ будетъ вамъ помиче!“ Болгары, посѣщая въ указанные выше дни могилу умершаго и принося съ собою угощеніе (вареный ячмень, рисъ, кружку съ виномъ или водкой), увѣрены, что *душа усопшаго присутствуетъ* тутъ же и принимаетъ съ признательностью приношенія. Далматскіе морлаки, по свидѣтельству Фортиса (XVIII в.), совершали поминки по умершемъ въ каждый праздникъ въ теченіе нѣлаго года: женщины, приходя на могилу, орошали ее слезами, украшали цвѣтами, посыпали душистыми травами. Если по какой-либо причинѣ приходилось пропускать праздникъ безъ отпразднованія поминокъ, то онѣ извинялись въ томъ передъ покойникомъ, бесѣдуя съ нимъ, какъ съ живымъ, и давая ему подробный отчетъ о причинахъ, принудившихъ ихъ не исполнить, по отношенію къ нему, своего долга. Во всѣхъ данныхъ случаяхъ обнаруживается существованіе въ сознаніи народовъ славянскаго племени древне-арйскаго представленія о тѣсныхъ отношеніяхъ человѣка къ усопшимъ его родичамъ.

Не останавливаясь на болѣе подробно описаніи угощеній мертвыхъ, которое завело бы меня слишкомъ далеко, ограничусь приведеніемъ слѣдующихъ словъ мусульманскаго писателя первой половины X вѣка, Ибнъ-Дасты, свидѣтельствующихъ о древности у славянъ-язычниковъ обряда поминовенія мертвыхъ: „черезъ годъ по смерти покойнаго берутъ (славяне) кувшиновъ двадцать меду, иногда нѣсколько больше, а иногда нѣсколько меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ (на которомъ стоялъ сосудъ съ пепломъ сожженнаго мертвеца), гдѣ собирается семейство покойнаго, *идятъ, ѣдятъ и затѣмъ расходятся*“. По словамъ Теофилакта (ок. 629 г.) у варваровъ, подъ именемъ которыхъ Котляревскій узнаетъ *придунайскихъ славянъ*, былъ обычай праздновать *поминки* по усопшимъ.

Въ число обрядныхъ дѣйствій, которыми и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у южныхъ славянъ сопровождается гореваніе по умершимъ, издревле принадлежало обыкновеніе дѣлать *нарѣзы на тѣль и царапины на лицѣ*, а также *обстригать волосы* въ

знакъ великой скорби: въ Черногоріи, при оплакиваніи мертвыхъ, многіе *исцарапываютъ* себѣ *лица*, струящуюся же изъ царапинъ кровь не стираютъ и не смываютъ, и нѣкоторые по нѣскольку недѣль ходятъ съ лицомъ, испещреннымъ засохшею кровью. Кромѣ того, женщины иногда *обръзываютъ* себѣ *волосы* или, по крайней мѣрѣ, ходятъ первое время послѣ смертнаго случая съ *непокрытой головой*. Сербы также нѣсколько времени ходятъ безъ шапокъ, т. е. съ *обнаженной головой*. Въ Черногоріи мать и сестры умершаго *обръзываютъ* себѣ *косы* и кладутъ въ могилу, вмѣстѣ съ покойникомъ. Чехи, по словамъ хроника Бѣльскаго, оплакивая смерть Любуши, бросали въ разведенный для могилы огонь *обръзанные волосы и ногти*. «Ни *кожескроенія* не творятся, ни *лицедрагія*», говорится въ житіи Константина Муромскаго. По свидѣтельству Кадлубка (ум. 1223 г.), по случаю смерти польскаго князя Казимира, «можно было видѣть, какъ съ *исцарапанныхъ* ногтями *лицъ* нѣкоторыхъ жепъ и дѣвицъ кровь текла струями», нѣкоторые наносили себѣ раны другими орудіями. Названный выше мусульманскій писатель Ибнъ-Даста говоритъ, что славянскія женщины, «когда случится у нихъ покойникъ, *царапаютъ* себѣ *пожомъ руки и лицо*». — Лукіанъ (въ II вѣкѣ по Р. Хр.) описываетъ сходный обрядъ оплакиванія мертваго во времена Римской имперіи: «начинается плачь и голошеніе женщинъ (голошенія плакальщицъ до сихъ поръ въ обычаѣ у славянъ), всѣ проливаютъ слезы, ударяютъ себя въ грудь, *вырываютъ* себѣ *волосы* и *исцарапываютъ* себѣ *до крови щекы*». Скионы, по свидѣтельству Геродота, въ знакъ скорби, по случаю смерти царя, *отрѣзали* себѣ *уши*, *обстригали* *волосы*, дѣлали *наръзы на рукахъ*, *исцарапывали* себѣ *лобъ и носъ*, *прободами* *стрѣлою* *лѣвую руку*. Сходный обычай съ древнѣйшихъ временъ извѣстенъ былъ и у народовъ азіатскихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе тексты Ветхаго завіта, напр.: «не дѣлайте *наръзовъ* на тѣлѣ вашемъ и не *выстригайте* *волосъ* надъ глазами вашими по умершемъ». Прор. Іеремія такъ изображаетъ картину скорби моавитянъ о постигшей ихъ гибели: «у каждаго *голова гола* и у каждаго *борода умалена*, у всѣхъ *на рукахъ царапины*». «*Снимая* съ себя *волосы*, *остригись*, скорбя о нѣжно любимыхъ сынахъ твоихъ; *расширь* изъ-за нихъ *лысину*», пишетъ прор. Михей. По словамъ Лукіана, финикійки въ Вивлѣ, оплакивая ежегодно смерть Адониса, *обстригали*

себѣ *волосы*; то-же самое дѣлали и египтянки, по случаю смерти божественнаго быка Аписа. По египетскому сказанію, Изиды, узнавъ о гибели Озириса, *отрѣзала прядь волосъ* съ головы своей и облеклась въ траурное одѣяніе. О приношеніи, въ честь умершихъ, на могилу ихъ *волосъ*, практиковавшихся на островѣ Делосѣ, упоминаетъ Геродотъ. Итакъ, поминальные обряды славянъ опять представляютъ тѣсную связь съ таковыми-же обрядами народовъ древняго міра.

6. ПЕРЕРЯЖИВАНІЯ.

Повсемѣстно распространенный въ Европѣ обычай *рядиться*, именно на святахъ и на масляницѣ, а равно и во время майскаго (весенняго) праздника, коренится также въ глубокой древности. Праздники свитокъ и масляницы, и по времени отправленія, и по характеру своему, представляютъ несомнѣнное родство съ сопряженными съ *переряживаніями* же праздниками ливарскихъ календъ и либералій (въ мартѣ) древнихъ римлянъ и малаго и великаго Діонисовыхъ торжествъ древнихъ грековъ (отпраздновавшихся въ декабрѣ и мартѣ); празднества эти, находясь въ тѣсной, неразрывной связи съ культомъ соответствующихъ боговъ (Януса, Либеры, Діониса), имѣли *религиозно-обрядный* характеръ.

Не связывая ли основная мысль переряживанія мужчинъ въ женскія платья и женщинъ въ мужскія съ религіознымъ возрѣніемъ народовъ семитскихъ, вообще оказывавшихъ немалое вліяніе на культуру европейскихъ аріевъ? Въ средѣ семитскихъ народовъ возникло представленіе о соединеніи въ *одномъ* божественномъ лицѣ свойствъ *двухъ половъ*, словомъ—о гермафродитизмѣ. Такъ, напр., въ Сиріи *Астарты* и *Ваала* слились въ одно *двуполное* божество; въ книгѣ Товита упоминается о приношеніи жертвы *«Ваалу юницѣ»*; въ Нафосѣ высокимъ уваженіемъ пользовалась статуя *бородатой Афродиты*. Въ Сиріи, въ извѣстные торжественные дни въ честь Ваала, *жрецы* и *поклонники двуполнаго бога* являлись въ *красноватыхъ* прозрачныхъ *женскихъ сорочкахъ* и прочемъ *женскомъ одѣяніи*, между тѣмъ какъ *женщины* одѣвались въ *мужское платье* и вооружались *мечами и копьями*. На островѣ Косѣ, по свидѣтельству Плутарха, *жрецъ Геракла* приносилъ богу своему жертву, облеченный въ *женское одѣяніе* и съ *повязкой на голову*.

Обыкновеніе переряживаться порицалось уже въ книгахъ Ветхаго завіта. «*На женщины не должно быть мужской одежды*, читаемъ въ книгѣ Второзаконія, — и *мужчина не долженъ одѣваться въ женское платье*, ибо мерзкоъ передъ Господомъ Богомъ твоимъ, всякій, дѣлающій сіе». Почти тѣми-же словами выражается о переряживаніи русскихъ Номоканонъ, изданный въ Кіевѣ въ 1624 г.: «Нынѣ христіанскія дѣти сіе творятъ: *въ одѣжду женскую мужа облачаютъ и жены въ мужскую*». Письменные свидѣтельства о русскихъ народныхъ маскарадахъ восходятъ до XII или даже до XI вѣка. Со временемъ, къ обычаю взаимнаго переряживанія мужчинъ въ женскія платья и женщинъ въ мужскія, естественно, присоединилось облеченіе въ разные характеристическіе костюмы, сдѣлавшіеся затѣмъ типическими. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ, между прочимъ, фигуры народнаго маскарада, изображающія разныхъ звѣрей: коня, медвѣдя, волка, козу и т. п., имѣвшихъ встарину опредѣленное мифологическое значеніе.

7. ПЕРВЫЙ СНОПЪ. ПОСЛѢДНІЕ ПЛОДЫ.

Начало жатвы всюду составляетъ праздникъ мѣстнаго населенія. Въ Малой Руси праздникъ Ивана Купала встарину отправлялся какъ торжество, совпадавшее съ «началомъ жнивъ». Въ Литвѣ и во многихъ мѣстахъ Россіи придаютъ особенно важное значеніе *первому* сжатому на нивѣ *снопу*. На Руси снопъ этотъ называется *имениникомъ*. Хозяйка приноситъ его въ избу и ставитъ въ переднемъ углу, у *божницы*. По обычаю, принятому въ нѣкоторыхъ малорусскихъ мѣстахъ, *зажинъ* дѣлается *священникомъ*. Въ Литвѣ (и Вѣлоруссіи) первая жница, украшенная цвѣтами, несетъ *первенца жатвы*, впереди вѣхъ жницъ, на *барскій дворъ*, гдѣ ожидаетъ работницъ угощеніе. Словомъ, начало жатвы составляетъ выдающееся торжество, и *первый снопъ* пользуется особеннымъ *почетомъ*. Соответственно этому чехи, при печеніи хлѣба изъ *новой ржи*, бросаютъ въ огонь, т.-е. жертвуютъ божеству огня, *кусочъ тѣста*. Въ законѣ Моисея находимъ цѣлый рядъ предписаній, касающихся начала жатвы. Въ числѣ главнѣйшихъ, весьма немногочисленныхъ народныхъ праздниковъ, названъ здѣсь «праздникъ *начатковъ жатвы* пшеницы». Приказалъ Господь Моисею объявить народу Израилеву слѣдующіе законы: «наблюдай

и *в праздники жатем первыи плоды труда твоего, какіе ты съялъ на полѣ... Начатки плодовъ земля твоя приноситъ въ домъ Господа, Бога твоего*. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «когда будешь жать на ней (на обтраванной землѣ) жатву, то принесите *первый снопы* жатвы вашей къ священнику. Онъ вознесетъ сей снопы передъ Господомъ, чтобы вамъ приобрести благоволеніе».

Въ законѣ-же Моисеевомъ находимъ себѣ объясненіе записанная Гилфердингомъ старинная сербская поговорка: «проклята нива, на коей клас не остаеъ». «Когда будешь жать на полѣ твоёмъ—предписалъ Господь Израилю—и забудешь снопы на полѣ, то не возвращайся взять его; пусть онъ останется пришельцу (нищему), сиротѣ и вдовѣ, чтобы Господь, Богъ твой, благословилъ тебя во всѣхъ дѣлахъ рукъ твоихъ. Когда будешь обивать маслину свою, то не пересматривай за собою отъины; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ... Когда будешь снимать плоды въ виноградникѣ твоёмъ, не обирай остатковъ за собою; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ». Проклятiе сербскою поговоркою нивы, на которой не осталось ни одного колоса, несомнѣнно, основано на томъ-же началѣ: оставленные на нивѣ колосья должны погнать въ пользу подбирающихъ ихъ немущихъ, вдовъ и сиротъ. Отсюда-же объясняется чешское обыкновеніе—на плодовыхъ деревьяхъ оставлять не снатымъ, по крайней мѣрѣ, по одному плоду; въ противномъ случаѣ дерево, по народному вѣрованію, въ слѣдующемъ году не принесетъ ни одного плода.

8. НИЗВЕРЖЕНІЕ ЖЕРТВЫ СЪ ВЫСОТЫ.

Въ разныхъ мѣстахъ Чехіи до сихъ поръ соблюдается слѣдующій своеобразный обычай: 25 іюля, въ день св. Якова, при совершеніи извѣстныхъ церемоній, *низвергается* съ церковной башни, или съ другого возвышеннаго мѣста, *жертвенный козелъ* съ позолоченными рогами, *убранный цвѣтами*. Кровь этого животнаго собирается и хранится, какъ дѣйствительное *цѣлебное* средство.—Обычай этотъ совершенно напоминаетъ древній греческій обрядъ умилостивительнаго жертвоприношенія, совершавшагося въ лѣтнее же время (хотя нѣсколько раньше, именно въ концѣ нашего мая) въ честь Аполлона: двое приговоренныхъ къ смерти *мужчинъ*, или *мужчина и женщина*, *убранные плодами и цвѣтами*, *надушенные*

благонными травами, въ качествѣ умиловательной жертвы, низвергались со скалы. Приносимые такимъ образомъ въ жертву люди назывались *мъкарственными*, *цѣлительными*; смерть ихъ должна была обеспечивать здоровье мѣстнаго населенія, отвращать отъ него заразы и другія невзгоды.

Въ Гераполисѣ обреченныхъ на жертвоприношеніе *животныхъ* бросали съ высоты, при чемъ они убивались до смерти. Нѣкоторые, по свидѣтельству Лукіана, такимъ же способомъ приносили въ жертву *дѣтей* своихъ, заключивъ ихъ, однако, предварительно въ мѣшокъ. *Низвергая* ихъ въ пропасть, произносили заклятіе, что это не дѣти, а телята. Геродотъ упоминаетъ о сходномъ обычаѣ у таврическихъ скиѳовъ: они приносили своей богинѣ въ жертву чужеземцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и попадавшихъ имъ въ руки; головы жертвъ они отрубали, *тѣла* же *низвергали съ высоты скалы*, гдѣ стояло святилище богини.

9. КОРОВІЙ НАВОЗЪ, КАКЪ ОЧИСТИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО.

Не менѣе характеристиченъ и слѣдующій чешскій обычай: наканунѣ Рождества, съ котораго въ старину начинался въ Чехіи *новый годъ*, до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *обкуриваютъ коровинымъ навозомъ* и *опрыскиваютъ коровьей мочей* скотный дворъ, съ цѣлью *изгнанія* этимъ способомъ нечистой силы изъ двора, т. е. *очищенія* двора.—Въ Авестѣ очищеніе отъ одного изъ самыхъ сильныхъ оскверненій, а именно отъ прикосновенія къ мертвому тѣлу, производится посредствомъ коровьей мочи: „Отвѣчалъ Агура-Мазда... Если мертвое тѣло уже обглодано хищнымъ псомъ или птицей, то пусть (осквернившійся прикосновеніемъ къ нему) *омоетъ свое тѣло коровьей мочей*, тридцать разъ пусть онъ омоется, тридцать разъ пусть потретъ руки, пусть омоетъ въ то-же время и голову. Если же мертвое тѣло еще не обглодано хищнымъ псомъ или птицею, то пусть онъ моется пятьдесятъ разъ и пятьдесятъ разъ пусть потретъ себѣ руки“. Такой обычай находится въ тѣснѣйшей связи съ вѣрованіемъ древнихъ аріевъ въ *святость быка и коровы*. Древніе индусы, для *очищенія* почвы, оставляли на очищаемомъ мѣстѣ *на ночь коровъ*; полъ въ домахъ *очищался* у нихъ *коровинымъ навозомъ*, ткани и платья—*коровьей мочей*. И нынѣ еще въ Индіи, при отправленіи торжества, соотвѣтствующаго нашему весеннему празд-

нику (или празднику *новаго юда*), именно въ новолунье сентября, т. е. послѣ окончанія дождливой поры, дома украшаются цвѣтами и обмазываются *коровьимъ навозомъ*. Связаніе чешскаго обычая съ индійскимъ, коренящимся въ древнѣйшихъ преданіяхъ арійскихъ, доказываетъ несомнѣнную глубокую его древность. Вѣроятно, изъ того же источника исходить обычай курскихъ поселенъ наканунѣ Рождества и Богоявленія сожигать *навозъ* среди двора, хотя, по нынѣшнему народному толкованію, этотъ обрядный свѣточный огонь служитъ къ тому, чтобы родители на томъ свѣтѣ согрѣлись.

10. ЧЕРТЫ КУЛЬТА БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ - ЯЗЫЧНИКОВЪ.

Группа славянскихъ народовъ, въ старину заселявшихъ балтійское побережье (нынѣшнюю сѣверную Германію), извѣстныхъ подъ общимъ именемъ балтійскихъ славянъ, во многихъ отношеніяхъ представляетъ особенности, рѣзко отличающія ее отъ прочихъ славянскихъ народовъ. Въ то время, какъ славяне вообще отличаются правомъ миролюбивымъ и кроткимъ, балтійскіе славяне, по словамъ современныхъ имъ средневѣковыхъ писателей, были воинственны и храбры, свирѣпы и кровожадны, опыты въ войнѣ на морѣ и на сушѣ, привыкли жить грабежомъ и добычею, — въ особенности отличались этими качествами Лютичи (Велеты), которымъ, впрочемъ, мало уступали Руяне (жители острова Руяны), Бодричи, Вагры, Поморяне. Въ то время, какъ большинство славянъ почитали боговъ своихъ безъ идоловъ и храмовъ даже безъ жрецовъ, мѣсто которыхъ обыкновенно заступалъ старшій въ родѣ, у балтійскихъ славянъ встрѣчаются повсемѣстно многочисленныя истуканы боговъ совершенно своеобразной формы, храмы, отличающіеся своеобразной архитектурой и украшениями, жрецы, отправляющіе опредѣленные богослужебные обряды. Все это свидѣствуетъ о какихъ-то особенныхъ обстоятельствахъ, о какихъ-то, вѣроятно, иноземныхъ вліяніяхъ, при которыхъ, въ отличіе отъ прочихъ соплеменниковъ, сложилась жизнь тѣхъ отраслей славянскаго племени, которыя, при разселеніи послѣдняго, направились къ берегамъ Эльбы и Балтійскаго моря и заняли балтійское побережье и нѣкоторые изъ сосѣднихъ острововъ.

О томъ, кто и какимъ образомъ могъ вліять въ данномъ смыслѣ на своеобразное развитіе права и культовъ упомянутыхъ народовъ, исторія умалчиваетъ; но при болѣе внимательномъ изученіи именно предметовъ религіознаго культа ихъ, обнаруживаются какія-то загадочныя параллели съ соотвѣтствующими предметами культа народовъ семитскихъ, а равно и нѣкоторыхъ народовъ малоазіатскихъ, также испытавшихъ на себѣ семитскія вліянія. Воздерживаясь пока отъ высказыванія какихъ либо догадокъ о томъ, какимъ путемъ могли проникнуть въ данную отдаленную мѣстность упомянутыя вліянія, ограничусь сперва лишь указаніемъ на *факты*.

А. Храмы.

а. Общій планъ.

Храмы балтійскихъ славянъ обыкновенно стояли внутри окруженнаго деревянною *оградой* мѣста, т. е. *двора* или *города* (огороженнаго пространства), служившаго мѣстомъ народныхъ собраній: сюда народъ сходилъ для общественныхъ молитвъ и жертвоприношеній, гаданій и шировъ, для обсужденія общественныхъ дѣлъ. Самый храмъ, внутренность котораго недоступна была простымъ смертнымъ, представлялъ огороженное стѣнами и покрытое *крышею* пространство, заключавшее въ себѣ *святилище*, т. е. *центральную часть*, гдѣ помѣщалось изображеніе бога (или нѣсколькихъ боговъ), *отдѣляющуюся* отъ остальной части храма *внутренними завѣсами*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и наружныя стѣны храма были не сплошныя, а замѣщались *колоннами, завѣшанными тканью* и служившими опорой для крыши. *)

Такой планъ храмовъ тѣсно сближается съ планомъ храмовъ семитскихъ народовъ, заимствованнымъ ими изъ Египта и основнымъ типомъ которыхъ можетъ служить скинія евреевъ. Скинія, имѣвшая форму параллелограмма, окружена была *дворомъ*, ограда котораго, такъ какъ сооруженіе было походное, представляла не сплошную стѣну, а рядъ *колонн, завѣшанныхъ цвѣтною тканью*. *Наружныя стѣны* скинии, надъ которыми возвышалась *крыша* изъ цвѣтныхъ покрывалъ, покрытыхъ цвѣтными же кожами, сдѣланы

*) Подробное описаніе храмовъ балтійскихъ славянъ см. въ моей книгѣ „Бож. др. слав.“ I, стр. 20 и сл.

были изъ деревянныхъ брусьевъ, а мѣсто, гдѣ помѣщался ковчегъ завета, отдѣлилось *внутреннею завѣсою*.

Проведемъ еще параллель между описаніемъ „города“, въ которомъ помѣщался Ретрскій храмъ и описаніемъ двора идеальнаго храма Господня въ открывшемся пророку Іезекиилу видѣніи. Городъ ретрадей, Ретра, по свидѣтельству Титмара Мерзебургскаго (XI в.), былъ снабженъ *тремя воротами*. Двери изъ этихъ воротъ *доступны* были *каждому*, третьи же, на *восточной* сторонѣ, обращены были къ морю. Изъ такого противоположенія восточныхъ воротъ другія можно вывести заключеніе, что *восточныя ворота* были *недоступны народу*. У этихъ воротъ стоялъ извѣстный Ретрскій храмъ. — Прор. Іезекииль, которому повелѣно было „возвѣстить дому израилеву“, для руководства въ будущемъ, устройство храма Господня, какъ оно представилось ему въ видѣніи, между прочимъ, пишетъ: „*Внѣ храма стѣны со всѣхъ сторонъ его*“. Въ стѣнѣ *три ворота*: сѣверныя, южныя и восточныя. *Народу доступны* только *двери* изъ нихъ (какъ въ оградѣ Ретрскаго храма) — сѣверныя и южныя, *восточныя* же ворота, постоянно закрыты, открываются лишь въ субботу и во дни новомѣсячья и *народу недоступны* (опять какъ въ оградѣ Ретрскаго храма), — черезъ нихъ входить и выходить можетъ одинъ только князь.

б. Украшенія.

Стѣны храмовъ балтійскихъ славянъ, иногда и ворота оградъ ихъ, отличались рельефными, рѣзными украшеніями. Такъ *наружныя стѣны* Ретрскаго храма *украшены* были чудесной *рѣзью*, представлявшей изображенія различныхъ *боговъ* и *богинь*. Стѣны Штеттинской главной контины (свщеннаго зданія) *внутри* и *снаружи* покрыты были *рѣзными* изображеніями *людей, птицъ* и *звѣрей*. *Внѣшняя сторона* Арконскаго храма, по выраженію Саксона Грамматика (XII в.), блистала искусно сдѣланными *барельефами различныхъ фигуръ*. *Внѣшняя сторона* *воротъ* деревянной ограды Староградскаго храма, по словамъ Гельмольда (XII в.), была *великолепно разукрашена* (конечно, также рѣзными изображеніями).

Испещреніе стѣнъ зданій *рельефными изображеніями* встрѣчаемъ неоднократно въ произведеніяхъ древняго восточнаго искусства. У вавилонянъ, асирійянъ, какъ и у египтянъ, *стѣны* дворцовъ и храмовъ обыкновенно покрывались *рельефами*. Изображе-

ніями *фантастическихъ зазррей, грифоновъ, сфинксовъ*, преимущественно въ ассирійско-вавилонскомъ вкусѣ, разукрашены и древнія, открытыя въ Микенѣ, Спатѣ, Гиметтосѣ, финикійскія гробницы. «Отъ верха *дверей*, какъ *внутри* храма, такъ и *снаружи*, — продолжаетъ Иезекииль описывать упомянутое выше видѣніе свое, — и по *всей стѣнѣ* кругомъ, *внутри и снаружи* были различныя изображенія, сдѣланы были *херувимы и пальмы*; пальма между двумя херувимами, и у каждаго херувима два лица (одно человеческое, другое львиное)⁴. Развалины ликійскихъ саркофаговъ и гробницъ, высѣченныхъ въ скалахъ, или свободно стоящихъ (стиль послѣднихъ представляетъ подражаніе деревяннымъ постройкамъ, очевидно, преобладавшимъ въ Ликіи), точно также испещрены *рельефными изображеніями людей и животныхъ*. Здѣсь присоединится еще въ высшей степени интересная для насъ черта: упомянутыя *рельефныя изображенія* нередко были *раскрашены*, иные изъ нихъ даже *почти какъ произведенія живописи*. Но и на другихъ мѣстахъ были слѣды красокъ, свидѣтельствующіе о томъ, что и *самыя стѣны* были *выкрашены*. *Слѣды красокъ на стѣнахъ* финикійскихъ гробницъ найдены Реланомъ. По словамъ Діодора, на стѣнахъ дворцовъ, выстроенныхъ на берегахъ Евфрата, изображены были различныя *зазрри, сцены* изъ царской охоты и т. п. Звѣри эти были весьма искусно *раскрашены*.

Взглянемъ опять на храмы балтійскихъ славянъ, представляющіе и въ этомъ отношеніи чрезвычайную аналогію съ храмами и дворцами народовъ древняго востока. *Барельефы*, которыми „блистала“ внѣшняя стѣна Арконскаго храма, были, по свидѣтельству Саксона, „безобразно и грубо *раскрашены*“. О *выдающихся рѣзныхъ* изображеніяхъ людей, птицъ и звѣрей, которыми были украшены внутри и снаружи стѣны Штетинской главной континны, Гербордъ (XII в.) говоритъ, что они были представлены „столь естественно и вѣрно, что, казалось, они дышатъ и живутъ, но, что рѣдко встрѣчается, прибавляетъ Гербордъ, *краски наружныхъ изображеній* отличались особенно прочностью: ни снѣгъ, ни дождь не могли потемнить или смыть ихъ; таково было искусство *живописцевъ*“. Любовь балтійскихъ славянъ къ окрашиванію зданій, подобно финикійцамъ и ликійцамъ, въ яркіе цвѣта выражается и въ томъ, что Арконскій храмъ вѣнчался, по свидѣтельству Саксона, *красною кровлею*.

в. Храмовыя богатства. Храмовая утварь.

Храмы балтійскихъ славянъ обладали большими богатствами. Саксонъ Грамматикъ говоритъ объ огромномъ количествѣ *золота* и другихъ *сокровищъ*, сохранившихся въ сундукахъ въ Арконскомъ храмѣ, а равно и о множествѣ общественныхъ и частныхъ *даровъ*, жертвованныхъ на пользу храма по объѣтамъ. По словамъ Гельмольда, рунне послѣ побѣды полагази часть награбленнаго *золота* и *серебра* въ сокровищницу Святовита Арконскаго. По свидѣтельству скандинавскаго сказанія (Кюуѣнга-ага) въ капищахъ Коренищныхъ хранилось множество *денегъ*, *золота*, *серебра*, *шелку*, *бумажныхъ тканей краснаго цвѣта* и *тканей пурпуроваго, шелмовъ, мечей, латы* и всякаго *оружія*. Титмаръ упоминаетъ о *дарахъ*, которые приносились вѣрующими въ Ретрскій храмъ, по возвращеніи изъ похода. По свидѣтельству Герборда, поморяне, „по старому обычаю предковъ“, приносили въ Штетинскій храмъ известную долю награбленныхъ богатствъ, *оружія* и всякой добычи; тамъ берегались *золотыя* и *серебряныя сосуды* и *чаши*, огромные *рога туровъ*, украшенные *позолотой* и *драгоценными камнями*, *рога* приспособленные къ *музыкѣ*, *кинжаламъ*, *ножи* и всякая *драгоценная утварь*.

Снабженіе храмовъ сокровищами, притекавшими въ нихъ по объѣтамъ частныхъ лицъ или представлявшими известную долю награбленной добычи или добровольныя пожертвованія вѣрующихъ,—явленіе общее у всѣхъ народовъ, воздвигавшихъ богамъ своимъ храмы. Евреи, по взятіи Іерихона, городъ сожгли, „только *серебро* и *сосуды мѣдные* и *жельные* отдали въ сокровищницу дома Господня“ (т.-е. скинии), который въ то время уже обладалъ значительнымъ количествомъ *золотой утвари*. Давидъ, побѣдивъ Сувскаго царя Адраизара, взялъ у рабовъ его *золотыя щиты*, въ городахъ Адраизаровыхъ онъ взялъ весьма много *мѣди*, къ этой добычѣ присоединились еще *сосуды серебряныя*, *золотыя* и *мѣдные*, принесенные Давиду въ даръ царемъ Имафа Оемъ. Всѣ эти предметы, а также *серебро* и *золото*, отнятое имъ у другихъ народовъ (сирянъ, моавитянъ, аммонитянъ и др.), „посвятилъ царь Давидъ Господу“. Всѣ собранныя имъ богатства Давидъ передалъ Соломону, завѣщавъ ему построить храмъ въ Іерусалимѣ и украсить его этими сокровищами, что и было исполнено Соломономъ, кото-

рый еще значительно *увеличил храмовыя богатства* и украсил домъ Господень съ баснословною роскошью. Весь храмъ внутри и стоявшіе въ немъ деревянныя херувимы были *обложены золотомъ*, жертвенникъ былъ *золотой*, вся храмовая утварь — *золотая*. Въ перечисленіи послѣдней поименовываются тѣ же, приблизительно, предметы, какъ и въ Штетинскомъ храмѣ: *блюда, ножи, чаши, ложки* и пр. Храмъ Сирійской богини въ Гіераполисъ, по свидѣтельству Лукіана, обладалъ *чрезвычайными богатствами*: сюда прибывали многочисленные дары изъ Аравіи, Финикіи, Вавилоніи, Каппадокіи, Киликіи и Ассиріи. Лукіанъ видѣлъ сложенные въ особомъ сокрытомъ помѣщеніи храма *драгоцѣнные одѣянія* и разные другіе предметы, изготовленные изъ *золота и серебра. Серебряными и золотыми чашами, курильницами, вѣнками и другими драгоцѣнными предметами*, приносимыми въ даръ или по объѣмамъ отъ частныхъ лицъ, изобиловали и главнѣйшіе храмы греческіе и римскіе, напр.—храмы Аполлона въ Дельфакъ, Зевеса Олимпійскаго въ Элидѣ, Юпитера Капитолійскаго въ Римѣ и др. Изъ такихъ даровъ съ теченіемъ времени образовывались *богатѣйшія сокровищницы*, по временамъ подвергавшіяся разграбленію и затѣмъ вновь возстановлявшіяся.

Между предметами храмоваго обихода у евреевъ называются *трубы*, какъ въ Штетинскомъ храмѣ *„рога туровъ*, приспособленные къ музыкѣ⁴. Трубы у евреевъ употреблялись какъ при богослуженіи, такъ и для созыванія народа и подачи ему сигналовъ. Трубили въ трубы священники: *„и въ день веселія* вашего и въ *праздники* ваши и въ *новомѣсячя* ваши *трубите трубами* при *вссожженіяхъ* вашихъ и при *мирныхъ жертвахъ*⁴, предписывалъ Господь евреямъ. Перенесеніе ковчега Господня изъ дома Аведарова въ городъ Давидовъ проиходило съ восклицаніями и *трубными звуками*. — Упомянутые выше *рога туровъ* въ Штетинскомъ храмѣ имѣли, вѣроятно, подобное же религіозно-обрядное значеніе; о нихъ говорится именно, что они были *приспособлены къ музыкѣ*, хотя прямого указанія на то, что игра на нихъ входила въ составъ богослуженія, мы не имѣемъ. Зато относительно ближайшихъ сосѣдей балтійскихъ славянъ—народовъ литовскаго племени—существуетъ достовѣрное свидѣтельство объ обрядномъ употребленіи ими духовыхъ музыкальныхъ орудій въ *дни народнаго веселія*, въ *праздники*, а именно во время отправленія ими главнѣйшихъ

годовыхъ религіозныхъ торжествъ: весенняго — въ честь бога Пергубіа, и осенняго — во славу бога Земеляника; въ обоихъ случаяхъ, по словамъ Стрыйковскаго, (XV Ів), „пѣли пѣсни и играли на длинныхъ трубахъ“.

1. Пурпуровая завѣса и одежды.

Къ числу наиболѣе характеристическихъ предметовъ, свойственныхъ храмамъ балтійскихъ славянъ, принадлежать игравшія въ нихъ важную роль *пурпуровыя ткани*. — Извѣстно, что въ особенности въ западно-азіатскихъ государствахъ были въ большомъ употребленіи и высоко цѣнились *пурпуровыя ткани*. Приготовленіемъ пурпуровой краски и пурпуровыхъ тканей славились финикіяне, а изъ нихъ въ особенности тиряне. Восточные цари, а велѣды за ними и прочія знатныя особы, а равно и жрецы, облекались въ *пурпуровыя одѣянія*, какъ признакъ высокаго происхожденія. По повелѣнію Валтасара, „облекли Давида въ багряницу... и провозгласили его *третьимъ властелиномъ* въ царствѣ“. Артаксерксъ, желая оказать особенную почесть Мардохею, приказалъ облечь его въ царскую одежду, возложить на него виссонную и *пурпуровую мантию*. Ионафанъ (сынъ Иуды Маккавей), въ знакъ особенной чести, одѣтъ былъ царемъ Александромъ (сыномъ Антиоха Эпифана) въ *порфиру*. Вавилонскіе, ассирійскіе и, по ихъ примѣру, персидскіе и др. цари массама складывали въ своихъ дворцахъ *пурпуровыя ткани*. По свидѣтельству Плутарха, Александръ нашелъ въ Сузѣ запасъ *пурпуровыхъ тканей*, цѣною въ 5000 талантовъ. Иуда Маккавей, побѣдившій Горгіа, нашелъ въ станѣ его „много золота и серебра, гіацинтовыхъ и багряныхъ одѣждъ и великое богатство“. Древніе клинописныя надписи упоминаютъ объ *украшеніи идоловъ* въ халдейско-ассирійскихъ культахъ золотыми и серебряными одѣяніями, сверхъ которыхъ надевались одежды изъ тканей. Прор. Іеремія подтверждаетъ это извѣстіе, говоря объ *одеждахъ* изъ *пурпура* и *червленцы*, украсившихъ вавилонскихъ истукановъ. Во храмѣ Сирійской богини въ Гераполисѣ избиравшійся ежегодно верховный жрецъ, по свидѣтельству Лукіана, одинъ только облекался въ *пурпуровую мантию*. Тертуліанъ упоминаетъ о *красныхъ одѣяніяхъ* жрецовъ Ваала въ Карфагенѣ. Во дворцахъ и въ шатрахъ знатныхъ особъ, а равно и

во храмахъ восточныхъ народовъ, *пурпуровыя ткани* служили *коврами и завѣсами*. Въ шатръ Олоферна натянута была *завѣса*, украшенная *пурпуромъ*, золотомъ и драгоценными камнями. Завѣса изъ голубой, *пурпуровой и червленой шерсти* закрывала въ скиніи „ковчегъ откровеній“. Во храмъ Соломоновомъ ковчегъ помещался за *завѣсою*, сдѣланною „изъ *яхонтовой, пурпуровой и багряной ткани*“. Пурпуровыя ткани извѣстны были уже въ древнемъ Египтѣ и оттуда, вѣроятно, распространились въ переднюю Азію. Священные животныя въ египетскихъ храмахъ, по свидѣтельству Климента Александрійскаго, покровились на великолѣпно украшенныхъ, покрытыхъ *пурпуровыми тканями* ложахъ; изображеніе позолоченной коровы, внутри которой египетскій царь Микеринъ схоронилъ тѣло умершей любимой дочери своей, покрывалось, по словамъ Геродота, *пурпуровой мантией*. Изображеніе Озириса, по свидѣтельству Плутарха, было облечено въ *огненно-цвѣтную*, очевидно, *пурпуровую мантию*.

Весьма сходныя явленія повторяются и у балтійскихъ славянъ. Внутренняя ограда Арконскаго храма, по словамъ Саксона Грамматика, „состояла изъ четырехъ крѣпкихъ колоннъ, которыя, не соединяясь твердою стѣною, *увѣшаны были коврами*“; кромѣ того, весь храмъ Святовита *увѣшанъ былъ пурпуровою тканью*, „прекрасной, но уже истлѣвшей“. По словамъ того же автора, какъ самый храмъ Руевита, находившійся въ Кореницѣ, на островѣ Руянѣ, такъ и стоявшее въ передней части его капище (святилище), не имѣя стѣнъ, *завѣшаны были пурпуровою тканью*. За этой тканью скрывался идолъ Руевита, какъ ковчегъ завѣта въ скиніи, а впоследствии — въ Иерусалимскомъ храмѣ; „когда сорваны были *оба покроя*, говоритъ Саксонъ, то дубовый идолъ Руевита безобразно раскрылся со всѣхъ сторонъ“. Истуканъ Радегаста въ Ретрскомъ храмѣ, по словамъ Адама Бременскаго, былъ золотой, а ложе его изъ *пурпуровой ткани*. Въ числѣ сокровищъ, хранившихся въ Кореницкихъ капищахъ, какъ мы видѣли выше, были *пурпуровыя ткани*; въ сундукахъ, въ святилищѣ Святовита Арконскаго, по свидѣтельству Саксона, сохранялось „*много пурпуровыхъ одеждъ* (см. выше склады и запасы пурпуровыхъ тканей у восточныхъ царей), отъ ветхости гнилыхъ и худыхъ“. Последнее замѣчаніе показываетъ, что одежды эти, а равно и истлѣвшая пурпуровая завѣса въ самомъ храмѣ, уже

не возобновлялись въ эпоху Саксона, а составляли храмовое достояніе, унаслѣдованное съ давнихъ временъ. На истуканѣ Святовита Арконскаго была „верхняя одежда“, спускавшаяся до берцовъ. Можетъ быть, и эта одежда, о цвѣтѣ и качествахъ которой Саксонъ умалчиваетъ, была сдѣлана изъ пурпуровой ткани, какъ на идолахъ египетскихъ и ассирійско-вавилонскихъ. Замѣчу еще, что преданіе о балтійско-славянскомъ, заимодозрѣнномъ въ подложности, богѣ Флинсѣ (Flins) представляетъ его одѣтымъ въ красную мантию. Во всякомъ случаѣ важная роль, которую, очевидно, играли пурпуровыя ткани въ декорации храмовъ, отчасти и идоловъ балтійскихъ славянъ, и совпаденіе этой чрезвычайно характеристической, единственной въ своемъ родѣ, черты съ тождественными явленіями на древнемъ востоцѣ заслуживаютъ полнаго вниманія.

В. Идолы.

Многіе древніе народы первоначально поклонялись богамъ своимъ *безъ идоловъ*. Объ отсутствіи идоловъ у пеласговъ, у персовъ свидѣтельствуетъ Геродотъ, у древнихъ италіковъ — Варронъ. У южныхъ славянъ вовсе не видно слѣдовъ почитанія идоловъ, у восточныхъ — боготвореніе истукановъ встрѣчается только въ нѣкоторыхъ центрахъ цивилизаціи (Кіевъ, Новгородъ, Ростовъ), при чемъ великолѣпные, по тогдашнему вкусу, истуканы, поставленные Владиміромъ на кіевскомъ холмѣ, вѣроятно, заимствованы были отъ балтійскихъ славянъ *).

Идолопоклонство вообще, вѣроятно, произошло изъ почитанія изображеній боготворимыхъ умершихъ предковъ и родичей, родовыхъ геніевъ, то-есть пенатовъ или домовыхъ боговъ. Въ этомъ смыслѣ разсуждаетъ уже Соломонъ: „Вымысль идоловъ — начало блуда“, говоритъ онъ, „и изображеніе ихъ — растлѣніе жизни. Не было изъ вначалъ, и не во вѣки они будутъ. Отецъ, терзающійся горькою скорбію о рано умершемъ сынѣ, сдѣлавъ изображеніе, какъ уже мертвоего человека, затѣмъ сталъ почитать его, какъ бога“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ о художникѣ, который, уподобивъ древесный сукъ образу человека или животнаго, „устроивъ для него достойное его мѣсто, повѣсилъ его на стѣнѣ, укрѣпивъ желѣзомъ“. Последнія слова Соломона от-

*) Ср. Бож. др. слав. I. 76. 89.

носятся, очевидно, къ божествамъ, почитавшимся домашнимъ культомъ (на это указываетъ прикрѣпленіе идоловъ къ стѣнѣ жилища), то-есть къ *домовымъ богамъ* въ образѣ человѣка, къ которымъ присоединяются уже и изображенія боготворимыхъ звѣрей, вѣроятно, служившихъ символами извѣстныхъ божествъ. Домовыми божками были, очевидно, тѣ золотые идолы, которые Рахиль похитила у отца своего Лавана (месопотамца), скрывъ ихъ подъ верблюжье сѣдло, на которое сама сѣла. Идолы эти составляли не общественную святыню, а принадлежали исключительно дому Лавана, были *его богами*, то-есть *домовыми богами*. Въ Хорсабадскомъ дворцѣ, подъ порогами дверей, найдены небольшія глиняныя *статуэтки*, изображающія разныхъ боговъ: Вила—въ украшенной бычачьими рогами тиарѣ, Нергала—съ львиной головой и др. Древнія надписи объясняютъ назначеніе этихъ фигурокъ, представлявшихся въ разныхъ частяхъ дома: онѣ должны были *покровительствовать дому*, устранять отъ него враговъ и всякое зло.

О существованіи домовыхъ боговъ у балтійскихъ славянъ и чеховъ неоднократно свидѣлствуютъ средневѣковые писатели: Титмаръ говоритъ о жертвоприношеніяхъ, предлагавшихся *домовымъ богамъ*. По словамъ Гельмольда, *пенатами* (домовыми богами) и идолами была преисполнена страна Староградская. Козьма Пражскій говоритъ о *пенатахъ*, принесенныхъ Чехомъ, о самодѣльныхъ истуканахъ (вѣроятно, также служившихъ домовыми богами), которымъ еще въ его время (XII в.) поклонялись чехи. Быть можетъ, въ качествѣ пенатовъ же почитались и нѣкоторыя изъ *статуэтокъ*, добытыхъ при раскопкахъ на балтійскомъ побережьѣ (въ Вагріи, Штральзундѣ, Верхней Лужицѣ, Ней-Стрелицѣ) и въ Кёнигсгрецкомъ округѣ въ Богеміи. Ушки и выступы на нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣлствуютъ о томъ, что онѣ прикрѣплялись къ чему-то: вѣроятно—къ стѣнамъ комнатъ, въ качествѣ домовыхъ божковъ. Въ землѣ Редарей найдены и *маленькія изображенія быковъ*, которыя, быть можетъ, также служили предметами домашняго культа.

Переходя, затѣмъ, къ *общественнымъ идоламъ*, стоявшимъ у балтійскихъ славянъ въ рощахъ, на горахъ, холмахъ, площадяхъ и въ храмахъ, опять встрѣчаемъ необыкновенныя, неожиданныя аналогіи съ народами азіатскими. Авторы книгъ ветхаго завѣта весьма часто упоминаютъ объ идолахъ народовъ, жившихъ по сосед-

ству съ Израилемъ; изъ словъ ихъ видно, что идолаи эти были деревянныя или глиняныя, обложенныя мѣдью, серебромъ или золотомъ, иногда каменныя, часто литыя изъ металла, преимущественно изъ серебра или золота. „*Боговъ литыхъ не дѣлайте себѣ*“, говорилъ Господь Моусею. Оставленныя филистимлянами истуканы были сожжены Давидомъ, слѣдовательно, они были *деревянныя*. Точно такъ и Іуй сжегъ въ Самаріи статуи, вынесенныя изъ храма Ваалова, а Іосій сокрушилъ „*разныя и литыя кумиры*“, поставленныя въ Іерусалимѣ ввавшимъ въ язычество народомъ. „Идола *выливаетъ* художникъ, и золотильщикъ *покрываетъ* его золотомъ и прикрѣпляетъ *серебряныя цѣпочки*“, говоритъ пророкъ Исаія. „Вырубаютъ *дерево* въ лѣсу“, пишетъ пророкъ Іеремія, „обдѣлываютъ его руками плотника при помощи топора, *покрываютъ серебромъ и золотомъ*, прикрѣпляютъ гвоздями и молотомъ, чтобы не шаталось“. Навуходоносоръ сдѣлалъ *золотой* истуканъ, вышиною въ шестьдесятъ локтей, шириною въ шесть локтей. Ваалсаръ и его вельможи, по словамъ пророка Даниила, „пили вино и славили боговъ *золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ*“. О вавилонскомъ идолѣ Вила (Вилу, Вел) тотъ же пророкъ выражается такъ: „онъ внутри *глина*, а снаружи *мѣдь*“. Геродотъ и Діодоръ рассказываютъ о *золотыхъ* истуканахъ боговъ въ вавилонскомъ храмѣ Вила. Лукіанъ упоминаетъ о стоявшихъ въ гераволискомъ храмѣ *золотыхъ* идолахъ бога и богини, которыхъ онъ называетъ именами Зевеса и Геры. Евреи, не разъ впадавшіе въ идолопоклонство, сооружали себѣ подобныхъ же боговъ въ образѣ *челотка* или *тельца*. Діодоръ упоминаетъ о *мѣдномъ* идолѣ Крова (Ваала) въ Кароагенѣ. По словамъ Аппіана, колоссальный истуканъ кововскаго (на сѣверномъ берегу Африки) храма былъ *вызолоченъ*. Древніе греки и этруски также воздвигали богамъ своимъ, по примѣру азиатскихъ народовъ, *золоченыя* или богато украшенныя *золотомъ* истуканы.

Идолаи балтійскихъ славянъ были также частью *деревянныя*, частью *металлическія*, *золотыя* и *мѣдныя* (о каменныхъ истуканахъ старинныя свидѣтельства умалчиваютъ). Первые нерѣдко были *колоссальной величины* и украшены *металлическими атрибутами*. Идолаи въ Гостыковѣ отличались невѣроятнымъ, по словамъ Эбона (XII в.), *изяществомъ отдѣлки* и были столь удивительной *величины*, что нѣсколько паръ быковъ едва могли сдви-

нуть ихъ съ мѣста. Кумирь Святовита Арконскаго *превосходилъ ростъ челоуѣка*. Идолъ Руевита, по свидѣтельству Саксона, *толщиною* превосходилъ челоуѣческое тѣло, а *высокъ* былъ такъ, что Абсолонъ, принимавшій участіе въ разрушеніи его святилища, будучи самъ очень высокаго роста, едва могъ достать его подбородокъ ручнымъ своимъ топоромъ. Истуканъ Святовита Арконскаго держалъ въ рукѣ рогъ, сдѣланный изъ разныхъ *металловъ*; ножны и черенъ огромнаго меча его, кромѣ красивыхъ рѣзныхъ фигуръ, были украшены отличною *серебряною отдѣлкою*; щитъ Яровита Волегастскаго былъ обтянутъ *золотомъ*. Идолъ, стоявшій въ одномъ изъ городовъ Вагрии, упоминаемый Видукиндомъ подъ именемъ Сатурна, былъ сдѣланъ изъ *мѣди*; идолъ Триглава въ Волиннѣ былъ *золотой*, другія небольшія изваянія волинскихъ боговъ были украшены *серебромъ и золотомъ*; истуканъ Радегаста въ Ретрскомъ храмѣ былъ *золотой*; идолъ Триглава въ Штетинѣ имѣлъ покрывавшую три лица его *золотую повязку*; истуканъ Черноглава (на островѣ Рулиѣ) изображенъ былъ съ *серебряными* усами; у идола въ образѣ старца, описаннаго Масуди, голова была *золотая*.

Главными атрибутами боговъ балтійскихъ славянъ служили *мечъ* (у Святовита Арконскаго, Руевита Кореницкаго), *сѣкира* (у Радегаста бодричей), наконецъ, *щитъ* (у Яровита Волегастскаго).— „Имѣть *мечъ* въ правой рукѣ и *сѣкиру*“, говоритъ пророкъ Іеремія о богахъ вавилонскихъ.

„Вы увидите въ Вавилонѣ боговъ серебряныхъ, золотыхъ и деревянныхъ, *носимыхъ на плечахъ*“... замѣчаетъ тотъ же пророкъ, „безногіе, они *носятся на плечахъ*“. Картину древне-ассирійской религіозной *процессіи съ истуканами боговъ* можно видѣть у Лаярда (*Lajard: The monum. of Ninev.*). Тамъ же изображена военная сцена взятія города штурмомъ. Въ одномъ изъ угловъ картины воины, очевидно, изъ числа осаждающихъ непріятельскій городъ, *несутъ на плечахъ нѣсколько идоловъ*. Объ обрядномъ *ношеніи изображеній боговъ* въ Гераполисѣ, въ Сиріи, упоминаетъ Лукіанъ.

Балтійскіе славяне также *носили изображенія боговъ* своихъ передъ войскомъ, отправляясь въ походъ. Лютичи, по свидѣтельству Титмара, „слѣдовали за своими *богами*, которые имъ *предшествовали*“. По словамъ того же автора, славяне, въ числѣ 30

частью пѣшихъ, частью конныхъ отрядовъ, разрушили непріятельское имущество, *при помощи своихъ боговъ*. И эти слова слѣдуетъ понимать такъ, что названные воины шли въ бой, *неся съ собою своихъ боговъ*.

Въ то время какъ всё до сихъ поръ разсмотрѣныя черты идоловъ (и храмовъ) балтійскихъ славянъ тѣсно сближаютъ ихъ съ соотвѣствующими предметами культа древнихъ восточныхъ народовъ семитскихъ или подчиненныхъ семитскому вліянію, въ нихъ проявляется одна весьма характеристическая черта древне-арійская, а именно — многіа балтійско-славянскіа божества изображались о *несколькихъ головахъ или лицахъ*: Триглавъ имѣлъ *три головы или три лица*, Святovitъ — *четыре головы*, Руевитъ — *семь лицъ*, Поравитъ — *пять головъ*, Порепуть — *четыре лица (и пять на груди)*. *Многочлівие* боговъ можетъ быть прослѣжено у многихъ народовъ арійскаго племени.

Однимъ изъ древнѣйшихъ боговъ, упоминаемыхъ въ Ведахъ, былъ *Триглавъ* (трисирось). *Трехголовыми* являются у древнихъ грековъ пелазгійскій богъ Гермесъ и оравійскія богини Геката; у кельтовъ — *Семивисос*; у балтійскихъ славянъ — Триглавъ. Подробнѣе о трехглавахъ и тройственныхъ богахъ я говорю въ другомъ очеркѣ: „Кто былъ Троянъ и т. д.“? *Четверехлицыми* представлялся Варуна въ Ведахъ, позже изображались Брама, Вишну, Рава у индійцевъ; *четырелицымъ* (позже двулицымъ) представлялся и изображался Янусъ у древнихъ италиковъ, *четыреголовымъ* — Святovitъ у балтійскихъ славянъ, имѣвшій храмы во многихъ мѣстахъ. Пространное разсужденіе о Святovitѣ помѣщено въ моей книгѣ: „Бож. др. слав.“ I, 126—139. Нагроможденіе въ изображеніяхъ божествъ головъ или лицъ (какъ въ Индіи, кромѣ того, еще нагроможденіе рукъ, ногъ) имѣло, несомнѣнно, аллегорическое значеніе.

В. Верховный жрецъ

Изъ святилицъ балтійскихъ славянъ наибольшимъ почетомъ и извѣстностью пользовалось святилище Святovitа Арконскаго на островѣ Руянѣ. Оно служило главнымъ, первенствующимъ религіознымъ центромъ всѣхъ балтійскихъ славянъ. Жрецъ Арконскаго храма, по свидѣтельству Саксона Грамматика, *вопреки обыкновенію страны, не стригъ ни головы, ни бороды*. Онъ слѣдовалъ въ данномъ случаѣ,

несомнѣнно, древней традиціи, о которой упоминается уже въ законѣ Моисеевомъ, предписывающемъ назареймъ не обстригать волосъ: „если мужчина или женщина рѣшится дать обѣтъ назарейства, чтобы посвятить себя въ назарей Господу, то... во всё дни обѣта назарейства его бритва не должна касаться головы его., долженъ растить волосы на головѣ своей“.

Тотъ же жрецъ, по свидѣтельству Гельмольда, почитался *народомъ выше князя*.— Это опять характеристическая черта, встречающаяся у народовъ древняго востока. „Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ Сирии и Персіи“, замѣчаетъ Мори, „тѣмъ болѣе проявляется преобладаніе бюкратической формы правленія. *Верховный жрецъ* въ культурахъ многочисленныхъ божествъ восточнаго происхожденія является вмѣстѣ съ тѣмъ и *главою страны*“. Такъ напр., жрецъ Аванты въ Целѣ (Повтійской провинціи) въ древности обладалъ здѣсь *верховнымъ авторитетомъ*; жрецу богини Ма въ Команѣ (въ Каппадокіи) жители *повиновались болѣе*, чѣмъ управлявшему ими царю; въ Марименѣ (въ Каппадокіи же) жрецъ бога, называвшагося греками Зевесомъ, игралъ послѣ жреца команскаго *первую роль* въ данной провинціи.—Высокое, первенствующее значеніе верховнаго жреца Руванъ опять является, слѣдовательно, основаннымъ на древнихъ восточныхъ преданіяхъ.

Г. Загадочныя параллели.

Изъ всего вышеизложеннаго нельзя не вывести заключенія, что своеобразный языческій культъ балтійскихъ славянъ, столь рѣзко отличающійся во многихъ отношеніяхъ отъ культовъ прочихъ славянъ, заключаетъ въ себѣ множество элементовъ семитскихъ и отчасти малоазійскихъ, проникшихъ сюда путями, вовсе еще не изслѣдованными, но отрицать которые невозможно, въ виду несомнѣнныхъ, достовѣрныхъ фактовъ, записанныхъ современными лѣтописцами, которые не могутъ быть подозрѣваемы въ сообщеніи праздныхъ измышленій о предметахъ и явленіяхъ, ими видѣнныхъ и тщательно отмѣченныхъ. Балтійско-славянскіе храмы, какъ мы видѣли, и по плану своей постройки, и по украшеніямъ стѣнъ и воротъ, и по заключающимся въ нихъ сокровищамъ, наконецъ, по украшавшимъ ихъ пурпуровымъ завѣсамъ и складамъ пурпуровыхъ одеждъ, представляютъ поразительное сходство съ храмами

(и дворцами) народовъ передней и Малой Азіи. Идолы балтійскихъ славянъ, независимо отъ широко развитаго въ нихъ древнеарійскаго принципа многоглавія, представляютъ не менѣе удивительное сходство съ идолами тѣхъ же азіатскихъ народовъ. То-же замѣчено было и относительно важнаго значенія верховнаго жреца.

Остановлюсь еще на нѣкоторыхъ, не менѣе интересныхъ параллеляхъ. При разсмотрѣніи значенія *Святовита Арконскаго* (Бож. др. слав. I, 126 и сл.) я провелъ параллель между этимъ богомъ и греко-римскимъ Геракломъ — Геркулесомъ. По той роли, которую онъ игралъ въ прибалтійской области, Святовитъ Арконскій сближается и съ финнскійскимъ Геракломъ — *Мелкартомъ*, знаменитыя святилища котораго находились въ Тирѣ, Гадирѣ (Кадиксе) и др. мѣстахъ. Какъ святилище Мелкарта въ Гадирѣ пользовалось въ своемъ районѣ громкою извѣстностью, служило цѣлью паломничества изъ далекихъ мѣстъ, предметомъ почитанія и другихъ народовъ, такъ и Арконскій храмъ на островѣ Руувѣ служилъ не только главнѣйшимъ религіознымъ центромъ для всего прибалтійскаго славянства, но пользовался вмѣстѣ съ тѣмъ высокими уваженіемъ и среди другихъ народовъ: кумиру Святовита Арконскаго, по словамъ Саксона Грамматика давали дань не только все славянская земля (разумеется, прибалтійская), но даже соедѣніе государи посылали ему подарки, „предпочитая чужую вѣру своей“.

Видукиндъ видѣлъ въ одномъ изъ городовъ Вагріи *мѣдный истуканъ Сатурна* (Крона). — По свидѣтельству Діодора, въ Кароагенѣ стоялъ *мѣдный идолъ Крона* (Ваала). Между прочими божествами балтійскихъ славянъ игралъ одну изъ главнѣйшихъ ролей *Радегастъ*, имѣвшій святилища въ Ретрѣ, землѣ Редарей, а также и въ землѣ Бодричей. По преданіямъ, сообщеннымъ Бангертомъ и другими авторами, идолъ *Радегаста бодричей* въ лѣвой рукѣ держалъ *сыкиру о двухъ лезвіяхъ*, т. е. нечто вроде *алебарды*. Имя Радегастъ, сближаемое съ *рат* (серб.), *ратъ* (русс.), значить „*ратный* гость“, „*ратный* богъ.“ — У Карійцевъ (собственно Каріей называлась береговая область въ югозападномъ углу Малой Азіи) находимъ бога, по свидѣтельству Геродота, специально этому народу свойственнаго, извѣстнаго у греческихъ писателей подъ именемъ *Завеса ратнаго* (*Zeus stratiotus*); онъ назывался также *алебарднымъ*, вслѣдствіе того, что истуканъ его держалъ въ рукѣ *сыкиру о двухъ лезвіяхъ* или *алебарду* (отъ лідій-

скаго слова *Labrys*). Оба ратные, алебардные боги, на берегахъ одинъ—Эгейскаго, другой—Балтійскаго морей, представляютъ совпаденіе довольно интересное.

У ближайшихъ западныхъ сосѣдей балтійскихъ славянъ, германцевъ, пользовались особеннымъ почетомъ мечевые боги, боги меченосцы (*Zio* или *Tug*, *Saxhôt*, *Heru* и др.). Мечъ, какъ и другія острыя оружія (копье, стрѣла и др.), въ первоначальномъ мифологическомъ значеніи своемъ служилъ символомъ свѣтового луча, свѣта. Вооруженный мечомъ, копьемъ и пр. свѣтовой богъ, какъ побѣдитель тьмы, получалъ воинственный характеръ. Мечевые боги германцевъ, воинственные по своему характеру, отождествлялись писателями съ *Марсомъ* или *Аресомъ*, богами войны. Германскій *Heru* тѣсно сближается съ балтійско-славянскимъ *Геровитомъ* (*Perovitus*) или *Яровитомъ*, почитавшимся въ Гавельбергѣ и Волегагѣ. Подобно германскимъ мечевымъ богамъ, и Яровитъ считался богомъ войны; по словамъ Герборда, Яровитъ „по латыни называется *Марсомъ*.“—Опять встрѣчаемъ въ Каріи, специально этой странѣ свойственнаго бога-меченосца, называвшагося греками Зевесомъ *златомечнымъ* (*Zeus Chrysaoreus*) и представляющаго интересную параллель съ мечевыми богами прибалтійскими.

Къ числу наиболѣе характеристическихъ божествъ делего-карійскихъ (делеги—народъ близко-родственный, если не тождественный карійцамъ) принадлежала богиня-кормилица, богиня-мать всей живой природы, знаменитое, пользовавшееся громкою извѣстностью святилище которой находилось въ Эфесѣ, нѣкогда принадлежавшемъ делегамъ. Греки называли эту богиню *Артемидой эфесской*. Изображеніе этой богини отличалось тѣмъ, что вся грудь ея была покрыта многочисленными сосками, служившими символомъ питательной, плодоносной ея природы. Культъ Артемиды эфесской, высоко почитавшейся и греками, распространился по всей Фригіи и Каріи, также во многихъ мѣстахъ Греціи, отсюда перешелъ въ Массилію, а отсюда массилійскими колонистами перенесенъ въ разныя мѣста Иберіи. Въ Римѣ сходный съ многососковымъ образомъ Артемиды эфесской видъ имѣла Діана авентинская.—Среди вендовъ (остатки прибалтійскаго славянства) сохранилось преданіе о подобной же богинѣ, по имени *Цица*, что значитъ сосокъ. По свидѣтельству разныхъ старинныхъ авторовъ, записавшихъ древнее вендское преданіе о Цицѣ, это была богиня-кормилица, мать-корм-

мимица, мать-земля, подательница плодородія; она изображалась, какъ и Артемида эфесская, съ множествомъ сосковъ на груди. Ей поклонялись съ особеннымъ благоговѣніемъ безплодныя женщины. Она пользовалась особымъ почитаніемъ въ городѣ Цейцъ (Zeitz, въ Мерзебургскомъ округѣ), получившемъ свое названіе отъ имени Цица.

Укажу еще на одинъ изъ интересныхъ мѣологическихъ образовъ лелего-карійскихъ, а именно на *Эндиміона*, прекраснаго юношу, теня ночи и глубокаго сна: онъ спалъ непробуднымъ сномъ, *сокрытый* въ горной нещербѣ, гдѣ еженощно посѣщала его влюбленная въ него заходящая богиня луны, Селена. Имя юнаго бога производится отъ *ἐν-δύω*, что значитъ *погружаюсь* во что-нибудь. — Въ числѣ кореницкихъ боговъ на островѣ Руляѣ опять находимъ мѣологическую личность, по имени своему буквально совпадающую съ Эндиміономъ. Это — *Поренуть*; имя его сближается съ *поронуть* (серб.), *ponouti* (чеш.) — *погрузиться*, означющими буквально то же, что *ἐν-δύω*. Поренуть, однако, самъ обнаруживаетъ лунную природу и представляеть, какъ по существу своему, такъ въ особенности по вѣшнему виду, уже значительное отступление отъ соименнаго ему лелего-карійскаго оригинала.

Ограничиваюсь приведенными параллелями, указывающими на какую-то связь культа балтійскихъ славянъ съ древнѣйшими религіозными преданіями восточныхъ народовъ, какъ арійскаго, такъ и семитскаго племенъ. Свообразныя, однимъ балтійскимъ славянамъ свойственныя черты культа, а именно: храмы опредѣленной архитектуры, съ ихъ украшеніями, пурпуровыми завѣсами, золотые, мѣдные или украшенные золотыми и серебряными атрибутами идолы, сословіе жрецовъ, — черты, какъ будто бы непосредственно заимствованныя изъ семитскаго міра; божества, сближающіеся частью съ древне-семитскими: Святovitъ (Мелкартъ), Сатуритъ (Кронъ-Вааль), частью съ лелего-карійскими: Радегастъ (Зевесъ ратный), Яровитъ (Зевесъ златомечный), Поренуть (Эндиміонъ), Цица (Артемида эфесская), — все это наводитъ на предположеніе, что балтійскіе славяне развѣлись и жили при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ прочіе ихъ соплеменники. Если бы они привнесли съ собою съ востока на балтійское побережье вѣсь упомянутыя преданія (при чемъ странно было бы предположить, что они одни изъ всѣхъ славянъ сохранили, практически примѣняли и развили

эти преданія на новомъ мѣстѣ своего поселенія), то слѣдовало бы ожидать встрѣтить центры идолопоклонства внутри страны, занятой балтійскими славянами; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, главнѣйшіе, наиболѣе прославившіеся центры идолослуженія расположены *почти исключительно на островахъ и берегахъ* Балтійскаго моря: на *островахъ* Руянѣ (святилища Святовита Аронскаго, Руевича, Поревича, Поренута Кореницкихъ), Волянѣ (Триглавъ и другіе малые и большіе идолы) и въ *прибрежныхъ городахъ*: Штетинѣ (Триглавъ), Староградѣ, Ростокѣ, Волегаствѣ, Гостыню, Колобрегѣ и др. Все это приводитъ къ предположенію, что указанныя черты культа балтійскихъ славянъ, столь разительно отличающія ихъ отъ другихъ, соплеменныхъ имъ народовъ и въ то же время сближающія ихъ съ отдаленными, чуждыми имъ восточными народами, не составляли исконнаго ихъ достоянія, а заимствованы, восприняты ими уже на новомъ мѣстѣ своего поселенія отъ какихъ-нибудь предшествовавшихъ славянамъ обитателей балтійскаго побережья, прибывшихъ сюда съ береговъ Эгейскаго и Средиземнаго морей, въ доисторическія времена, морскимъ путемъ; и основавшихъ на островахъ и берегахъ Балтійскаго моря торговыя поселенія и религіозныя центры, впоследствии сдѣлавшіеся достояніемъ пришельцевъ-славянъ. Слившись съ застигнутымъ ими на балтійскомъ побережьѣ населеніемъ, славяне восприняли отъ нихъ не только уже готовыя, выработанныя формы культа, но и своеобразныя черты характера: въ отличіе отъ прочихъ соплеменниковъ своихъ, миролюбивыхъ и кроткихъ, балтійскіе славяне сами сдѣлались отважными мореплавателями, храбрыми воинами на морѣ и на сушѣ, грабителями, жестокими, лютыми, кровожадными. Разумѣется, данное объясненіе своеобразнаго развитія культуры и права балтійскихъ славянъ — не болѣе, какъ предположеніе, гипотеза, требующая фактическаго подтвержденія. И кто могли быть эти предполагаемые предшественники славянъ на балтійскомъ побережьѣ?

Разсмотрѣнію этого вопроса посвященъ будетъ мною особый очеркъ.

Александръ Фаинцынъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КИРГИЗСКАГО НАРОДА.

Вопросъ о происхожденіи киргизовъ, этого почти исключительно степного народа, доходящаго своею численностью до трехъ милліоновъ душъ, какъ оно и понятно, уже не разъ возбуждалъ интересъ на столбахъ преимущественно періодической печати. Разнородныя мнѣнія, высказываемыя многочисленными авторами, страдали часто тѣмъ существеннымъ недостаткомъ, что интересовавшіеся происхожденіемъ киргизскаго народа искали, такъ сказать, начало его во временахъ крайне отдаленныхъ, даже древнихъ. Между тѣмъ мы не имѣемъ никакихъ фактическихъ основаній приписывать киргизамъ, въ современномъ смыслѣ этого слова, болѣе раннее происхожденіе, чѣмъ середина XV в. Тѣ смутныя свѣдѣнія, которыя даются Фирдоуси въ XI в. и еще раньше Константиномъ Порфиророднымъ (въ X в.) о «казакахъ», «казакіи» и «ханахъ казачихъ»,—далѣе, четырехсотлѣтній промежутокъ (отъ XI до XV в.) полнаго отсутствія упоминанія о киргизахъ (казакахъ)—не позволяютъ приписывать имъ болѣе древняго происхожденія и ставить «казаковъ», упоминаемыхъ Фирдоуси и Константиномъ ¹⁾ съ «казаками» XV вѣка въ какую-либо серьезную генетическую связь. Съ другой стороны, почтенные историческіе факты, указывающіе на происхожденіе современныхъ киргизовъ именно въ половинѣ XV в., и историческія указанія на ихъ непрерывное существованіе вплоть до нашихъ дней—не позволяютъ сомнѣваться во времени возникновенія интересующей насъ народности.

¹⁾ Потопкій (Comte Jean Potozki.—Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Paris, 1829) предполагаетъ, что обитателями Казакіи (Константина) были касоги, которыхъ, вѣроятно, вытѣснилъ Метиславъ.

О происхожденіи казаковъ, т.-е. киргизовъ, какъ привыкли мы ихъ называть, упоминается въ существующемъ письменномъ памятникѣ, посвященномъ въ значительной своей части именно имъ. Этотъ памятникъ есть сочиненіе Тарихи-Рашиди, писанное на персидскомъ языкѣ отъ 1541 (-2) до 1546 (-7) г. (978—953 хеджры) Мухаммедомъ-Хайдеромъ-гуреканомъ ¹⁾. Тѣ свѣдѣнія,

¹⁾ Вотъ что пишетъ В. Вельяминовъ-Зерновъ въ своемъ „Послѣдованіи о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“ (ч. II. СПб. 1886 г.), у котораго мы пользовались переводомъ означеннаго персидскаго сочиненія, о немъ и его авторѣ. Первая часть содержитъ въ себѣ очеркъ исторіи отрасли Джатаидовъ, происшедшей отъ Тоглукъ-Тимуръ-хана. Очеркъ доведенъ до кончины одного изъ потомковъ Тоглукъ-Тимура Султаны-Саидъ-хана (умершаго въ зуль-хидже въ 939 г., т.-е. въ іюль 1533 г.), внука Юнусъ-хана и сына Султаны-Ахмедъ-хана (Алача-хана), воевавшего съ Шейбани-ханомъ, известнымъ основателемъ династіи бухарскихъ Шейбанидовъ, внукомъ знаменитаго Абуль-Хайръ-хана. Въ концѣ этой первой части находится еще нѣсколько свѣдѣній о сынѣ и преемникѣ Султаны-Саидъ-хана, Абд-ур-рашидъ-ханѣ, владѣльцѣ кашгарскомъ и яркендскомъ, въ честь котораго, между прочимъ, и названо сочиненіе Тарихи-Рашиди. Вторая часть заключаетъ въ себѣ автобіографію сочинителя и подробное изложеніе событій, которыя случились въ его время или которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ. Тарихи-Рашиди, въ особенности вторая часть его, составляетъ трудъ весьма замѣчательный. Это — источникъ единственный въ своемъ родѣ для позднѣйшей исторіи Джатаидовъ. Почти все, что Мухаммедъ-Хайдеръ пишетъ, ново и въ высшей степени любопытно. Разсказъ его вездѣ добросовѣстенъ и отчетливъ. Впрочемъ, этихъ достоинствъ и свѣдѣвало ожидать отъ автора Тарихи-Рашиди. Самое оцѣбѣтвенное положеніе его давало ему возможность знать происшествія и изображать ихъ въ настоящемъ видѣ. Мухаммедъ-Хайдеръ, изъ рода Дулгаты, принадлежалъ къ знатному роду, который уже при Чингизѣ былъ славеенъ, а при Джатаидахъ возвысился еще болѣе. Члены этого дома долгое время правили Кашгаромъ, Яркендомъ, Аксу и другими окрестными мѣстами. Близкія сношенія ихъ съ ханскимъ домоу поддерживались и брачными союзами, доказательствомъ чего служить титулъ *гурекана*, носимый многими изъ нихъ. При Тоглукъ-Тимурѣ и его первыхъ послѣдникахъ предки Мухаммедъ-Хайдера утвердили за собой и право на важное званіе *улусъ-биковъ*. Первыми *улусъ-биками* при Тоглукъ-Тимурѣ были Тулекъ и Булачи, родные братья Каиръ-ад-дина, прославившагося войнами своими съ великимъ Тимуромъ. Отъ Эмира Булачи и происходилъ по прямой линіи авторъ Тарихи-Рашиди. Онъ былъ, какъ онъ самъ пишетъ про себя, сынъ Мухаммедъ-Хусейнъ-гурекана (отъ третьей дочери Юнусъ-хана — Хубъ нигаръ-ханумы, родной тетки знаменитаго Бабера), сына Мухаммедъ-Хайдеръ-гурекана, сына Эмира Сеидъ-Алія, сына Сеидъ-Ахмеда, сына Эмира Худайдала, сына Эмира Булачи. Самъ Мухаммедъ-Хайдеръ или, какъ онъ звался, просто Хайдеръ-Мирза, родился въ 905 (1499—1500) г. Онъ очень

которыя даетъ этотъ авторъ, совершенно новы и въ высшей степени интересны. Вотъ что можно извлечь изъ его сочиненія о происхожденіи казаковъ (т. е. современныхъ киргизовъ).

Въ то время когда въ Дештъ-Кипчакъ, занитомъ всецѣло Узбеками, ханомъ былъ Абуль-Хайръ, то двое изъ султановъ рода Джучи-хана, по имени Джанибекъ и Гирей, опасаясь преслѣдованій со стороны Абуль-Хайра, бѣжали изъ Дешта въ Моголистанъ, приблизительно въ 1456 г. (860 хеджры). Исабуга-ханъ, властвовавшій тогда въ Моголистанѣ, принялъ ихъ охотно и отвелъ имъ земли на западѣ Моголистана, а именно въ Джу и Козымбаши. Когда Абуль-Хайръ-ханъ умеръ, то въ Узбекскомъ улусѣ поднялись смуты и неудовольствія; большое количество народа откочевало къ Гирею и Джанибеку, такъ что въ скоромъ времени вокругъ нихъ собралось до 200000 человекъ, а узбекскій улусъ пришелъ въ упадокъ. Такъ какъ Гирей и Джанибекъ сами, а потомъ и большая часть собравшагося вокругъ нихъ народа были бѣглецы, скитавшіеся въ некоторое время безъ пріюта, то ихъ и прозвали «казаками»¹⁾.

рано потерялъ отца своего Мухаммедъ-Хусейна, который былъ убитъ въ 914 (1508) г. по приказанію Шейбани-хана. По смерти отца Хайдеръ жилъ одно время (915—1509 до 918—1512 г.) у двоюроднаго брата своего Зешр-ед-динъ-Бабера. Затѣмъ въ 918 (1512) г., тринадцати лѣтъ отъ роду, отбѣжалъ онъ къ другому двоюродному брату своему Султанъ-Саидъ-хану; около двадцати лѣтъ оставался онъ при ханѣ, былъ нечѣтъ на его родной сестрѣ и стискалъ при немъ славу умнаго советника и полководца. Вскорѣ послѣ кончины Султанъ-Саидъ-хана, Мухаммедъ-Хайдеръ, опасаясь Абд-ур-рашидъ-хана, удалился въ Лагоръ къ сыну Бабера Камранъ-Мирзѣ. Отъ него впоследствии онъ перешелъ къ брату его Гумаяну. Какъ Камранъ, такъ и Гумаянъ высоко цѣнили его достоинства. Черезъ нѣсколько времени Гумаянъ, разбитый Шаръ-ханомъ, отправилъ Мухаммедъ-Хайдера въ Кашмиръ. Страна эта уже была разъ у него въ рукахъ въ 939 (1533) г., когда онъ служилъ еще Султанъ-Саидъ-хану. Хайдеръ овладѣлъ вскорѣ всею страню и такъ основалъ свое пребываніе въ качествѣ почти независимаго правителя. Въ своихъ владѣніяхъ онъ присоединилъ и Тибетъ. Лѣтъ чрезъ десять послѣ заванія Кашмира Мухаммедъ-Хайдеръ былъ убитъ.

1) Какъ известно, большинствомъ авторовъ слово «казакъ» толкуется именно въ этомъ смыслѣ; такъ, напримеръ, Вамбери переводитъ это слово какъ странникъ или бродяга. Происхожденіе «казакъ» (киргиза) отъ вольнаго степнаго человека видно между прочимъ, какъ кажется намъ, и изъ нижеслѣдующаго преданія киргизовъ о ихъ происхожденіи. Нѣкто Калча-Кадыръ, одинъ изъ воссначальниковъ боевыхъ людей, проходившихъ съ какиши-то

Начало господства казаковъ относить Мухаммедъ-Хайдеръ приблизительно къ 1465 (-6) году (870 хеджры). Изъ двухъ братьевъ и основателей казацкаго народа Гирей былъ старшій; послѣ него ханскій престолъ унаслѣдовалъ его сынъ Бурундукъ; послѣ Бурундука слѣдовалъ сынъ Джанибека Касимъ. Касимъ, какъ младшій братъ (собственно двоюродный братъ), сначала покорился Бурундуку, но съ теченіемъ времени его популярность (вѣроятно, благодаря военной доблести) среди народа увеличилась и достигла, наконецъ, того, что Бурундукъ остался всѣми покинутый, былъ изгнанъ, и престоломъ завладѣлъ Касимъ. При этомъ умномъ ханѣ поднялось могущество казаковъ такъ, что его имя наводило страхъ на сосѣдей, и Мухаммедъ-Хайдеръ находить возможнымъ говорить, что послѣ Джучи-хана не было столь могущественнаго въ Дешт-Кипчакъ, какъ Касимъ; онъ умеръ въ 1518 году (929 хеджры), и съ его смертью на время блекнетъ и сила и слава казаковъ. Касиму наслѣдовалъ его сынъ Мамашъ, послѣ Мамаша ханствовалъ племянникъ Касима Тагиръ, а затѣмъ братъ послѣдняго Буйдашъ, который въ 1533 (-4) году (940 хеджры) умеръ.—Характерно то, что могущество казаковъ, сколько можно понять изъ словъ Мухаммедъ-Хайдера, обуславливалось притокомъ новыхъ кочевниковъ, такъ же, какъ и упадокъ ихъ власти—уходомъ многихъ приверженцевъ: такъ означенный авторъ говорить послѣ того, какъ онъ упоминаетъ, что у Касима было болѣе милліона подданныхъ, что во время Буйдашъ-хана казаковъ было не болѣе двадцати тысячъ, а затѣмъ, что послѣ смерти

завоевателями черезъ степь, отсталъ отъ войска и умираетъ отъ голода и жажды, но былъ спасенъ спустившейся съ неба бѣлой гусыней (каз-ак). Вступивъ съ этой бѣлой гусыней (каз-ак) въ бракъ, Калча-Кадыръ сдѣлался родоначальникомъ казаковъ, т. е. киргизовъ (И. Казанцевъ: Описание киргизъ-кайсака. СПб. 1867 г.). Естественно, что вольные люди неоднократно появлялись во время разныхъ переворотовъ въ степи, и казаки (т. е. подобные давшимъ начало современнымъ киргизамъ), о которыхъ мы говоримъ, конечно, не были первыми въ исторіи тюрокъ, такъ какъ таковыя, вѣроятно, существовали въ различныя времена въ смыслѣ недовольныхъ и бѣглецовъ отъ существующаго строя; но другимъ не удалось оставить послѣ себя слѣдовъ и образовать народность, подобную казакамъ Гирей и Джанибека. Что слово „казакъ“ слѣдуетъ понимать именно въ смыслѣ вольнаго, бродячаго человѣка, повидимому, подтверждается и тѣмъ, что и наше казачество, воспринявъ тюрское слово и, вѣроятно, сохраняя его въ его первоначальномъ смыслѣ, именно представляло бродячій элементъ независимыхъ людей.

Буйдашъ-хана они совсѣмъ исчезли. Послѣднее, конечно, не слѣдуетъ понимать буквально: казаки не исчезаютъ, но теряются, благодаря своей малочисленности; про нихъ нѣкоторое время мало слышно. Эта была тяжелая година для казаковъ, которая продолжалась дѣть двадцать или тридцать послѣ смерти Касима; имъ приходилось даже до того плохо, что они вынуждены были неоднократно искать убѣжища у своихъ враговъ ногайцевъ, какъ объ этомъ пишетъ, напр., ногайскій князь Сейдикъ Ивану IV; но въ дни силы, наоборотъ, они тѣснили ногайцевъ, подчиняли калмыковъ. Когда собственно началось возрожденіе казаковъ — сказать вполнѣ точно очень трудно; но тѣмъ не менѣе существуютъ основанія, позволяющія предположать, что оно произошло до 1570 года и что главнымъ лицомъ и первымъ дѣятелемъ по возрожденію казаковъ былъ Хаккъ-Назаръ-ханъ, такъ какъ наиболѣе важные факты изъ исторіи казаковъ, какъ, напримѣръ, раздѣленіе казаковъ на три орды, приписываются ему¹⁾.

Что казаки послѣ 1558 года, т.-е. послѣ смерти Буйдашъ-хана (вопреки словамъ Мухаммедъ-Хайдера), не исчезли, существуютъ весьма вѣскія историческія данныя, а именно: уже послѣ 1517 года (вплоть до нашихъ дней) мы имѣемъ непрерывныя свѣдѣнія о казакахъ изъ европейскихъ и нашихъ русскихъ источниковъ. Такъ, Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ 1517 и 1526 годахъ, упоминаетъ о «казачьей ордѣ»; далѣе, посолъ Іоанна Грознаго Данила Губинъ, бывшій у ногайцевъ въ 1534 году, доноситъ царю, что «казаки, сказываютъ, добре сильны и, сказываютъ, государь, Ташкентъ воевали»; затѣмъ, Дженкинсонъ, бывшій въ Бухарѣ въ 1558 и 1559 годахъ, пишетъ, что ташкентцы находились въ его время въ войнѣ съ казаками. Въ 1569 году, какъ пишетъ Семень Мальцевъ (посолъ Іоанна IV у ногайцевъ), напали на ногайскій улусъ казачія орды хана Акназара (Хаккъ-Назара), а въ 1574 году дава была Строгановымъ грамота на безпошлинную торговлю съ казачкою ордою.

Мы должны отмѣтить въ описаніи Мухаммедъ-Хайдера двѣ наиболѣе любопытныя нити: съ одной стороны то, что казаки, т.-е. современные киргизы или, какъ ихъ называютъ, киргизъ-кайсаки

¹⁾ На основаніи этого, повидному, Хаккъ-Назара слѣдуетъ отождествить съ Агъ-Назомъ.

или киргизъ-казаки, ничто иное какъ политически цѣльное, но этнографически и антропологически разное племя, состоящее изъ разныхъ элементовъ,—а съ другой стороны, что киргизы получили свое начало отъ узбекскаго улуса, и, слѣдовательно, настъ не можетъ удивлять близкое сходство—тѣсная связь, между тѣми и другими, которое выражается первымъ дѣломъ въ общности многихъ родовыхъ именъ, какъ то: *канлы, найманъ, арынгъ, каштамалы, куниратъ, кирейтѣ, табынъ, тама, кичакъ, тасъ* и др.; насколько Мухаммедъ-Хайдеръ считаетъ своихъ казаковъ узбекскаго происхожденія, видно уже изъ того, что онъ ихъ называетъ узбеками-казаками ¹⁾.

Интересно то, что происхожденіе киргизовъ изъ сбродныхъ, такъ сказать случайныхъ, элементовъ подтверждается ихъ собственными преданіями. По однимъ изъ нихъ киргизы считаютъ себя выходцами изъ Туркестана, по другимъ—изъ Крыма; иныя преданія передають, будто киргизы пришли съ Евфрата, другія преданія утверждаютъ, что киргизы составляли нѣкогда одно племя съ сибирскими татарами-алатами. Есть преданія, согласно которымъ киргизы произошли отъ ногайцевъ, жившихъ на Волгѣ. Киргизы же Тургайской области считаютъ себя происшедшими отъ ногайцевъ, бѣжавшихъ (при преслѣдованіи калмыками) въ Уральскія горы; отъ этихъ послѣднихъ ногайцевъ, говоритъ преданіе, произошли не только киргизы, но и башкиры и каракалпаки.

Мы выше указали на общность родовыхъ именъ у киргизовъ и узбековъ; слѣдуетъ вообще замѣтить, что многія родовыя имена повторяются у разныхъ тюркскихъ племенъ, какъ, напр., у туркменъ, каракиргизовъ, алтайскихъ тюрковъ, каракалпаковъ и башкиръ (и киргизовъ съ узбеками). Въ послѣдующемъ изложеніи мы неоднократно будемъ сталкиваться съ разнообразными именами родовъ, которыя встрѣчаются одновременно у разныхъ современныхъ на-

¹⁾ Здѣсь у мѣста указать, что киргизы-букеевцы называютъ ногайцевъ, составляющихъ въ настоящее время киргизскій родъ въ Букеевской степи „ногай-казакъ“ (см. „Киргизы Букеевской орды“, в. I., стр. 36). По словамъ Н. И. Гродекова („Киргизы и кара-киргизы Сыръ-Дарьинской об.“, т. I—юридическій бытъ“. Ташкентъ 1889 г.), современные киргизы Сыръ-Дарьинской области, во-первыхъ, сами себя признають узбекскаго племени, а во-вторыхъ, преданіе о томъ, что они произошли изъ частей разныхъ узбекскихъ племенъ, живетъ еще въ устахъ современнаго народа.

родовъ. Это частое повтореніе родовыхъ именъ и одновременная ихъ разбросанность среди различныхъ тюркскихъ племенъ¹⁾ позволяютъ вообще держаться того мнѣнія, что древніе турки въ теченіе своей многолѣтней жизни неоднократно дробились, заносились въ самыя разнообразныя страны и, соединяясь, впоследствии образовали современныя группы, которыя въ корни имѣютъ подчасъ если и не тождественное, то весьма близкое происхожденіе, которыя генетически все болѣе или менѣе связаны между собой и антропологическая рознь которыхъ обуславливается съ одной стороны разнымъ процентнымъ содержаніемъ отдѣльныхъ элементовъ, а съ другой воспріятіемъ разныхъ чуждыхъ элементовъ извнѣ, а именно элементовъ монгольскихъ, финскихъ, иранскихъ и другихъ. Остатки древнихъ родовъ тюркскихъ племенъ, мы постоянно сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ однихъ и тѣхъ же, среди которыхъ наиболѣе часто встрѣчаются *кипчаки*, *найманы*, *киргизы*, *татары*, *уйгуры* и др. Не говоря уже о томъ, что между родовыми именами киргизовъ и узбековъ (какъ, впрочемъ, уже было выше указано) имѣется много общихъ, но, напр., *кипчаки* встрѣчаются и среди башкиръ, дагѣ въ Таврической губерніи: среди деревень таврическихъ татаръ попадаются нерѣдко таковыя съ именемъ *кипчаки*, такъ, напр., въ Перекопскомъ уѣздѣ, Евпаторійскомъ (Кара-кипчаки, Курулу-кипчаки, Бельдауль-кипчаки и Бай-оглу-кипчаки) и Феодосійскомъ уѣздѣ.

Не вдаваясь здѣсь, впрочемъ, въ эти общіе вопросы, мы вернемся опять къ киргизамъ.

Держась мнѣнія о весьма недавнемъ происхожденіи киргизовъ, какъ народной группы, и приписывая ей происхожденіе конгломератное, намъ приходится стать рѣзко противъ мнѣнія, высказываемаго Вамберя, о происхожденіи интересующей насъ народности, а именно: этотъ авторъ отстаиваетъ древность киргизовъ и ихъ этническую цѣльность. Правда, то, что онъ говоритъ о цѣльности

1) Не безынтересно отмѣтить, что въ Таврической степи мы неоднократно встрѣчаемъ татарскія селенія съ именами намъ извѣстныхъ тюркскихъ родовъ, а именно: въ Перекопскомъ уѣздѣ — *кипчаки*, *алчины*, *уйшунь*, *найманы*, *китай* (два селенія) и *кирей*; въ Евпаторійскомъ — *кара-кипчаки*, *курулу-кипчаки*, *бельдауль-кипчаки*, *бай-оглу-кипчаки*, *каракаймаки*, *китай*, *кократа* (быть можетъ тождественно съ *кократа*), *узбеки* и *киргизы-казаки*; въ Феодосійскомъ — *кипчаки*, *тама*, *аримы*, *найманы* и *китай*; въ Симферопольскомъ — *найманы*.

ихъ, касается преимущественно обычаевъ, обрядовъ, характера и языка ихъ, и въ этомъ случаѣ онъ, повидимому, правъ, а его слова относительно языка подтверждаются и В. Радловымъ ¹⁾; но Вамбери склоненъ признать и общій физическій типъ киргизовъ и древнее происхождение ихъ, съ чѣмъ мы положительно согласиться не можемъ и противъ чего говорить многочисленные факты.

Стараясь доказать этническую цѣльность и древность киргизовъ, Вамбери указываетъ только на три основанія: во-первыхъ, на то, что Константинъ Порфирородный въ X вѣкѣ упоминаетъ слово „казакія“, во-вторыхъ, что писатель Фирдоуси въ XI в. говоритъ о „казацкихъ ханахъ“, и въ-третьихъ, что языкъ киргизовъ несетъ нѣкоторыя лингвистическія особенности, свойственныя и мадьярскому языку; это, по мнѣнію Вамбери, указываетъ на столкновение названныхъ двухъ племенъ уже въ VIII в. Какъ намъ кажется на основаніи послѣдняго довода Вамбери, мы, насколько не умаляя силы лингвистическихъ выводовъ, можемъ считать, что тѣ оригинальныя формы венгерскаго языка, на которыя ссылается почтенный авторъ, указываютъ лишь на общія черты между венгерскимъ и иными тюркскими нарѣчіями, бывшими въ VIII в. у тѣхъ племенъ, которые дали начало киргизамъ, и что тутъ киргизы, какъ народъ (въ современномъ смыслѣ слова), положительно ни причемъ; это тѣмъ болѣе именно такъ, что въ VIII в. мы никакихъ свѣдѣній о киргизахъ (казакахъ) не имѣемъ. Что же касается словъ Фирдоуси (см. Кир. Бук. орды, вып. I, стр. 272 и 273) и Порфиророднаго, которые упоминаютъ о казакахъ, то это только указываетъ на существованіе бродячихъ элементовъ уже въ древности, а отнюдь не на предковъ современныхъ киргизовъ ²⁾. Самъ же Вамбери ³⁾ указываетъ, во-первыхъ, на значеніе слова ка-

¹⁾ Образцы народ. литер. тюрк. племенъ, ч. III, СПб. 1860 г.

²⁾ Наше казачество, которое мы въ известномъ смыслѣ можемъ съ полнымъ правомъ приравнять къ древнимъ казакамъ Средней Азии, образовалось при разныхъ условіяхъ и въ разные времена: казаки запороженіе, донскіе, уральскіе, сибирскіе и другіе представляютъ разныя группы даже отчасти въ антропологическомъ отношеніи, и неравны были-бы мы, если-бы пожелали связать болѣе позднюю по своему образованію группу съ болѣе раннею. Наконецъ, „казакъ“, какъ слово, есть звукъ пустой: оно могло перенестись отъ одного племени къ другому, отъ одной группы къ другой.

³⁾ Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig. 1885.

закъ — „бродяга“ (Vagabund); самъ же онъ отождествляетъ или собственно приравниваетъ это слово по его значенію къ персидскому слову „сергердъ“ („сер-гердяде — umgestürzten Hauptes“, т. е. слома голову или „korbos“¹⁾, т.-е. сорви-голова) и турецкому башибузуку („башы-бузукъ — Hauptwüst“, т. е. шальная голова), т. е. къ словамъ, не имѣющимъ никакого этническаго значенія; самъ же онъ въ главѣ объ узбекахъ²⁾ говоритъ, что „казаки“, послѣдовавшіе на ряду съ нѣкоторыми племенами за Шейбаниемъ противъ монголовъ, о чемъ говорится въ 54 пѣсни Шейбани-нама, не что иное, какъ вольные, никому не подчиненные степные жители, „явчю въ родѣ персидскихъ сергердовъ и турецкихъ башы-бузукъ“, и онъ же, къ нашему удивленію, считаетъ современныхъ киргизовъ потомками древнихъ казаковъ и этнически, а не политически, пѣльными. Далѣе Вамбери не придаетъ достаточнаго значенія именамъ поколѣній и родовъ у киргизовъ и считаетъ ихъ тождественность у различныхъ народовъ случайностью; мы не можемъ не удивляться такому странному мнѣнію, высказанному такимъ знатокомъ тюркскаго племени, которому должно быть извѣстно, что вся жизнь тюрковъ, какъ древнихъ, такъ отчасти и современныхъ даже, обусловлена ихъ родовыми отношеніями. Почтенный авторъ, позволимъ себѣ замѣтить, самъ себѣ противорѣчитъ въ этомъ, во-первыхъ тѣмъ, что онъ, какъ неоднократно имъ высказывается въ сочиненіяхъ (съ чѣмъ, впрочемъ, мы лишь относительно согласны), считаетъ, что среди тюрковъ всѣ движенія и наплывы монголовъ XIII столѣтія оставались въ томъ отношеніи довольно безслѣбны, что отдѣльныя племена оставались какъ и прежде жить приблизительно на своихъ старыхъ мѣстахъ, такъ что даже возможность исключена, чтобы родовыя имена случайно заносились то къ туркменамъ, то къ узбекамъ, киргизамъ, каракиргизамъ, каракалпакамъ и башкирамъ; во-вторыхъ, самъ авторъ придаетъ громадное значеніе родовымъ именамъ у узбековъ, на основаніи которыхъ онъ считаетъ послѣднихъ, такъ же какъ и мы, конгломератомъ; въ-третьихъ, онъ самъ не отрицаетъ, что въ лицѣ нѣкоторыхъ поколѣній, какъ-то *кунратъ* и *найманъ* въ киргизовъ вошелъ посторонній элементъ. Почему же онъ считаетъ одно и то же явленіе возможнымъ и даже непремѣнно совершившимся у узбековъ, а то же

¹⁾ Буквально: безголовый.

²⁾ Loc. cit., стр. 349.

самое безъ всякихъ основаній отрицаетъ у киргизовъ? почему одни родовыя имена, по его мнѣнію, у киргизовъ обломки разныхъ племенъ, а другія лишь случайно занесены въ ихъ среду судьбою?

Если бы мы пожелали расчленивъ современную киргизскую народность на ея составныя части, то это было бы далеко не такъ трудно, какъ можетъ показаться сначала. Раздѣленіе всего киргизскаго племени собственно очень стройно. Вся киргизская народность раздѣляется на три большія группы, называемыя ордами: Большую орду, Среднюю орду и Малую орду (Букеевская орда есть не что иное, какъ часть Малой, см. «Кир. Бук. орды» в. I, стр. 17); каждая орда раздѣляется на неравное количество поколѣній, каждое поколѣніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько родовъ, родъ дробится на отдѣленія, а отдѣленія на подотдѣленія. Между тѣмъ какъ отдѣленіямъ и подотдѣленіямъ (а также многимъ родамъ) нельзя приписывать древняго происхожденія, а напротивъ, ихъ слѣдуетъ считать происхожденіемъ болѣе или менѣе недавняго, поколѣнія и даже рода, по крайней мѣрѣ изъ послѣднихъ очень многіе, ведутъ свое происхожденіе уже издавна; на это, во-первыхъ, указываютъ свидѣтельства древнихъ писателей, а во-вторыхъ, то обстоятельство, что многіе изъ нихъ встрѣчаются не только среди киргизовъ, но и среди узбековъ, каракиргизовъ, каракалпаковъ, туркменовъ и башкировъ. Правда, и въ числѣ родовъ мы найдемъ немалое количество, древность происхожденія которыхъ сомнительна, или же которые безусловно новѣйшаго происхожденія (какъ, напр., теленгуты и ногаи Букеевской орды, см. «Кир. Бук. орды» в. I, стр. 30 и 33), тѣмъ не менѣе очень многіе, во всякомъ случаѣ, происхожденія древняго.

Н. Аристовъ¹⁾ говоритъ, что рода, будучи въ первоначальной основѣ своей результатомъ естественнаго размноженія людей въ первичныхъ общественныхъ группахъ, вслѣдствіе продолжающагося естественнаго нарожденія новыхъ членовъ, должны неминуемо дробиться. На образованіе новыхъ родовыхъ частей, по мнѣнію названнаго автора, могучее вліяніе имѣютъ и экономическіе, и политиче-

¹⁾ „Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и кира-киргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій“ („Живая Старина“, вып. III—IV, 1894 г.).

скіе факторы, которые обуславливаютъ новую группировку родовъ и ихъ отдѣльныхъ частей, вызывая образованіе новыхъ родовыхъ единицъ и союзовъ. Не малое, по словамъ Н. Аристовъ, вліяніе на группировку родовъ имѣли сильныя и удачливые вожди, подъ властью которыхъ собираются не только ближайшіе ихъ родственники, но и отдаленныя по крови части родовъ и даже иноплеменники. «Возникающіе такимъ образомъ на ряду съ родовыми дѣлениями кровнаго происхожденія, а потому и замѣняющіе ихъ частію, родовые союзы народнымъ сознаніемъ приравняются къ родовымъ единицамъ кровнаго происхожденія, хотя въ составъ ихъ входитъ нерѣдко части разнѣхъ родовъ и даже семьи и группы иноплеменниковъ». Такъ какъ процессы образованія новыхъ родовыхъ единицъ и группъ, исчезновеніе ихъ и соизданіе новыхъ союзовъ, какъ справедливо замѣчаетъ г-нъ Аристовъ, длится все время существованія тюркскихъ кочевниковъ, т.-е. тысячелѣтія, то слѣдовало бы ждать, что у киргизовъ роды утратили всякую между собою истинную кровную связь и соотношеніе; но въ дѣйствительности роды и ихъ подраздѣленія у тюрковъ-кочевниковъ находятся между собою въ опредѣленныхъ, имѣющихъ частію фиктивное, частію истинный кровно-родовой характеръ, соотношеніяхъ. Происходитъ это, конечно, вслѣдствіе сильнаго вліянія необыкновенно развитого родового быта, сохраняющаго и повышающаго въ значительной степени свое громадное значеніе.

Тѣмъ не менѣе существуютъ достаточныя основанія смотрѣть на многіе рода и именно рода древніе, фигурировавшіе нѣкогда самостоятельными племенами, не какъ на союзы родственниковъ, а какъ на общественные и политическіе союзы, представляющіе въ свою очередь значительную конгломератность. Нѣчто аналогичное представляютъ и каракиргизы, но у нихъ, какъ и у южно-сибирскихъ ¹⁾ тюрковъ, кромѣ родовыхъ (собственно общественно-политическихъ) группъ, существуютъ союзы собственно родственниковъ — такъ называемыя «кости» (*сѣоки*), члены которыхъ твердо сохраняютъ сознаніе объ общемъ кровномъ происхожденіи; у алтаецевъ члены одного *сѣока* не могутъ вступать въ бракъ между собою, называютъ себя братьями по кости.

1) Н. Аристовъ. Ibid. стр. 448.

Мы уже выше говорили о томъ, что существуютъ основанія фактическія считать нѣкоторые рода, составляющіе современное киргизское и узбекское (а также и башкирское, каракиргизское и др.) племена за племена, существовавшія нѣкогда самостоятельно. Дѣйствительно, не всѣ рода могутъ быть отысканы съ легкостью въ лѣтописяхъ исторіи, тѣмъ не менѣе про всѣ поколѣвія киргизовъ и про нѣкоторые рода ихъ намъ достовѣрно извѣстно, что они сами сравнительно недавно фигурировали совершенно самостоятельно и даже, отчасти, и теперь составляютъ свою особую народность, какъ, напримѣръ, кипчаки, о которыхъ мы, впрочемъ, скажемъ немного ниже.

Остановимся теперь на поколѣвіяхъ и нѣкоторыхъ родахъ киргизовъ. Нижеслѣдующія имена родовъ и поколѣвій даетъ намъ А. Левшинъ ¹⁾.

1) «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей». Спб. 1832 г. Этотъ списокъ родовъ относится къ 20-мъ годамъ, тѣмъ не менѣе, онъ не утратилъ своего значенія. Само собою разумѣется, что съ 20-хъ годовъ многое измѣнилось, но насъ, естественно, гораздо больше интересуютъ данныя старыхъ годовъ, такъ какъ повѣщій измѣненій въ данномъ случаѣ не играютъ роли. Въ настоящее время въ разрозненной литературѣ о киргизахъ можно встрѣтить весьма много интересныхъ данныхъ по отдѣльнымъ родамъ, могущихъ дать довольно полный списокъ раздѣленія киргизскаго народа. Теперь, когда произошли многочисленныя раздробленія киргизовъ, далеко не вездѣ можно подвести ихъ къ вышесприводимой системѣ; въ этомъ мы можемъ убѣдиться, напримѣръ, на букеевцахъ («Кир. Бук. орды», в. I, стр. 25—48), которые, отдѣлившись отъ Малой орды, съ одной стороны не имѣютъ въ своей средѣ представителей всѣхъ родовъ этой орды, а съ другой образовали новыя, какъ султаскій, ходживскій, теленгутовъ и вогайскій (см. «Кир. Бук. орды», в. I, стр. 28, 29, 30 и 33). А. А. Ивановскій, занимавшійся наследованіемъ киргизовъ Средней орды въ Зайсанскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, сообщилъ намъ о существованіи тамъ 19 родовъ безъ поколѣвій (мы приводимъ ихъ здѣсь потому, что они не появлялись въ печати). По свѣдѣніямъ, собраннымъ А. А. Ивановскимъ, найманъ въ Зайсанскомъ уѣздѣ дѣлится на четыре отдѣленія (или, если найманъ считать, что, повидимому, болѣе вѣрно, за поколѣвіе, то на четыре рода), а именно: акъ-найманъ, джалъ, мавъ-бекъ и тертъ-ауль (дюртъ-авуль Левшина). Тертъ-ауль, въ свою очередь, дѣлится на токанъ, тогусъ, джани-бекъ и тузагчы; если эти имена считать за имена отдѣленій, то каждое изъ нихъ раздѣляется на нижеслѣдующія подотдѣленія.

1) *Токанъ*: ток-тогусъ, джул-кайдаръ, кудоголь-кутубай, есенгуль, есебекъ и карсааль-гакъ.

2) *Тогусъ*: тибей, сар-гора, кара-тока, даулетъ и ульджаше.

I. Большая орда.

1. Покоління *Уйсунь*.

Рода: Ботбой, Чмиръ, Джаявсь или Янышъ, Сикъ-амъ, Абдайсуванъ, Сары-сулы, Чанычъ-кылы, Канкылы или Канлы, Джалаиръ и прочіе.

2. Покоління *Контратъ*.

Рода: Байларъ-Джанджаръ, Уразъ-Гельды, Кульджегачъ, Бочманъ, Токъ-булатъ, Яманъ-бай, Куракрся, Этимларъ, Куушъ-Кансызъ.

3) *Джамы-бекъ*, джа-кыу, бай-кучакъ, тасм-бай и мажъ.

4) *Трашчы*: терт-сары и тузагчы.

Всѣхъ же родовъ (или поколіній) въ Зайсанскомъ уѣздѣ, какъ было сказано, 19; они слѣдующіе: найманскій (4 отдѣленія), главный аргинскій (3 отд.), тарвакъ-танскій (2 отд.), найманъ-кунратскій (12 отд.), аргинскій (2 отд.), секиродимъ-исакъ-кырейскій (3 отд.), аргинвандаголдскій (1 отд.), кипчакскій (4 отд.), кырейскій (6 отд.), журунскій (5 отд.), талабуга-кипчакскій (6 отд.), худелли-кипчакскій (4 отд.), байджитскій (3 отд.), гаржигатинскій (12 отд.), ганчалскій (5 отд.), турм-ангыръ-кипчакскій (4 отд.), узун-кипчакскій (6 отд.), багаладзайманскій (13 отд.), аргин-табукинскій (2 отд.). Сравнительно вѣтъ перечень родовъ Средней орды съ именами поколіній и родовъ Средней орды изъ списка А. Левшина, имъ можетъ повѣтъ, что въ настоящее время, время все же сильнаго паденія родового устройства, появлялась масса новыхъ родовъ; съ другой стороны, повидимому, значеніе поколіній, какъ объединяющей группы, утрачено, кромѣ того къ составу Средней орды причислялись нѣкоторые рода Большой и Малой орды. И такъ, насъ не должно удивлять, если въ настоящее время во многихъ мѣстахъ среди киргизовъ не удастся возстановить старую систему родового строя, и если она нежилась до неузнаваемости. Существуютъ и болѣе древнія свидѣнія о родахъ киргизовъ, чѣмъ данными А. Левшина; таковыя, напримеръ, помѣщены въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ (за 1820 г. часть IX: „Киргизъ-кайсаки Большой, Средней и Малой орды“). Авторъ раздѣляетъ орды на роды, а роды на отдѣленія. Въ Большой орды—4 рода, въ Средней—22 и въ Малой—41; ахъ, повидимому, обиты повѣтій о поколініяхъ и родахъ, которыя такъ стройно и наглядно наложены у А. Левшина. Слѣдуетъ отмѣтить, что уже эти старинныя свидѣнія указываютъ на раздробленность киргизскихъ родовъ и соединеніе двухъ родовъ въ одинъ общій (двойной), что въ настоящее время выступаетъ значительно рѣже. Н. Арстовъ опредѣляетъ въ своемъ интересномъ „Опытѣ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ Большой орды“, родство и степень его разныхъ родовъ большой орды, а равно и степень ихъ перемѣшанности на основаніи родословнаго преданія, такъ и урановъ и преходитъ къ очень вѣрнымъ и новымъ выводамъ, проливающимъ свѣтъ на мало по сіе время извѣдовавшее родовое устройство киргизовъ.

II. Средняя орда.

1. Поколѣніе *Наймагъ*.

Рода: Акъ-бура, Булатчи, Кара-Гирей, Тирсъ-тамгалы, Дюртъ-авуль, Кукъ-джарлы, Ирш-някы, Семизъ-баганалы, Садыръ.

2. Поколѣніе *Китчакъ*.

Рода: Торы-Аигиръ, Туючка, Кытабакъ, Бултунъ, Кара-Балыкъ, Куддялянъ, Тана-Буга, Узунъ, Кукъ-боронъ.

3. Поколѣніе *Увакъ-Гирей* (или *Кирей*).

Рода: Увакъ, Гирей или Кирей и Тараклы.

4. Поколѣніе *Аршигъ*.

Рода: Жара-кисякъ, Каравуль-кисякъ, Чаръ-джитимъ, Джан-жаръ, Чачкакъ, Дюртъ-авуль, Атыгай, Алтай, Тебичъ, Табаклы, Борчи, Карпакъ, Васантіенъ, Агышъ-калкаманъ, Канджигали, Козюганъ, Кукъ-шаль.

III. Малая орда.

1. Поколѣніе *Алимулы*.

Рода: Кара-сакаль, Кара-кисякъ, Китя, Дюрткара, Чумекей и Чыкли.

2. Поколѣніе *Байулы*.

Рода: Аддай, Джапшасъ или Дешпасъ, Азага, Байбакты, Маскаръ, Бершъ, Тазларъ или Тазъ, Исентемиръ, Черкесъ, Тана, Кызылкуртъ, Шихляръ.

3. Поколѣніе *Джити-уруу* (*Джетру*).

Рода: Табынъ, Тама, Кердери, Джагалбайлы, Керейтъ, Ти(е)-ляу, Рамоданъ.

Передавъ этотъ перечень поколѣній и родовъ киргизскаго племени, мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы уяснить себѣ образованіе киргизскаго народа. Мы видимъ, что Большая орда состоитъ изъ двухъ поколѣній: *уйсюнъ* (*усюнъ*) и *кунратъ*; изъ нихъ послѣднее, по словамъ А. Левшина, принадлежало прежде къ Средней ордѣ и лишь впослѣдствіи вошло въ составъ орды Большой, которая, въ свою очередь, въ древности состояла изъ трехъ поколѣній: *уйсюнъ* (или *усюнъ*), *саргамъ* и *тулатай*. Сохранилось ли имя послѣдняго поколѣнія или нѣтъ, намъ лично не извѣстно, что же касается *усюнъ* и *кунратъ* (или *кунратъ*), то они, равно какъ и рода *саргамъ* (*сергамъ*, *сергеле*) *канкмы*, *джа-лаиръ* и *дулатъ*, нѣкогда составляли самостоятельныя племена, о

которыхъ мы имѣемъ, правда, довольно отрывистыя, тѣмъ не менѣе весьма интересныя данныя. Н. Аристовъ даетъ иное дѣленіе Большой орды. Согласно его изысканіямъ, эта орда дѣлится на 11 поколѣній, которыя въ свою очередь раздѣляются на роды и т. д. Эти поколѣнія слѣдующія: *дулатъ, адбагъ, суванъ, чапрашты, исты, ушақты, сары-уйсунъ, джалауръ, канлы, чанкылы и серілы*. Это дѣленіе Большой орды, представляющее иную систему, чѣмъ дѣленіе Левшина, составлено Н. Аристовымъ на основаніи родословной Дикамба-батыра устныхъ сообщеній бѣгъ Большой орды и нѣкоторыхъ литературныхъ источниковъ. Хотя источникъ родословной Дикамба Н. Аристову и неизвѣстенъ, тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія считать приведенное дѣленіе Большой орды произвольнымъ. Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что, разспрашивая разныхъ киргизовъ, членовъ разныхъ родовъ, обитающихъ разныхъ мѣстности, можно получить довольно разнорѣчивыя показанія, касающіяся собственно системы раздѣленія той или иной орды и исторія возникновенія даннаго дѣленія, и нельзя не согласиться съ Вамбери¹⁾, который говоритъ, что немногое въ этнографіи тюрковъ представляетъ большія трудности, чѣмъ точное выясненіе главныхъ и послѣдующихъ родовыхъ дѣленій. Преслѣдуя свои задачи, намъ нѣтъ нужды вдаваться здѣсь въ детали родового дѣленія и въ сравнительную оцѣнку той или иной системы, но не можемъ не указать, что хотя Н. Аристовъ и не признаетъ, повидимому, дѣленія Большой орды на два поколѣнія—*уйсунъ* и *копратъ*—и какъ бы умалаетъ значеніе этихъ двухъ племенныхъ именъ, но съ другой стороны, отмѣчаетъ для насъ весьма важный фактъ, что Большая орда киргизовъ именуется также *усуновскою* или *уйсуновскою*, т.-е. и въ данномъ случаѣ, какъ и у Левшина, имени *уйсунъ* придается болѣе значенія, чѣмъ имени простаго рода. Что касается *копратъ*, то имя этого поколѣнія Н. Аристовымъ совсѣмъ не упоминается, ни въ качествѣ рода, ни въ качествѣ поколѣнія; можно, какъ намъ кажется, съ достаточною вѣроятностью полагать, что нынѣ, если не повсемѣстно, то мѣстами, имя „копратъ“, какъ имя объединяющаго нѣскольکو родовъ въ одну общую группу—поколѣнія—киргизами забыто.

¹⁾ Das Türkenvolk in seinen ethnol. und ethnogr. Beziehungen. Leipzig, 1885, p. 181.

Оно и вполнѣ понятно: чѣмъ больше дѣлятся большія (главныя) родовыя группы на дѣленія болѣе мелкія, то они въ своемъ значеніи уступаютъ этимъ послѣднимъ. По Спасскому¹⁾, Большая орда состояла въ началѣ XIX в.: 1) изъ кочевавшихъ по китайской границѣ и распространившихся до Сыръ-Дарьи *дулатовскаго* рода и *сары-юсунъ-джалаирскаго*; 2) изъ занимавшаго земли между Туркестаномъ, Сары-су и Акъ-мечетью рода *сертамъ* (*сертеле*), и 3) изъ обитавшихъ на Сыръ-Дарьѣ къ Ташкенту родовъ *канлы* и *чаншклы*.

Родъ Джалаиръ.—Рашид-эд-динъ²⁾ описываетъ джалаиръ, какъ племя многочисленное и состоявшее изъ десяти «вѣтвей» (быть можетъ, родовъ); это племя, по словамъ упомянутого автора, вмѣстѣ съ *ойратъ* и *татаръ* принадлежало къ тѣмъ турецкимъ (тюркскимъ) племенамъ, которыхъ „нынѣ“ называютъ монголами; „наружность и слово ихъ похожи на типъ и слово монголовъ, поелику во время оно монгольская вѣтвь была племенемъ изъ тюркскихъ племенъ, а нынѣ по причинѣ процвѣтанія, вліянія и могущества монголовъ это имя усвоено всѣми другими племенами“. Абулгази³⁾ въ свою очередь лишь кратко повторяетъ слова Рашид-эд-дина и говоритъ, что *джалаиръ* племя древнее, что оно было весьма многочисленно и что у него было много родовъ. Часть полка, даннаго Чингизъ-ханомъ сыну Джагатаю, состояла изъ *джалаировъ*, такъ какъ одинъ изъ начальниковъ (Мука-нойонъ) былъ именно изъ этого рода. При дворѣ Джагатая *джалаиры* играли важную роль въ управленіи улусомъ. Тимуръ отдалъ „*джалаировскую орду*“ Абилю-шаху, сыну Беграмъ-джалаира⁴⁾. Н. Аристовъ⁵⁾ полагаетъ, что *джалаиры* первоначально не были многочисленны и что составъ ихъ увеличился вполнѣдствіи воспріятіемъ въ свою среду разныхъ родовъ извнѣ, давшихъ отчасти матеріалъ на образованіе вполнѣдствіи киргизскаго народа, отчасти же каракиргизскаго и иного происхожденія.

1) См. Н. Аристовъ, *loc. cit.*, стр. 402.

2) Переводъ съ примѣчаніями И. Н. Березина (Труды Вост. Отдѣла Имп. Археол. Общ., ч. V) Спб. 1858 г.

3) И. Березинъ—Библіотека восточныхъ источниковъ, т. III ч. I. Исторія Абуль-Гази. Казань, 1854 г.

4) Исторія Чингизъ-хана до востшествія его на престолъ. (Н. Аристовъ.)

5) *Loc. cit.*, стр. 406 и 407.

Родъ Канкы (Канлы, Канлы).—Канкы существовали, такъ же какъ и *джалаиръ*, вѣкогда какъ самостоятельное племя. Имя *канкы*, по словамъ Рашид-эд-дина, получило тѣ изъ тюркскихъ племенъ, присоединившихся къ Угузь-хану (родоначальнику тюрковъ), которыя во время его борьбы съ родственниками доставляли добычу: „нагружали четвероногихъ, дѣлали собственнымъ умомъ телги—телга по-турецки кангы“. Абулгази передаетъ слѣдующую легенду (вариантъ первой) о происхожденіи канкы. Угузь-ханъ воевалъ съ *татарами*, побѣдилъ ихъ и набралъ столько добычи, что нельзя было ее павьючить на лошадей, тогда нашелся одинъ человекъ, который слѣлалъ телгу: ее назвали канкы (прежде не было этого слова, такъ какъ не было телгъ), потому что она скривѣла („канкы, канкы“). Изобрѣтателя телги назвали Канкы, и весь народъ съ этимъ именемъ происходитъ отъ него. По мнѣнію Н. Аристова¹⁾, по китайскимъ источникамъ *канкы* существовали уже за полтора вѣка до Рождества Христова. Въ 568 г. византійскій посолъ Зимархъ проѣзжалъ на пути своемъ къ тюркскому хану Дизавулу черезъ страну *канкловъ*. О *канклахъ*, какъ о самостоятельной народности, имѣются свѣдѣнія отъ XI и XII вв., но, повидимому, канкы, какъ самостоятельное племя, существовали еще въ срединѣ XIII в. (и вѣроятно, еще позже); такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что Рубрукъ²⁾ слѣдовалъ съ низовьевъ Волги изъ Лагера Батия на Янкъ (р. Уралъ), а потомъ въ землю канкловъ. Въ 1220 году чинскій посолъ Вукунь упоминаетъ въ числѣ встрѣченныхъ имъ на пути къ Чингизь-хану племя *канкловъ*³⁾. Плано Карпини послѣ земель половцевъ слѣдовалъ черезъ землю *канкитовъ*. Во время Тимура *канкы* продолжали занимать правый берегъ Сыръ-Дарьи, но численность ихъ была, по мнѣнію Н. Аристова, не велика: выдѣляя изъ себя въ продолженіе вѣковъ значительныя массы на югъ и на западъ въ полчища гунновъ, печенѣговъ, половцевъ, они уменьшались въ численности и утрачивали преобладаніе въ исконныхъ своихъ земляхъ.

¹⁾ Loc. cit., стр. 403.

²⁾ А. Маткеевъ.—Историческій обзоръ Туркестана и наступательное движеніе на него русскихъ. Спб. 1890 г.

³⁾ Н. Аристовъ. Loc. cit. стр. 403.

П. Голубовскій ¹⁾ предполагаетъ, что печенѣги получили это свое наименованіе лишь послѣ своего перехода изъ Азии въ Европу, и что они, находясь по ту сторону р. Урала, назывались *канклами* и составляли часть этого обширнаго племени (имя «печенѣги» неизвѣстно азіатскимъ сказаніямъ о тюркскихъ племенахъ). Если это предположеніе считать вѣроятнымъ, то окажется, что часть *канкловъ* (т.-е. печенѣги) уже въ IX в. жили между Волгой и Ураломъ.

Родъ Дулатъ.—Хотя свѣдѣнія объ этомъ родѣ, по мнѣнію П. Аристовъ ²⁾ главнымъ по численности въ Большой ордѣ, и не особенно многочисленны, но они заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Есть основанія, какъ говорить только что упомянутый авторъ, полагать, что родъ (или собственно племя) *дулу* существовалъ до Р. X., такъ какъ онъ уже во II столѣтіи нашей эры откочевалъ вмѣстѣ съ хуннами отъ предѣловъ Китая. Послѣ распаденія царства Аттилы, вожди *дулу* стали во главѣ той части болгаръ, которая основала дунайское болгарское царство. Объ оставшихся въ западной Монголіи дулу извѣстно въ V и VII вв. Съ VIII и по XII в. имѣются крайне отрывочныя свѣдѣнія о *дулатахъ*, изъ чего можно заключить, что если они и сохраняли извѣстную племенную самостоятельность, то видной роли не играли.

Покольніе Конратъ.—Это покольніе такъ же, какъ и вышеупомянутыя рода *джалаиръ*, *канклы* и *дулатъ*, имѣетъ весьма древнее происхожденіе. Это племя издавна кочевало вмѣстѣ съ *найманами* (отчасти и въ настоящее время кочуетъ вмѣстѣ) и было при наступательномъ движеніи Чингизъ-хана, на ряду съ *найманами* и *ойратами*, покорено однимъ изъ первыхъ ³⁾. Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ *конратовъ* въ качествѣ составнаго элемента Золотой орды.

Покольніе Уйсюнъ.—Покольніе *уйсюнъ* (или *усюнъ*) имѣетъ также весьма древнее происхожденіе и представляетъ большой интересъ. Хотя болѣе или менѣе подробное описаніе исторіи древнихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ киргизовъ, и не можетъ входить въ цѣли этой нашей статьи, тѣмъ не менѣе мы должны остано-

¹⁾ Печенѣги, половцы и торки до вшествія татаръ. Кіевъ, 1884 г.

²⁾ *Loc cit.*, стр. 400.

³⁾ Вамбери. Исторія Бохары. Спб. 1873 г.

виться нѣсколько на весьма любопытномъ племени усюней, возбуждавшемъ въ печати уже неоднократно интересъ, и важное для насъ тѣмъ, что оно, какъ племя не монгольское и не тюркское, внесло совершенно чуждый элементъ въ среду киргизовъ.

Уйсюни (уйсунъ, усювъ, усювъ, усунъ, узунъ, уйшунъ, усюнь, уссунь) составляли нѣкогда самостоятельное племя, жившее у сѣверо-западной границы Китая; тѣснясь съ востока хуннами, они двинулись на западъ, въ свою очередь, стѣсняя прежнее обитателей *буратовъ* на юго-западъ, заняли за два вѣка до Р. X. нынѣшній Илійскій округ¹⁾ часть Балкаша и Иссыкъ-куль²⁾. Здѣсь они оставались до VI в. по Р. X., достигли значительнаго могущества, и число ихъ, по китайскимъ источникамъ, доходило до 630000 душъ и 180000 войска. Ихъ главный городъ Чи-гу-чинъ лежалъ у озера Иссыкъ-куль (Темурту). Въ настоящее время сохранились развалины древняго города, затопушаго въ озерѣ, который, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, считается усюньскимъ, хотя, впрочемъ, Ritterъ³⁾ говоритъ, что онъ лежалъ лишь близъ озера, а не на берегу его; временемъ исчезновенія этого города можно принять VI вѣкъ. Такъ, въ первой половинѣ VII вѣка⁴⁾ Имп. Общ. Люб. Ест., Австр. и Этн. 1890 г. вып. V).

мимо озера на пути изъ города Куча на р. Чуи и Толась проходилъ китайскій миссіонеръ Хуанъ-Цзанъ, который о городѣ Чи-гу-чинѣ уже ничего не упоминаетъ; далѣе съ VII до XIII столѣтія объ Иссыкъ-кулѣ нигдѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется.

Итакъ, повидимому, начиная съ VI вѣка, свѣдѣній о городѣ *усюней* не имѣется; изъ этого конечно, нельзя сдѣлать заключенія, что сами *усюни* исчезли. Уже въ I вѣкѣ по Р. X. усюни распадаются на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна⁵⁾ (малые усюни) двигается на западъ къ Уралу, а другая (большіе усюни) образуетъ могущественное государство. Расселеніе этихъ послѣднихъ *усюней* начинается собственно съ IV вѣка, когда часть ихъ перешла на Яксартъ и Трансокеанію, другая въ нынѣшнюю Кир-

¹⁾ Монахъ Іоаннѣвъ.—Историческое обозрѣніе ойратовъ или калмыковъ Сиб. 1834 г.

²⁾ Семеновъ.—Землеуѣдѣніе Азіи. Сиб. 1859 г.

³⁾ С. Ritter. Die Erdkunde von Asien. B. 5. Berlin. 1837.

⁴⁾ А. Пявовскій.—Черепъ изъ озера Иссыкъ-куля. (Даван. Австр. Отдѣла Имп. Общ. Люб. Ест., Австр. и Этн. 1890 г., вып. V.

⁵⁾ Radloff. Aus Sibirien. Leipzig, 1884.

гизскую степь на Иртышъ. Въ VII в., а именно въ 619 г.¹⁾ *усюни* подчинились *тюркамъ* (*ту-киу*) и стали востепенно сливаться съ ними; китайскій писатель VII в. Шы-чу²⁾ пишетъ, что въ тюркахъ съ голубыми глазами и рыжими бородами слѣдуетъ видѣть потомковъ *усюней*; но, повидимому, можно сдѣлать заключеніе, что *усюни* оставались еще неслившеюся и болѣе или менѣе самостоятельною народностью довольно долгое время. Китайскіе источники передаютъ намъ весьма интересныя свѣдѣнія о физическомъ типѣ *усюней*, а именно, что они были довольно высокаго роста и частью русо и рыжеволосы³⁾, съ голубыми и зелеными глазами. По китайскимъ источникамъ извѣстно еще нѣсколько племенъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ *усюнами* и имѣвшихъ такъ-же, какъ и эти, свѣтловолосый типъ⁴⁾: *ту-лэ* или *чинъ-ша*, *ку-тэ*, предполагаемая отрасль *ютовъ*, *динъ-линъ* или *тинъ-линъ*, *кянь-куэнь* или *хакасъ*—предполагаемые праотцы *каракиризовъ*, и *энъ-уай*—предполагаемые *алане*.

Усюни возбуждали, благодаря своему свѣтловолосому типу, уже давно интересъ среди ученыхъ, а именно въ двойномъ направленіи: съ одной стороны, всѣхъ интересовало происхожденіе *усюней*, а съ другой—вопросъ о современныхъ потомкахъ этой народности. Что касается происхожденія ихъ, то мнѣніе ученыхъ различно: нѣкоторые, и это большинство, считаютъ *усюней* арийскаго происхожденія, другіе финскаго, и нѣкоторые, наконецъ, монгольскаго. Къ послѣднимъ относится о. Іоакимъ⁵⁾; мнѣніе этого автора, вѣроятно основано на словахъ Абульгази, который говорить, что *усюни* (уйшунъ) поколѣніе монгольское. Это мнѣніе, повидимому, ничего за себя не имѣетъ, такъ какъ невозможно себѣ представить отрасль монголовъ свѣтловолосаго типа; *усюни* могли быть монголами по своей культурѣ и по языку, но не по физическому типу.

1) Семеновъ. Землеводѣніе Азіи. Спб. 1859 г.

2) Монахъ Іоакимъ. Исторія народовъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена, ч. III. Спб. 1851 г.

3) I. Klaproth.—Tableaux historiques de l'Asie. Paris 1826. (Peuple de race blonde, p. 163).

4) С. Ritter.—Die Erdkunde von Asien. Berlin. 1837.

5) Историческое описаніе ойратовъ и калмыковъ. СПб., 1834 г.

Происхождение арийское приписывается, какъ было только что сказано, большинствомъ; нѣкоторые, именно нѣмецкіе авторы, шли такъ далеко, что считали усюней германскаго происхожденія; основаніемъ этого служило названіе усюнекихъ вѣстителей „куеню“, которое отождествлялось съ словомъ „кунингъ“; повидимому, въ этомъ предположеніи нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній. Естественно, что вопросъ о томъ, финскаго ли происхожденія усюни, или арийскаго, для разрѣшенія весьма труденъ; тѣмъ болѣе труденъ вопросъ, если признать ихъ за арийцевъ, германцы ли они (готы), или иранцы (азаны); не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что въ теоріяхъ о происхожденіи усюней было одно свѣтловолосое племя забыто — славяне. Усюни, какъ уже было сказано, возбуждали давно интересъ; на основаніи ихъ вѣдѣности была даже построена теорія о третьемъ типѣ — рыжеволосомъ и зеленоглазомъ, который, по мнѣнію Топпинара, распространился на западъ, оставилъ свои слѣды на финскихъ народностяхъ и проникъ даже въ Великобританію.

Новѣйшій изслѣдователь даннаго вопроса Н. Аристовъ¹⁾ держится особаго мнѣнія, которое, повидимому, имѣетъ за себя многое. Названный авторъ считаетъ, что усюни составляли лишь часть коренныхъ *кыргызовъ* (т. е. каракиргизовъ), отдѣляющихся отъ оставшагося на Енисей народа, который вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ китайцамъ подъ настоящимъ своимъ именемъ „кыргызъ“; но *усюнский* народъ въ средней Монголіи состоялъ не изъ однихъ *кыргызовъ*, а представлялъ собою союзъ тюркскихъ родовъ, во главѣ котораго стоялъ *усюнский* отдѣлъ *кыргызовъ*. Общія предки *усюней* и енисейскихъ *кыргызовъ* — древніе *кыргызы* — произошли изъ смѣшенія тюрковъ съ *динлианами*, которые были однимъ изъ племенъ древней сѣверно-азиатской длинноголовой и свѣтлоокрашенной расы. Остатки этой динлианской, *совершенно особой отъ арийской расы* извѣстны, по мнѣнію Н. Аристова¹⁾, съ VII в. подъ именемъ „тѣга“ народа, найденнаго русскими завоевателями Сибири на Енисей подъ именемъ *аринговъ*, *ассановъ* и *коттовъ*, въ настоящее же время представляются лишь вымирающими енисейскими *остяками*; самое же восточное изъ племенъ древней длинноголовой расы уцѣлѣло въ видѣ аборигеновъ сѣверной

¹⁾ Loc. cit., стр. 451.

части японскаго архипелага—*айновъ*, въ которыхъ обнаруживается сочетаніе длинноголовой расы съ монгольской.

Что касается собственно вопроса о современныхъ потомкахъ усюней, то мнѣнія разныхъ лицъ значительно расходятся: такъ Топинаръ, напримѣръ, склоненъ видѣть потомковъ ихъ въ современныхъ *остякахъ* и *чувашахъ*, Н. Ядринцевъ¹⁾—въ *абаканскихъ*, *бийскихъ* и *кузнецкихъ* татарахъ, П. Яворскій²⁾—въ современныхъ *сартахъ* и *таджикахъ*; большинство же авторовъ, въ томъ числѣ и мы, склонны считать за *главные* остатки *усюней* часть киргизовъ, а именно усюнское поколѣніе Большой орды, а также и каракиргизовъ, среди которыхъ (т.-е. каракиргизовъ) у озера Иссыкъ-куля и нынѣ кочуетъ немало блондиновъ и среди которыхъ сохранился родъ *узунъ-бутъ*. Мнѣнія о сохраненіи усюнскаго племени среди киргизовъ Большой орды, между прочимъ, держатся Клапротъ, П. Семеновъ, А. Вилькинсъ, А. Ивановскій и Н. Аристовъ. На это существуютъ, дѣйствительно, весьма вѣскія доказательства. Во-первыхъ, самое имя „усюнь“ сохранилось среди киргизовъ, образующихъ цѣлое поколѣніе съ этимъ наименованіемъ; во-вторыхъ, современное поколѣніе усюнь кочуетъ приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ обитали и древніе усюни; въ-третьихъ, среди киргизовъ и каракиргизовъ, живущихъ на оз. Иссыкъ-кулѣ, свѣтловолосый и голубоглазый типъ далеко не рѣдокъ, какъ объ этомъ пишетъ А. Вилькинсъ и П. Семеновъ и др. Намъ извѣстно далѣе, что съ VII вѣка усюни начинаютъ подчиняться тюркамъ; китайскій же писатель VII в. Шы-чу пишетъ, что въ тюркахъ съ голубыми глазами и рыжими бородами слѣдуетъ видѣть именно усюней. Въ преданіяхъ самихъ киргизовъ усюнскаго поколѣнія сохранилось, по словамъ Валиханова³⁾, воспоминаніе о томъ, что они потомки большого и сильнаго народа. По другимъ преданіямъ⁴⁾ киргизовъ Большой орды они произошли отъ *рыжеволосаго* Усеуня, брата родоначальника двухъ остальныхъ

1) Объ изслѣдованіяхъ Н. Ядринцева. (Прот. Антр. Отд. съ 1881—1886 г. в. 1, 1886 г. Из. Имп. Общ. Л. Евт., Авг. и Эт., т. XLIX) и „Повѣдка въ Сибирь“, тамъ же, в. 3, 1890 г., стр. 748.

2) Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана, ч. I. СПб. 1889 г.

3) Очерки Джунгаріи.

4) А. Красновъ. Очерки быта семирѣченскихъ киргизовъ. Из. И. Р. Г. О. 1887 г., стр. 437—438.

ордѣ. По мнѣнію Н. Аристова ¹⁾, собственно прямыя потомки *усюней* не киргизы (*казаки*), а (*каракиргизы*) (*жиртылы*). Что же касается собственно усюнскаго поколенія Большой орды, то по мнѣнію названнаго автора, элементъ усюнской вошелъ въ нихъ путемъ отдѣленія части каракиргизовъ въ среду большеордынцевъ. По номенклатурѣ цитируемаго автора *усюнскаго* поколѣнія Большой орды (*уйсюнь* Левшина) именуется *сары-уйсунь*. За киргизское (т.-е., такъ сказать, каракиргизское) происхожденіе даннаго поколѣнія говорятъ слѣдующіе факторы: 1) отсутствіе въ именахъ отдѣленія рода *сары-уйсунь* таковыхъ, которыя имѣлись бы у *дулатовъ* и *канловъ*; эти два рода считаются Н. Аристовымъ, такъ сказать, зерномъ киргизскаго народа и, слѣдовательно, *сары-уйсунь* имѣютъ особое отъ нихъ происхожденіе; 2) нахожденіе въ составѣ *сары-уйсуней* отдѣленія *кыркъ* или *кыркъ*, отъ имени котораго вѣроятно, произошло самое имя *кыркызовъ* (каракиргизовъ); 3) совершенное отличіе *сары-уйсунской* тамки отъ *дулатовскихъ* и *канюйскихъ* и принадлежность ея къ типу четырехугольника, встрѣчающагося у *киреевъ* и *остяковъ* и указывающаго на *длинносное* его происхожденіе; 4) *сары-уйсунь*, имя поколенія, вдвойнѣ подтверждаетъ, что оно является прямымъ и кореннымъ потомкомъ *уйсуней*, ибо не только носитъ имя *уисунь*, но съ приставкою къ нему *сары*, т.-е. желтый, указывающею на отличительную черту физическаго типа уйсуней, унаслѣдовавшихъ отъ древнихъ длинновъ свѣтлую окраску волосъ.

Какъ намъ кажется, всѣхъ вышеприведенныхъ доводовъ достаточно, чтобы держаться взгляда, что усюня оставили свои главные слѣды въ киргизскомъ народѣ (и въ каракиргизахъ), а именно въ Большой ордѣ. Правда, свѣтловолосый типъ встрѣчается не только среди киргизовъ и каракиргизовъ, но и среди башкиръ, напримѣръ (хотя здѣсь болѣе вѣроятно вліяніе финской крови разныхъ сосѣдей), далѣе среди туркменъ, гальчей, таджиковъ, сартовъ и др. племенъ; но не слѣдуетъ забывать, что, кромѣ усюней, существовали и другія племена съ свѣтлыми волосами, какъ объ этомъ было уже сказано выше. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что свѣтловолосый типъ былъ нѣкогда гораздо болѣе распространенъ и, повидимому, постепенно уступалъ черноволосо-

1) Loc. cit., стр. 423 и 463.

му; это касается не только Азии, но и Европы: такъ, мы видимъ массовыя появленія брюнетовъ среди осетинъ—племени, бывшаго первоначально свѣтловолосымъ; далѣе, мы видимъ вытѣсненіе свѣтловолосаго типа черноволосымъ среди славянъ, также отчасти среди германцевъ и во Франціи. Все это позволяетъ думать, что свѣтловолосый типъ, если и не всегда, то по крайней мѣрѣ очень часто, является менѣе устойчивымъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ въ Азии при различныхъ передвиженіяхъ, имѣвшихъ мѣсто тамъ, утрачивалъ свою самостоятельность и явился раскинутымъ среди различныхъ народовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Большая орда, состоящая изъ двухъ поколѣній, существовавшихъ нѣкогда какъ самостоятельныя племена и при этомъ еще не въ отдаленномъ прошломъ, съ своей стороны не только не говоритъ за древность киргизскаго народа (въ современномъ смыслѣ слова, а не въ смыслѣ составныхъ элементовъ), а напротивъ того, указываетъ лишь на конгломератное строеніе его. Слѣдуетъ замѣтить, что все киргизское племя считается приблизительно въ $2\frac{1}{2}$ —3 милліона, изъ которыхъ приблизительно 450000—550000 (по другимъ даннымъ 900000—1036266) приходится на Большую орду, т. е. эта орда составляетъ приблизительно $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{3}$ всего племени.

Что касается Средней орды, которая по однимъ даннымъ числитъ 712000, а по другимъ 900000—1000000 душъ, то она состоитъ изъ четырехъ поколѣній: *найманъ*, *кирей*, *кипчакъ* и *арингъ*; остановимся на каждомъ изъ нихъ.

Поколѣніе Найманъ.—Найманы, какъ самостоятельное племя, извѣстны уже давно, и Рашидъ-эд-динъ, причисляя ихъ къ группѣ тюркскихъ племенъ—*кераитъ*, *тангутъ*, *уйгуръ*, *кырысъ* и др.—считаетъ ихъ однимъ изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ. По словамъ Рашидъ-эд-дина, *найманы* состояли изъ нѣсколькихъ родовъ, которые жили частью въ горахъ и частью въ степи, а именно на Большомъ Алтаѣ, Каракорумѣ и Кукъ-Иртышѣ; у нихъ были свои сильныя государи, многочисленное хорошее войско; обычаи и привычки ихъ были подобны монгольскимъ. Абулгази отъ себя добавляетъ, что этотъ древній народъ имѣлъ обширное скотоводство, но земледѣіемъ не занимался. По словамъ о. Іоакима, *найманы*, присоединивъ къ себѣ въ 1201 году земли за-

падшаго Книдыякскаго царства, завладѣли всѣмъ Тарбагатаемъ. Во времена Чингиза ихъ ханомъ былъ Тиянгъ, котораго знаменитый завоеватель покорилъ однимъ изъ первыхъ. Но еще въ продолженіе долгаго времени это племя фигурируетъ самостоятельно; такъ, напр., въ Шейбани-намэ¹⁾ на ряду съ *татарь*, *манитъ*, *уйгуръ* и *дурманъ* упоминаются и *найманы*, какъ соучастники похода Шейбаниа.

Покольніе Кирей или Керейтъ (Кераитъ).—Это поколѣніе извѣстно еще подъ именемъ гирей или увакъ-гирей (въ настоящее время съ этимъ именемъ существуетъ, кромѣ упоминаемаго поколѣнія, еще родъ въ Малой ордѣ Семиродскаго поколѣнія). *Керейтъ* или *кераитъ* есть имя одного изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ; оно, по словамъ Рашидъ-эд-дина, принадлежало къ группѣ тѣхъ тюркскихъ племенъ (*найманъ*, *онутъ*, *тангутъ*, *уйгуръ*, *кыргызъ*, *карлукъ* и *кыпчакъ*), у которыхъ не было „излишняго отношенія родства и отношенія по сближенію эпохъ съ племенами тюркскими *джалаиръ*, *ойратъ* и *татаръ* и съ племенами монгольскими, хотя по типу и языку они близки къ нимъ“. Въ свое время *керейты* были могущественнымъ племенемъ, и тотъ-же авторъ пишетъ, что у нихъ были „уважаемые государи изъ своихъ племенъ, и въ то время они имѣли силы и могущества въ тѣхъ предѣлахъ болѣе другихъ племенъ“. Абулгази въ свою очередь пишетъ то же самое, но лишь въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ: это древній народъ; онъ стоялъ подъ управленіемъ своихъ собственныхъ государей, при которыхъ не было народа сильнѣе *кераитовъ*. По словамъ Абулгази, имя *кераитъ* значитъ черный баранъ (по Вамбери—сѣрая собака); у одного человека, передаетъ онъ, было 7 сыновей, которые были всѣ черные, почему ихъ и ихъ потомковъ прозвали *кераитъ*.

Уже въ X. в. *кераиты* доходили численностью до 900000 человекъ²⁾; въ началѣ XI в. они приняли христіанство отъ несторіанскихъ священниковъ и сохранили его въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій (до XIV в.).

Какъ знаки бывшаго христіанства, по словамъ Е. Смирнова, киргизы этого поколѣнія сохранили тамги въ видѣ креста. Дѣйствительно, у *кирейтово* Средней орды эта тамга ставится \dagger , а

¹⁾ Шейбаниада писана въ разѣе 1510—1530 года.

²⁾ Е. Смирновъ. Сыръ-Дарьинская область. СПб. 1887 года.

у *киргитовъ* Малой орды \pm . Впрочемъ, тамга въ видѣ креста принадлежитъ не однимъ *киргитамъ*; такъ, напримѣръ, *китинскій* родъ Букеевской орды имѣетъ также тамгу въ видѣ креста, \times (по моимъ наблюденіямъ) или $\pm \times$ (по наблюденіямъ И. Казанцева), *китинцы* за Ураломъ имѣютъ тамгу \pm (по наблюденіямъ Мейера); далѣе Куясово отдѣленіе Погайскаго рода Букеевской орды имѣетъ тамги \times или \pm ; затѣмъ, алтайскіе калмыки имѣютъ среди своихъ тамгъ также \pm ; наконецъ, Рашидъ-эд-динъ, перечисляя внуковъ Угузъ-хана (родоначальника тюрковъ) называетъ Алушара, у котораго тамга какъ у *китинцевъъ* \times , и Кырыка, тамга котораго \times ; такъ что, на нашъ взглядъ, подлежитъ крайнему сомнѣнію, насколько тамги *киргитовъ* въ видѣ креста могутъ указать на существовавшее у нихъ христіанство, которое они дѣйствительно исповѣдывали; такъ, Рашидъ-эд-динъ пишетъ, что „исповѣданіе Іисуса—миръ ему!—достигло къ нимъ, и они приняли его вѣру“. Н. Аристовъ¹⁾, придающій тамгамъ киргизовъ громадное значеніе, считая ихъ древняго происхожденія, съ чѣмъ, повидимому, нельзя не согласиться, считаетъ тамгу *киргезовъ* въ видѣ креста одною изъ основныхъ киргизскихъ (точнѣе тюркскихъ) тамгъ. Къ такимъ основнымъ тамгамъ названный авторъ относитъ, кромѣ *киргезскаго* креста: 1) тамгу въ видѣ круга *дулатовъ*, 2) прямую черту и ея производныя—тамги *камловъ* и *кипчаковъ* и 3) тамгу-уголь *наймановъ*. На основаніи тамгъ и народныхъ преданій тотъ же авторъ признаетъ близкое родство *киргезовъ* съ *кыргызами* (кара-киргызами) и *сары-уйсунами*.

Въ XIII в. у *киргитовъ* ханомъ былъ Онгъ-ханъ²⁾ (Унгъ-хавъ Абулгазія), замѣчательный противникъ Чингиза, надъ которымъ послѣдній одержалъ побѣду въ 1202 году (599 хеджры)³⁾

Покотьніе Кипчакъ.—Одно изъ интереснѣйшихъ поколѣній или собственно племень—это *кипчаки*. Имя *кипчаки* (*кыпчаки*), какъ нами было сказано уже выше, встрѣчается кромѣ киргизовъ еще среди башкиръ и узбековъ, кромѣ того до сего времени существуетъ маленькое, но самостоятельное племя этого имени. По словамъ

1) Loc. cit., стр. 421 и 427.

2) Вамбери.—Исторія Бохары. СПб. 1873 г.

3) Покотьніе *кирей* Средней орды называется также *увакъ-кирей* и состоитъ изъ трехъ родовъ: *увакъ*, *кирей* и *тараклы*; въ Малой ордѣ поколѣнія *кирей* пять, но есть этого же имени родъ Семиройскаго поколѣнія.

Уйфальби, *кипчаки* вошли своей незначительной частью и въ составъ *каракиризовъ*, образовавъ нѣчто въ родѣ отдѣльной вѣтви ихъ съ наименованіемъ *кирыз-кипчаки*.

Племя *кипчаки* одно изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ, и Рашидъ-эд-динъ причисляетъ его къ группѣ тѣхъ тюрковъ, къ которой принадлежатъ, по его словамъ, *кераиты наймана, уйгуры, кырызы, карлуки* и др. Во время войны (говоритъ авторъ) Угузъ-хана (родоначальника тюрковъ) съ родственниками нашли въ дуплѣ дерева беременную женщину, мужъ которой оказался убитымъ. Угузъ-ханъ усыновилъ родившагося мальчика и далъ ему имя Кипчакъ, «отъ слова *кипчаки*—сплывшее дерево, и всѣ *кипчаки* суть отъ этого мальчика».

Абулгази передаетъ слѣдующія легендарныя подробности о возникновеніи кипчаковъ: послѣ одного сраженія, въ которомъ Угузъ-ханъ былъ побѣжденъ, ему принесли ребенка, родившагося въ дуплѣ дерева отъ беременной женщины, взятой однимъ изъ князей Угуза съ собой и укрывшейся въ дуплѣ отъ холода. Такъ какъ пустое дерево на тюркскомъ нарѣчій называется «*кипчаки*», то мальчикъ былъ названъ Кипчакомъ. Когда этотъ мальчикъ, воспитанный Угузомъ, выросъ, то народы *урусъ, авлакъ, маджаръ* и *башкуртъ* возмущались. Угузъ-ханъ поручилъ Кипчаку много народу и послалъ его на берега рѣкъ Дона и Итиля (Волги). Онъ царствовалъ въ этой странѣ 300 лѣтъ, и все народонаселеніе кипчакское произошло отъ него. Со времени Угузъ-хана и до Чингизъ-хана, по словамъ Абулгазія, на берегахъ Дона, Итиля и Яика не было другого народа кромѣ кипчаковъ, «которые здѣсь жили около 4000 лѣтъ»¹⁾.

¹⁾ Само собою разумѣется, что этой цѣрѣ не слѣдуетъ придавать буйважнаго значенія, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отмѣтить навѣстную странность въ этомъ преданіи, которое приписываетъ такое огромное количество лѣтъ существованію кипчаковъ въ степи между Волгою и Ураломъ. П. Голубовскій (Печенѣги, торки и половцы, Киевъ 1884 г.) объясняетъ (какъ намъ кажется совершенно справедливо) это преданіе тѣмъ, что въ народной памяти тюркскихъ племенъ могли сохраниться воспоминаванія о совершившихся уже издавна выселеніяхъ тюрковъ изъ Азіи въ Европу (напр. хазары, угры, печенѣги, торки и кипчаки), а такъ какъ монголы нашли за Ураломъ (т. е. по сю сторону Яика) лишь кипчаковъ, то легко было народному воображенію ихъ переселять сюда за нѣскольکو „тысячелѣтій“ до Чингизъ-хана.

Кипчакское поколѣніе киргизовъ, относящееся къ Средней ордѣ, раздѣляется на восемь родовъ: *торъаймыръ*, *туога*, *кытабокъ*, *бултуль*, *карабалькъ*, *кундялянь*, *тана-буа*, *кукъ-борокъ* и *узунъ*. До насъ дошли, между прочимъ, имена одиннадцати родовъ древнихъ кипчаковъ, которыя намъ передаютъ два автора: Рокнединъ-Бейбарсъ и Ибнъ-Хальдунъ¹⁾; первый называетъ ихъ такъ: *токсоба*, *іета*, *бурджомы*, *бурлы*, *кануола* или *каноромы*, *анджомы*, *дурунь*, *карабаромы* и *котянь*. Сопоставляя имена родовъ киргизскаго поколѣнія съ родами древнихъ кипчаковъ, мы не находимъ общихъ именъ²⁾. Несмотря на отсутствіе общихъ родовъ, мы должны признать родство между кипчаками узбековъ, киргизовъ, башкиръ и племенемъ современныхъ кипчаковъ съ одной стороны, и древними кипчаками съ другой. Такое разселеніе послѣднихъ могло произойти, во-первыхъ, послѣ покоренія кипчакскаго царства монголами, когда кипчаки и уведились въ плѣнь, и бѣжали сами, а съ другой стороны, разселеніе могло произойти во время распаденія Золотой орды. Кипчаковъ вообще слѣдуетъ считать древнимъ тюркскимъ племенемъ, которое еще задолго до нашествія монголовъ кочевало между Дономъ, Волгою и Ураломъ³⁾

¹⁾ В. Тизенгаузенъ. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды. т. I. СПб. 1884 г.

²⁾ Узбекское поколѣніе кипчакъ называется собственно *китай-кипчакъ* и раздѣляется на *китай* и *кипчакъ*; *китай* имѣетъ слѣдующіе рода: *сары-китай*, *оторчи*, *кандисали*, *кош-тама*, *тароклы*, *балази*; а *кипчакъ* раздѣляется только на три рода: *терт-тама*, *сыры-кипчакъ* и *таусть-бай*, Ибнъ-Хальдунъ передаетъ родовыя имена древнихъ кипчаковъ слѣдующимъ образомъ: 1) *токсоба*, 2) *сета*, 3) *бурджомы*, 4) *эльбули*, 5) *канаарамы*, 6) *олы*, 7) *дурутъ*, 8) *калбаилы*, 9) *джерсакъ*, 10) *кандакабиркли* и 11) *кунукъ*. Здѣсь кажется умѣстнымъ указать, что родъ *китай*, повидимому, съ достаточною справедливостью можно считать остаткомъ древняго племени *киданей*, государство которыхъ пало въ началѣ XIII в. (Н. Аристовъ, стр. 432).

³⁾ Впервые появляются кипчаки въ нашихъ степяхъ въ 1055 году (ихъ первое нападеніе на Русь въ 1061 г.). Изъ трехъ ближайшихъ предшественниковъ такъ называемаго монголо-татарскаго нашествія кипчаки были послѣдними. Движеніе тюркскихъ племенъ по сю сторону р. Урала, такъ сказать, непосредственно передъ нашествіемъ XIII в. шло въ слѣдующемъ порядкѣ: въ IX в. появляются въ степи между Волгою и Ураломъ печенѣги, которые, повидимому, съ одной стороны стѣсняють къ югу татаръ, а съ другой къ западу угровъ; въ 915 году печенѣги впервые нападаютъ на Русь (ихъ самостоятельная дѣятельность оканчивается въ 1134 году, когда они претерпѣли окончательное пораженіе отъ русскихъ). Послѣ печенѣговъ появляется по сю

въ степяхъ, которыя получили отъ нихъ свое наименованіе Дештъ-Кипчакъ, т.-е. степь кипчаковъ. Объ этомъ мѣстѣ ихъ жительства упоминаетъ уже Джоейни и Рашидъ-ад-динъ; послѣдній пишетъ, что когда покоренное Угузъ-ханомъ (родоначальникомъ тюрковъ) племя Итъ-баракъ возстало, то противъ нихъ Угузъ послалъ кипчаковъ, которые поселились между странаю Итъ-баракомъ и Яякомъ.

Понятіе Дештъ-Кипчакъ было впоследствии сильно обобщено, такъ что подъ этимъ именемъ подразумѣвались и Крымъ, и всѣ наши южныя степи, и степи по ту сторону р. Урала, даже съ частью Туркестана. По совпадению событій можно догадаться, что подъ кипчаками слѣдуетъ подразумѣвать половину нашихъ лѣтописей, т.-е. кумановъ (византийцевъ). Вамбери, въ свою очередь, выражаетъ убѣжденіе, что кипчаки—одно изъ самыхъ древнихъ племенъ тюркской семьи; онъ также говоритъ, что въ назвіи современныхъ кипчаковъ нѣтъ ни малѣйшей примѣси персидскихъ или арабскихъ словъ, и что оно составляетъ лучший переходъ отъ монгольскаго къ джагатайскому. Во всякомъ случаѣ не правъ Гаммеръ¹⁾, который считаетъ кипчаковъ за печенѣговъ, желая произвести послѣднее слово отъ перваго („печенѣги=печеники=кипчаки“); впрочемъ, и онъ считаетъ кипчаковъ однимъ изъ древнѣйшихъ тюркскихъ племенъ.

Намъ извѣстно, что въ XIII столѣтіи Чингизъ-ханъ, покоривъ Азію, послалъ войско по сѣю сторону р. Урала, которое и напало на *алановъ* и *кипчаковъ*, одно изъ самыхъ многочисленныхъ тюркскихъ племенъ, какъ говоритъ арабскій писатель Ибнъ-эль-Асиръ²⁾; и тѣ, и другіе были отведены въ плѣнъ, многіе побиты. Но въ результатѣ оказалось, что не только многіе кипчаки оста-

сторону р. Урала новое тюркское племя—это, повидному, довольно мнѣніе, скоро разсѣявшіеся и не сыгравшіе особенно важной политической роли—узы или гузы (торки нашей лѣтописи). Въ началѣ IX в. они жили еще за Ураломъ въ азіатскихъ степяхъ, но затѣмъ, перешедши Яикъ и вытѣснивъ печенѣговъ, они, повидному, въ концѣ IX или въ началѣ X в. заняли степь между Волгою и Ураломъ, въ X же вѣкѣ они завладѣли правой стороной Дона, гдѣ оставались въ небольшомъ количествѣ еще въ XII в. Въ серединѣ XI вѣка, наконецъ, появляются по сѣю сторону р. Урала кипчаки или куманы (византийцевъ) или половцы (нашей лѣтописи).

¹⁾ Die Geschichte der Goldenen Horde.

²⁾ Изъединъ Абульхасанъ Али эль-Джезери (Тивелгаузенъ).

лись на своихъ мѣстахъ, но что они даже стали сильно вліять на пришельцевъ, и именно до того¹⁾, что вновь учрежденное государство сохранило свое старое наименованіе Дешть-Кипчакъ. Впрочемъ, при завоевательномъ движеніи монголовъ случилось не разъ, что тояъ задающіе были они, но въ скоромъ времени, послѣ покоренія той или другой страны, выплывали на первый планъ турки, захватывали власть въ свои руки и распространяли на монгольскомъ основаніи свое тюркское вліяніе. Такъ и въ Дешть-Кипчакъ, впослѣдствіи Золотой ордѣ: во-первыхъ, сохранилось тюркское вліяніе отъ самаго начала, а во-вторыхъ, власть довольно скоро перешла въ руки тюрковъ. Слово Дешть-Кипчакъ такъ скоро утвердилось въ царствѣ *Души-хана* (Джучія), что уже въ XIV столѣтіи никто иначе и не звалъ Золотую орду, какъ царствомъ кипчакскимъ, а хановъ—ханами дештекими, кипчакскими (или сарайскими), и только впослѣдствіи, послѣ Берке-хана, Дешть-Кипчакъ сталъ называться Дешть-Берке. Еще позже, а именно въ концѣ XIV и въ XV столѣтіяхъ, повидимому, Дешть-Кипчакъ назывался и страню Узбека, по имени знаменитаго хана Узбека; такъ, напр., арабскій писатель Эль-Асади²⁾ (1377—1446-48) пишетъ, что Дулумія-хатунъ изъ дома хана Узбека, прибывшая изъ *земель Узбековъ* въ 1320 году, вышла замужъ за египетскаго султана Мелик-эн-Насара.

О вліяніи кипчаковъ на пришельцевъ рассказываетъ весьма краснорѣчиво арабскій писатель Ибн-араблаллахъ Эломлари³⁾ (?) слѣдующее: „Золотая орда была прежде страню кипчаковъ, но когда ими завладѣли татары, то кипчаки сдѣлались ихъ подданными;

¹⁾ Здѣсь можно къ слову отнѣтити до извѣстной степени аналогичный фактъ, касающійся кипчаковъ же: англійскій путешественникъ XIV в. Мандевиль, бывшій въ Египтъ, передаетъ намъ, что переселившіеся въ Египтъ кипчаки захватили власть въ свои руки и поставили своего судана Мелека Мандиброна, который, по словамъ Георгія Пахимера, скупалъ рабовъ изъ кипчаковъ, чтобы собирать вокругъ себя свое племя (П. Голубовскій.—Печеньги, торги и половцы. Кіевъ, 1884). Естественно, что племя, способное на такое народное самосознаніе и обнаруживавшее такую нравственную силу, могло играть весьма видную роль въ только что возникшей Золотой ордѣ и побѣдителей, если не всецѣло, то отчасти ассимилировать съ собой.

²⁾ Сакивдинъ Абубекръ Ахмедъ-зъ-Асиди; лѣтопись Ибнъ-Шахбы (Тизенгаузенъ).

³⁾ Пути взоровъ по государствамъ разныхъ странъ (1299—1348—49).

потомъ татары смѣшались и породнились съ кичкаками, и земля одержала верхъ надъ природными и расовыми качествами татаръ: всѣ они стали точно киччаки, какъ будто они одного съ ними рода, оттого что монголы и татары, поселившіеся на землѣ киччаковъ, вступали въ браки съ ними и оставались жить въ землѣ ихъ. Такимъ образомъ¹⁾, заключаетъ авторъ, „долгое пребываніе въ какой-либо странѣ и землѣ заставляеть натуру человѣческую уподобляться ей и взѣмать прирожденныя черты согласно ей природѣ“.

Много ли, впрочемъ, осталось *коренныхъ* киччаковъ послѣ завоеванія страны монголами, сказать очень трудно; мы только знаемъ, что расселеніе ихъ было весьма значительно; такъ, на примѣръ, есть указанія венгерскихъ источниковъ, что извѣстная часть киччаковъ переехала въ Венгрію²⁾; далѣе, арабскій писатель Ибнъ-эль-Асиръ³⁾ говорить, что монголы, покоривъ киччаковъ, избили всѣхъ тѣхъ, которые сопротивлялись имъ; остальные бѣжали, покинувъ землю свою, которою овладѣли татары. Далѣе, часть киччаковъ поселившаяся въ Крымской степи, подпала подъ вліяніе христіанъ-европейцевъ и приняла христіанство; въ слѣдствіе эти киччаки постепенно сливались съ европейскимъ населеніемъ и, вѣроятно, дали, въ свою очередь, часть тюркскаго элемента для образованія нынѣшнихъ степныхъ и частью южно-бережныхъ татаръ Крыма. Что живущіе, напр., у Судака киччаки дѣйствительно воспринимали христіанство, на это, по словамъ В. Смирнова⁴⁾, указываетъ масса именъ, записанныхъ въ припискѣ къ греческому Синаксарю и несущихъ несомнѣнные слѣды тюркскаго происхожденія; такіа имена принадлежать не только простымъ мірянамъ, но и лицамъ, принадлежавшимъ церковному клиру. О киччакахъ христіанскаго вѣроисповѣданія пишетъ и Ибнъ-Батута. Онъ ихъ встрѣтилъ въ степи непосредственно за Керчью, т. е. на Крымскомъ-же полуостровѣ. Кромѣ выселившихся киччаковъ въ Венгрію (гдѣ они также приняли христіанство) и въ Крымъ, намъ извѣстно, что часть ихъ ушла въ Закавказье и

¹⁾ П. Бяляевъ.—О сѣвер. бер. Чернаго моря. (Зап. Одес. Об. Ист. и Древ. т. 3. 1883 г.).

²⁾ Иззеддинъ Абульхасанъ Али-эль-Джевери (Тизенгаузенъ).

³⁾ Крымское ханство подъ верховенствомъ Османской порты до начала XVIII в. СПб. 1887 г.

овладѣла Дербентомъ; далѣе, что кипчаки, жившіе между Дибромъ и Дунаемъ, порешли послѣдній, явились на Балканскомъ полуостровѣ и заняли Македонію. Кромѣ того, многіе изъ кипчаковъ, совершенно утративъ свою самостоятельность, поступили во служеніе къ русскимъ князьямъ, образуя цѣлыя отряды¹⁾. Только что приведенныя слова арабскаго писателя Ибнъ-эль-Асира о томъ, что будто всѣ непокорившіеся татарамъ кипчаки были избиты или бѣжали сама, естественно, не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе что намъ извѣстно, что они снова появляются среди татаръ. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть слова Плато-Карпини, путешественника XIII в., который говоритъ, что многіе кипчаки были обращены въ рабство и что многіе изъ бѣжавшихъ возвратились.

Были ли болѣе или менѣе истреблены монголами („татарами“) кипчаки, или нѣтъ, много ли ихъ выселилось—мы не знаемъ; намъ извѣстно только то, что они всплываютъ вновь. Тѣ ли же они, что прежде были, или это возродившаяся народность—намъ неизвѣстно; но какъ бы то ни было, кипчаки оставили послѣ себя слѣды въ видѣ отдѣльныхъ поколѣній и родовъ, о которыхъ мы уже говорили выше. Намъ извѣстно, что на территоріи собственно Дешть-Кипчака послѣ монголо-тюркскаго нашествія толпились разные народы и племена, преимущественно и даже почти исключительно тюркскія; такъ, Ибнъ-Арабшахъ²⁾ говоритъ, что Дешть-Берке есть область исключительно тюркская, что она переполнена тюркскими племенами; онъ даже называетъ нѣсколько изъ нихъ, какъ *актау*, *кунратъ* (послѣднее вошло въ составъ узбековъ и киргизовъ), при чемъ добавляетъ, что у тюрковъ разныя племена и нарѣчія, какъ и у арабовъ.

Мы можемъ сдѣлать такимъ образомъ то предположеніе, что побѣжденные кипчаки, во-первыхъ, не слились съ пришельцами, во-вторыхъ, вліяли на пришельцевъ и до извѣстной степени ассимилировали ихъ съ собой и, въ-третьихъ, что они образовали свое

1) П. Голубовскій. — Печенѣги, торки и половцы. Кіевъ 1884 г.

2) Шихабеддинъ Ахмедъ, сынъ Мухаммеда; его сочиненіе называется: „Чудеса предопредѣленія въ судьбахъ Тимура“. Авторъ родился въ 1388 г., былъ малолѣтнимъ взятъ въ плѣвъ въ Самаркандѣ, изучилъ персидскій и монгольскій языки и впоследствии посетилъ Золотую орду; умеръ онъ въ 1450 г. (Тизенгаузенъ).

особое племя, жившее на ряду съ другими тюркскими племенами, а впоследствии ушедшее на образование башкиръ, частью же узбековъ, отъ которыхъ, въ свою очередь, отдѣлилась особая часть на образование кыргизовъ, а часть, быть можетъ, осталась самостоятельной, переселившись на востокъ. Во всякомъ случаѣ въ современномъ племени кыпчаковъ, какъ передаютъ нѣкоторые авторы, живеть еще сознание того, что они были нѣкогда владѣтелями Дештъ-Кыпчака.

Намъ кажется, что Вамбери напрасно оговаривается въ одномъ изъ своихъ сочиненій¹⁾, полагая, будто имъ сдѣлана ошибка въ предыдущемъ трудѣ²⁾, гдѣ онъ признаетъ кыпчаковъ за отдѣльную народность, тогда какъ они будто иное, какъ отдѣльный родъ каракиргизовъ, и что ихъ слѣдовало бы назвать „киргизъ-кыпчаками“. Повидимому, Вамбери допускаетъ ошибку именно въ своей послѣдней работѣ, такъ какъ, напримѣръ, Уйфальви³⁾, на ряду съ измѣреніями кара-киргизовъ и киргизъ-кыпчаковъ, которыхъ онъ считаетъ, какъ и Костенко⁴⁾, за одно племя, часть цифръ измѣреній относитъ собственно къ кыпчакамъ, изъ чего можно сдѣлать выводъ, что онъ считаетъ послѣднихъ за особое племя отъ киргизъ-кыпчаковъ, а слѣдовательно и каракиргизовъ. Радловъ въ своей системѣ тюркскихъ племенъ совсѣмъ не уделяетъ мѣста кыпчакамъ, какъ отдѣльной народности, а указываетъ лишь на узбекскій родъ *китай-кычакъ*⁵⁾, который раздѣляется на *китай* и *кычакъ*; онъ говоритъ, что эти два поколѣнія такъ связаны другъ съ другомъ, что на вопросъ о ихъ происхожденіи они всегда отвѣчаютъ „китай-кычакъ“. Впрочемъ, тотъ-же авторъ говоритъ, ссылаясь на рассказы, что въ Коканѣ кочуютъ, а частью живутъ осѣдло много кыпчаковъ. Н. Остроумовъ⁶⁾ же указываетъ, что въ Ферганской области живутъ до 5000 кыпчаковъ. Костенко и, ссылаясь на него, Васильевъ⁷⁾ говорятъ, что

1) Das Türkenvolk in sein. ethnol. und ethnogr. Beziehungen. Leipzig. 1885, p. 278.

2) Reise nach Mittelasien. Leipzig. 1865, p. 304.

3) Le Kohistan, le Ferganah et le Kuldja, p. 55.

4) Туркестанскій край, I, p. 328. 1880 г.

5) Ethnograph. Ueber. d. Türkstämme. Leipzig, 1883.

6) Геогр. Туркестан. край. СПб., 1886 г.

7) Н. Васильевъ. Кочевники Туркестана (Опытъ зоономическаго обзора). Самаркандъ. 1890 г.

въ Ферганской области въ 70-хъ годахъ жили до 70,107 душъ кипчаковъ, такъ что, повидимому, если кипчаки и считаютъ себя отчасти принадлежащими къ узбекамъ и каракиргизамъ, то еще не совсѣмъ слились съ ними и, быть можетъ, находятся въ томъ же отношеніи къ нимъ, какъ *ногайцы* и *каракалтаки* къ киргизамъ Букеевской орды (см. „Кир. Бук. орды“ вып. I, стран. 33—34).

О вѣщности древнихъ кипчаковъ намъ почти ничего неизвѣстно, да и вообще разные писатели арабскіе или персидскіе или какіе другіе всегда болѣе интересовались вѣшнимъ бытомъ народности, которую они посѣщали, чѣмъ физическими свойствами: обыкновенно они ограничиваются лишь замѣткой, что тѣ или другіе красивы или безобразны, страшны на видъ и т. д. Такъ, напр., ибнъ-Батута, гостившій довольно долго у хана Узбека, пишетъ, что кипчаки народъ крѣпкій, сильный и здоровый, но больше ничего не говоритъ объ ихъ вѣщности. Гаммеръ, на основаніи китайскихъ источниковъ, говоритъ, что у кипчаковъ глуболежащіе глаза, выступающіе носы и густыя бороды, далѣе, что у нихъ голубые глаза и рыжіе волосы. Нельзя придавать здѣсь слову «рыжій» буквальный смыслъ и слѣдуетъ понимать только какъ цвѣтъ русый; эта ошибка часто встрѣчается и зависитъ, вѣроятно, чисто отъ лингвистическихъ причинъ. Ибнъ-Батута, напримѣръ, описывая русскихъ, говоритъ, что они голубоглазы и красноволосы; врядъ-ли всѣ русскіе, которыхъ видѣлъ ибнъ-Батута, были рыжеволосые, а онъ ихъ видѣлъ въ самомъ Сараѣ, какъ постоянно живущихъ, такъ и пріѣзжихъ купцовъ и во время своей поѣздки въ Болгарію, слѣдовательно, видѣлъ ихъ, вѣроятно, много; китайскіе писатели также называютъ русскихъ красноволосыми. Итакъ, судя по описанію Гаммера, кипчаки были блондины и, повидимому, не носили въ сильной степени выраженныхъ монголо-тюркскихъ чертъ (въ современномъ смыслѣ этого слова). Спрашивается, насколько дѣйствительно это описаніе касается именно кипчаковъ, а не какого-либо другого племени (или рода), называвшагося этимъ именемъ въ очень широкомъ смыслѣ слова; по крайней мѣрѣ, представить кипчаковъ блондинами трудно; объ этомъ ничего не говорить, напримѣръ, ибнъ-Батута, которому они должны были броситься своею русоволосостью въ глаза и о чемъ онъ долженъ былъ бы упомянуть, какъ онъ это дѣлаетъ по отношенію русскихъ.

Кипчаки, повидимому, изъ общей массы тюрковъ Золотой орды не выдѣлялись своею наружностью и представляли, вѣроятно, съ остальными тюрками типъ болѣе или менѣе близкій. Впрочемъ, арабскій писатель XVI в. ибнъ-Яхйа ¹⁾ говоритъ, что тюрки-кипчаки отличаются отъ остальныхъ тюрковъ, а именно они религіозны, храбры, быстры въ движеніяхъ, съ красивой фигурой, правильными чертами и благородны. Откидывая изъ этого перечня нравственныя качества, мы видимъ, что здѣсь существуетъ весьма ясный намекъ на немонгольскую и нетюркскую (въ современномъ смыслѣ этого слова) организацію кипчаковъ; хотя, конечно, и здѣсь можно догадаться, что говорится о кипчакахъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Что имя «кипчакъ» переносилось и на другія племена, а, быть можетъ, нерѣдко и на все племена, обитавшія Дештъ-Кипчакъ, является вполне естественнымъ: разъ наименованіе Дештъ-Кипчакъ распространилось на огромный районъ, то и имя кипчаковъ могло распространяться, впрочемъ, повидимому, не уничтожая отдѣльныя родовыя и племенные имена.

Во всякомъ случаѣ, говорить съ увѣренностью о физическомъ типѣ древнихъ кипчаковъ въ настоящее время невозможно; въ этомъ отношеніи могутъ оказать услугу многочисленныя курганы, раскинутыя по нашимъ южнымъ степямъ, такъ какъ, по словамъ Рубруквиса ²⁾, кипчаки хоронили своихъ мертвецовъ, насыпая надъ прахомъ курганъ и ставя на него статую лицомъ къ востоку, держащую у пояса чашу. Какъ извѣстно, такихъ кургановъ „со статуями“ разсыпано въ изобиліи въ современной Донецкой степи; изъ нихъ, какъ передаютъ мѣстные жители, нѣкоторые и до сихъ поръ сохраняютъ каменные фигуры ³⁾.

1) Голубовскій.—Печевъга, торки и половцы. Киевъ 1884 г.

2) Тамъ-же.

3) Нѣсколько освѣтитъ антропологию, если не собственно древнихъ кипчаковъ, то по крайней мѣрѣ вообще населенія Золотой орды, могла бы курганы, находящіеся въ Бузевской степи. Намъ самимъ довелось въ 1888 году раскопать нѣсколько груннхъ кургановъ, а именно у Халеской Станки, у Ново-Казанки и у Таловки. Раскопка въ послѣдней мѣстности не можетъ считаться удачною какъ по малочисленности раскопанныхъ кургановъ, такъ и по испорченности ихъ; во всякомъ случаѣ, курганы этой группы ничего общаго съ другими нами раскопанными не имѣютъ, относятся, повидимому, къ совершенно другому курганному району и принадлежатъ, сколько можно судить по

По наблюденіямъ Уйфальви, всѣ современные средне-азиатскіе кипчаки исключительно черноволосы; такіе результаты получены, по крайней мѣрѣ, на 17 субъектахъ. Впрочемъ, слѣдуетъ здѣсь же указать, что, напр., среди *кара-и карагай-кипчаковъ*, родовъ оренбургскихъ башкиръ, по наблюденіямъ П. Назарова, оказывается приблизительно до 50% темнорусыхъ и рыжихъ субъектовъ, хотя, впрочемъ, темнорусые субъекты среди башкиръ вообще не представляютъ рѣдкости.

сдѣланнымъ находкамъ, къ довольно древнему періоду. Что касается двухъ другихъ группъ, у Ново-Казани и Халеской Ставки, то эти курганы представляютъ одинъ типъ, не отличающійся отъ кургановъ Уфимской, Пермской губерній и Сибири, но стоящій весьма близко къ таковому Тургайской области и Кубанской степи (быть можетъ, Дона и Крыма?). Курганы названныхъ двухъ группъ, раскопанные нами, относятся къ XIV в., т. е. къ времени процвѣтанія и начала упадка Золотой орды, принадлежатъ кочевому народу тюркского типа съ мало выраженными монгольскими чертами, но племени не чистому, а состоявшему изъ представителей разныхъ антропологическихъ группъ, стоящихъ то ближе къ монгольству, то дальше отъ него. Несмотря на разнообразіе череповъ, ихъ можно подвести къ некоторымъ очень определеннымъ типамъ; таковыхъ четыре. (Подробности см. „Курганы Буковской степи“. Изв. Им. Об. Д., Е. Авт. и Отг., т. LXIV. Труды Автроп. отдѣла, т. XI, в. 2. Москва 1890 г.). Первый типъ, къ которому относится большая часть найденныхъ нами череповъ, характеризуется слѣдующими чертами: надбровныя дуги развиты хорошо, носовой шипъ выступаетъ впередъ довольно сильно, glabella у большинства тоже выступаетъ значительно, по величинѣ эти черепа средніе, низкоширокіе, съ довольно широкимъ затылкомъ, съ значительно суженнымъ въ передней своей части лбомъ, съ большимъ межглазничнымъ пространствомъ, низкоорбитные, съ несильно выступающими скулами, узко—или среднеширокоскулые, широко—или узкообливые, узкохребетные и среднешироковосые. Говоря вообще, эти черепа нельзя отнести къ монгольской группѣ, хотя, съ другой стороны, они не лишены монголизма, выступающаго у разныхъ череповъ въ разной степени. Этотъ типъ череповъ, сколько можно судить по богатымъ коллекціямъ Антропологическаго музея Им. Московскаго университета, очень распространенъ въ курганахъ, лежащихъ по Волгѣ и въ нашихъ южныхъ степяхъ; тотъ же типъ череповъ, какъ кажется, встрѣчается и среди киргизскихъ череповъ. Второй типъ череповъ, найденный нами, резко отличается отъ предыдущаго, имѣть монгольскія черты въ меньшей степени, чѣмъ первый, хотя вліяніе монгольской крови, повидимому, отрицать нельзя, но оно казалось въ незначительной степени. Этотъ типъ череповъ бросается въ глаза своею грубостью, рѣзкостью чертъ, резко выраженными мѣстами прикрѣпленія мышцъ, если можно такъ выразиться, угловатостью всей физиономіи. Совершенно такіе же черепа были находимы Ф. Д. Нефедовымъ въ курганахъ Тургайской области (хра-

Изъ Средней орды намъ предстояло бы остановиться еще на одномъ поколѣніи, а именно *аринъ* (или *арнаъ*). Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ фактическихъ свидѣній о древности этого поколѣнія и можемъ здѣсь указать лишь на преданіе киргизовъ, согласно которому ханъ Алача или Алаша, (до извѣстной степени) мифической герой—собиратель киргизскаго племени (часто смѣшиваемый съ Хаккъ-Назаръ-ханомъ или Акнаізомъ), раздѣлилъ свой народъ между своими тремя сыновьями: Уйсюнъ, Аргынъ и Алчинъ, давшими начало Большой, Средней и Малой ордамъ. Слѣдовательно, Аргынъ фигурируетъ въ преданіяхъ киргизовъ какъ имя одного изъ сыновей Алача-хана. Но, зная, что Уйсюнъ есть не что иное, какъ имя одного изъ племенъ, вошедшихъ въ составъ киргизовъ, зная далѣе, что и Алчинъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не что иное, какъ имя древняго племени, зная, наконецъ, что какъ Уйсюнъ, такъ и Алчинъ въ киргизскихъ преданіяхъ являются сыновьями Алача-хана,—естественно предположить, что и Аргынъ не что иное, какъ имя самостоятельнаго народа, но имя, съ теченіемъ времени, такъ же какъ Алчинъ, утратившее свое значеніе и даже совершенно забытое исторіей. Мы не думаемъ,

взяты въ Московскомъ Антропологическомъ музѣй, такъ же, какъ и въ черепе, найденные нами); среди киргизовъ Букеевской орды, а также среди уральскихъ казаковъ (которые отчасти состоятъ изъ вогайцевъ) намъ доводилось встрѣчать лица, общій обликъ которыхъ позволяеть думать о существованіи того же типа, что и у названныхъ череповъ; послѣдніе представляютъ тождественный типъ съ таковыми у нѣкоторыхъ вогайскихъ череповъ, взятыхъ изъ могилъ Ф. Д. Неведомыхъ. Третій типъ найденныхъ нами череповъ отдѣляется отъ двухъ предыдущихъ и характеризуется преимущественно выступающими монгольскими чертами, которыя и заставляютъ ставить черепа этого типа въ особый отъ предыдущихъ рядъ. Наконецъ, четвертый типъ характеризуется полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было монгольскихъ чертъ и сильною доиндоевропейскою. Вотъ что можно замѣтить о курганномъ племени Букеевской степи съ антропологической точки зрѣнія: племя было смѣшано изъ разныхъ и разнородныхъ элементовъ, быть можетъ, просто изъ выходцевъ изъ разныхъ странъ, сплотившихся воедино, благодаря случайнымъ историческимъ событіямъ: преобладавъ въ этомъ народѣ элементъ тюркскій, съ слабо выраженными монгольскими чертами; въ этому элементу примѣшался другой, вѣроятно тоже тюркскій, но съ меньшими признаками монголизма; кромѣ того, въ составъ этого народа вошли и другіе элементы, какъ чисто монгольскіе, такъ и чисто индоевропейскіе. Какъ извѣстно, историческія данныя о Золотой ордѣ подтверждаютъ эти общія антропологическія заключенія.

чтобы въ этомъ предположеніи заключалась натяжка ¹⁾; но даже если бы это и было, то одно поколѣніе, о которомъ мы, какъ сказано, фактическаго ничего не знаемъ, [не можетъ помѣшать намъ остаться при томъ мнѣніи о киргизахъ, ихъ образованіи и увеличеніи въ числѣ, которое нами высказывается.

Расчленяя такимъ образомъ Большую и Среднюю орду киргизовъ и проводя мысль о конгломератномъ строеніи этихъ ордъ, мы одновременно, такъ сказать, отрѣзываемъ отъ киргизскаго племени почти двѣ трети или 1450000 душъ (принимая, по Вамбери, Большую орду въ 450000 (—500000), а Среднюю въ 900000 или же 1748266 душъ, и принимая, согласно другимъ источникамъ, Большую орду въ 1036266, Среднюю въ 712000 душъ). Намъ остается, слѣдовательно, еще третья орда, считающаяся въ 700000—900000 душъ (съ Букеевскою),—это Малая орда. Она состоитъ, какъ нами было сказано, изъ трехъ поколѣній: *алимулинскаго*, *баюлинскаго* и *семиродскаго*; наименованіе послѣдняго само по себѣ уже наводитъ насъ на мысль, что древняго происхожденія ему мы приписывать не должны; то же самое, впрочемъ, говорятъ и имена остальныхъ поколѣній. Обратимъ вниманіе на преданіе, передающее намъ исторію возникновенія этой орды. Сынъ Алача-хана, Алчывъ (см. „Кир. Бук. орды“, в. I, стр. 25), говоритъ преданіе киргизовъ, сталъ во главѣ младшей сотни (давшей впоследствии Малую орду); у него было три сына, отъ которыхъ пошли три поколѣнія Малой орды: старшій сынъ Алимъ („ученый“) далъ начало *алимулинскому* поколѣнію, которое уже издавна считается старшимъ поколѣніемъ и его рода старшими родами въ ордѣ (см. „Кир. Бук. орды“, в. I, стр. 45); второй сынъ Кадыръ-Ходжа имѣлъ 12 сыновей, былъ прозванъ „байулы“, т. е. богатый сыновьями, и далъ начало *баюлинскому* поколѣнію (съ 12 родами) и, наконецъ, третій сынъ Картъ-казакъ имѣлъ 7 сыновей и образовалъ поколѣніе *джитру* (джити-семь и ру-родъ) или *семиродское*. Мы видимъ, что въ этомъ преданіи возникновеніе *старшаго* поколѣнія приписы-

1) Мы можемъ подтвердить эти наши слова слѣдующими словами В. Радлова (Обр. нар. лит. тюрк. племень, ч. III, СПб. 1870 г.). О происхожденіи киргизовъ намъ очень мало извѣстно, говоритъ этотъ авторъ:—родовыя ихъ имена свидѣтельствуютъ о томъ, что киргизы образовались изъ разныхъ народовъ, какъ это доказываютъ, наир., названія племенъ кипчакъ, найманъ и *артикъ*.

вается „ученому“ сыну, далѣе, что поколѣніе наиболѣе многочисленное по своимъ родамъ происходитъ отъ человѣка „богатаго сыновьями“, и, наконецъ, что третье поколѣніе лишено вообще собственнаго имени и называется семиродскимъ, по числу заключающихся въ немъ родовъ. Мы не можемъ не усмотрѣть въ этомъ разсказѣ известную искусственность и приуроченіе позднѣйшаго къ ранѣе совершившемуся факту и при этомъ совершившемуся инымъ путемъ.

Дѣйствительно, исторія намъ передаетъ нѣчто другое, а именно, по запискамъ Тевкелева (1740), оказывается, что Малая орда издавна состояла изъ одного племени *алчына*, которое дѣлилось на алимулинское и баюлинское поколѣнія; къ алчинцамъ присоединились семь мелкихъ родовъ, которые, по словамъ А. Левшина, не имѣли силъ противостоять въ барантахъ сильнымъ и многочисленнымъ алчинцамъ. Нѣчто цѣльное образовали эти семь родовъ только въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка, когда ихъ ханъ Тявка (умеръ около 1717 г.) соединилъ въ одно поколѣніе, названное имъ семиродскимъ. Общее племенное имя для баюлинскаго и алимулинскаго поколѣній—*алчына*, нынѣ утраченное и забытое (имя этого народа сохранилось въ узбекскомъ родѣ *алчына*), существовало еще въ прошломъ столѣтіи и о немъ упоминается въ бумагахъ Абуль-хавра-хана (1748 г.). Если мы теперь остановимся на самомъ *семиродскомъ* поколѣніи, о происхожденіи котораго въ древности намъ неизвѣстно, то нельзя не отмѣтить, что изъ семи родовъ этого поколѣнія три не являются присущими только этому поколѣнію, а именно: *табынъ* встрѣчается и у узбековъ, *тама* у узбековъ и башкиръ, *керейтъ*—есть имя поколѣнія Средней орды, о которомъ мы говорили уже выше. Слѣдовательно, изъ семи родовъ Семиродскаго поколѣнія максимумъ лишь четыре можно было бы считать оригинальными.

Мы оставились на всѣхъ отдѣльныхъ поколѣніяхъ киргизскаго народа и на нѣкоторыхъ родахъ его, заслуживающихъ наибольшаго вниманія. Развѣ мы послѣ этого не видимъ, что въ киргизскомъ народѣ нѣтъ ничего коренного и цѣльнаго, что въ немъ не только отсутствуетъ этнологическая и антропологическая цѣльность, но что даже въ немъ нѣтъ основнаго выдающагося много-

численностью ядра ¹⁾, вокруг котораго группировались бы отдѣльные элементы? Напротивъ того, все киргизское племя расплывается среди массы тюркскихъ, монголо-тюркскихъ и даже иныхъ (усюни) племенъ. Мы не желали выходить изъ рамокъ историческихъ фактовъ и событій, вотъ почему мы ограничились приведенными выше поколѣніями и родами, между тѣмъ область преданій народныхъ нами почти совсѣмъ не затронута. Многочисленныя преданія, впрочемъ значительно варьирующіяся по мѣстностямъ, могутъ открыть широкое поле для изысканій сравнительной древности многихъ киргизскихъ родовъ и существованія ихъ нѣкогда въ качествѣ самостоятельныхъ народовъ. Съ другой стороны, сопоставленіе киргизскихъ родовыхъ именъ съ таковыми другихъ тюркскихъ племенъ обнаружить, въ свою очередь, смѣшанность киргизовъ съ элементами, входящими въ иныя самостоятельныя племена.

Въ конгломератномъ строеніи киргизовъ нѣтъ ничего новаго; напротивъ того, здѣсь мы сталкиваемся съ тѣмъ же, что и у уйгуръ, монголо-татаръ и другихъ племенъ, съ тою лишь разницею, что эти уже погибли, распавшись и давши пищу новымъ родамъ, а киргизы — племя позднѣйшихъ эпохъ, переживавшее и переживающее времена менѣ бурныя и воинственныя, чѣмъ времена древнія, переживающее эпоху вліянія сильныхъ въ культурномъ отношеніи сосѣдей, вліяющихъ на нихъ своею цивилизаціею, которая ихъ сохраняетъ въ томъ объемѣ и составѣ, каковыя сформировались въ теченіе полутысячелѣтія ихъ политической жизни.

Мысль о конгломератномъ строеніи киргизскаго племени, хотя, подчасъ, и не смѣло, но уже неоднократно высказывалась русскими авторами: такъ, Красовскій ²⁾ говорить, напр., что между отдѣльными родами киргизовъ существуютъ нерѣдко очень замѣтныя отличія въ физическомъ типѣ ихъ; далѣе Мейеръ ³⁾ пишетъ,

¹⁾ Конечно, казаки Джанибека и Гирей составляютъ ядро, вокруг котораго группировались впоследствии отдѣльные роды или части ихъ, но казаки Джанибека и Гирей сами по себѣ представляли смѣсь равнообразныхъ родовъ, сами были, такъ сказать, случайнаго состава, сами нѣкогда принадлежали союзу „узбековъ“, но не дѣльное ядро какой-либо дѣльной и сплоченной народности.

²⁾ Область сибирскихъ киргизовъ, ч. I. СПб. 1868 г.

³⁾ Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства. 1865 г.

что вѣтъ никакихъ причинъ предполагать, будто киргизы произошли путемъ естественнаго размноженія и что они непременно составились изъ разныхъ народностей, что отразилось и въ ихъ чертахъ. Другой авторъ ¹⁾ лишь подтверждаетъ вышеприведенныя слова и пишетъ, что наружныя черты киргизовъ весьма различны у различныхъ родовъ. Затѣмъ И. Ибрагимовъ ²⁾, между прочимъ, говоритъ, что отъ Алтая до Урала кочуетъ племя, или, лучше сказать, *кочуютъ племена*, которыя сами себя называютъ „казакъ“. В. Радловъ ³⁾, въ свою очередь, говоритъ, что родовыя имена киргизовъ свидѣлствуютъ о томъ, что киргизы образовались изъ различныхъ народовъ (кыпчакъ, аргынъ и найманъ); то-же мнѣніе высказывается и Вельяминовымъ-Зерновымъ ⁴⁾ и П. Семеновымъ ⁵⁾. Наконецъ, В. Григорьевъ ⁶⁾ говоритъ, что киргизы прежде не были народомъ, а просто степною азіатскою „казачиною“, сложившейся и слотившейся въ одно политическое цѣлое изъ обломковъ тюркскихъ племенъ, имѣвшихъ прежде отдѣльное, независимое другъ отъ друга существованіе; далѣе, онъ продолжаетъ, что киргизская народность состоитъ изъ цѣлыхъ родовъ, принадлежавшихъ прежде къ составу другихъ народовъ.

Но если все это дѣйствительно такъ, какъ мы говоримъ, т.-е. если современные киргизы, дѣйствительно, не что иное, какъ кон-

1) Изв. Имп. Об. Л. Ест., Антр. и Этн. т. XXXV. Антропология. Выставка. Т. III, ч. 2. Тутъ у мѣста замѣтить, что некоторые рода киргизовъ отличаются и въ одеждѣ (объ этомъ сохранились воспоминанія въ Букеевской степи; см. „Кир. Бук. орды“ в. I, стр. 45; у юталайцевъ—стр. 37; объ этомъ, между прочимъ, докладывалъ путешественникъ Б. Л. Громбчевскій въ записк. Общ. Люб. Ест. 9 февраля 1890 г.; онъ указывалъ, между прочимъ, на головной уборъ женщинъ рода *найманъ*).

2) Русскій Туркестанъ. В. 2, 1872 г.

3) Образцы народн. литер. тюркскихъ племенъ. Ч. III, СПб. 1870 г.

4) Исслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Ч. II, СПб. 1864 г.

5) Географич.-статистич. словарь.

6) Изв. Зауральской степи.—„День“ 1862 г. №№ 28, 32 и 35. Статья написана подъ псевдонимомъ „Мендали Пираліевъ“. Въ первомъ выпускѣ „Киргизовъ Букеевской орды“, ссылался на Мендали Пираліева, мы два раза впали въ одну и ту же ошибку, считая псевдонимъ „Мендали Пираліевъ“ за имя собственное и, слѣдовательно, принимая автора за киргиза; эти ошибки находятся на стр. 275 и 287, и наше вниманіе на нихъ обратилъ профессоръ Э. Ю. Петри, которому мы выражаемъ нашу искреннюю признательность.

гломератъ различныхъ тюркскихъ и иныхъ племенъ, имѣвшихъ иѣкогда самостоятельное существованіе, если киргизы, дѣйствительно, не что иное, какъ продуктъ сліянія разнообразныхъ элементовъ, то спрашивается, какія условія окружали эти племена, которыя могли обуславливать ихъ сплочиваніе въ нѣчто однородное и цѣльное, разросшееся до такихъ громаднхъ размѣровъ, какъ племя современныхъ киргизовъ? Какъ могло случиться соединеніе (и что содѣйствовало ему) этихъ элементовъ въ нѣчто цѣльное, когда мы видимъ въ другихъ мѣстахъ совершенно противоположное, какъ, напр., на Кавказѣ, гдѣ фактически родственныя племена нерѣдко дробятся на десятки политически разныхъ, другъ отъ друга рѣзко отличающихся себя? Причина этого (кроме, быть можетъ, общаго языка, обычаявъ и, вѣроятно, вѣрованій) лежитъ въ степи—аренѣ этихъ кочевыхъ народовъ. Степь не знаетъ преградъ, она не знаетъ строгаго разграниченія земли на участки, степь сама по себѣ есть объединяющій элементъ, заставляющій всѣхъ живущихъ на ней считаться въ болѣе или меньшей степени членами одной семьи. Въ горахъ не то: каждая долина, каждое ущелье можетъ считаться собственностью той или другой группы людей, защищающихъ эту собственность, какъ свое; каждая скала, каждый камень даже служить убѣжищемъ, служить защитою противъ пришельцевъ; и эти скалы и камни огораживаютъ и защищаютъ за ними стоящихъ отъ проникновенія не только чужеземца самого, но и его обычаявъ, обрядовъ, возрѣній. Степь, посетивъ вольная, не знаетъ этихъ преградъ, свободно открываетъ она свои пастбища для своихъ дѣтищей, кочующихъ и тамъ, и тутъ. Но и кочевникъ-степнякъ не знаетъ преградъ: гдѣ онъ былъ вчера, тамъ его вѣтъ завтра, на его же мѣсто является новый человекъ. Степнякъ той замкнутости, которая есть у жителя горнаго, не знаетъ: его образъ жизни извѣстенъ сосѣду его, онъ мирится съ нимъ охотно, отдавая свою дочь замужъ за сына его—онъ дѣлается его тамыромъ.

Но сліяніе разнородныхъ элементовъ произошло не сразу, а послѣ долгой междоусобной борьбы, когда родъ воевалъ съ родомъ сосѣднимъ, когда аулъ шелъ на аулъ, когда кровь лилась рѣкою, и тысячи головъ виновныхъ и безвинныхъ въ спорѣ людей падали, покрывая степь. Немало борьбы выдержали эти элементы между собою, немало бѣдъ претерпѣли ихъ семьи; но, несмотря

на эту кровопролитную борьбу, отдѣльные элементы не переставали сталкиваться другъ съ другомъ и смѣшиваться: кто бѣжалъ къ сосѣду, прося защиты отъ своихъ же, кто подружился съ сосѣдомъ, благодаря гостепрѣимству, закрѣпивъ эти дружескія узы женитьбой, а кто былъ взятъ въ плѣнъ и порабощенъ, но все несли свою кровь на смѣшеніе съ кровью иной, имъ искони чуждой ¹⁾.

Итакъ, мы повторяемъ ²⁾, киргизъ есть смѣсь своей степи въ полномъ смыслѣ этого слова: она выработала въ немъ особенности его характера, выработала въ немъ своеобразный бытъ; но этого мало: она произвела его на свѣтъ изъ разныхъ элементовъ своею замиряющею и объединяющею средой. Элементы слились въ одно цѣлое настолько, что въ правѣ носить общее племенное названіе киргизовъ („казаки“), но не настолько, чтобы составить строгую антропологическую группу, стройную въ самой себѣ.

Между Ташкентомъ и Ходжентомъ живетъ въ настоящее время маленькая народность, называемая *курама*; она состоитъ преимущественно изъ пяти родовъ: *джалаиръ*, *текау*, *тама*, *джалабайлы* и *тараклы*; ни одинъ изъ этихъ родовъ не имѣетъ самостоятельнаго происхожденія: такъ, родъ *джалаиръ* встрѣчается у киргизовъ Большой орды въ поколѣніи усякъ; *текау*, *джалабайлы* и *тама* суть рода семиродскаго поколѣнія Малой орды, а *тараклы*—одинъ изъ родовъ поколѣнія кирейтъ киргизской Средней орды. Все признаютъ *куруму* за смѣсь киргизовъ и узбековъ ³⁾, никто не считаетъ кураминцевъ самостоятельной народ-

1) Насколько сравнительно легко сліяніе чужихъ по существу элементовъ въ степи, мы видимъ въ настоящее время на сліяніи ногайскаго рода съ киргизами въ Букеевской ордѣ,—фактъ, о которомъ мы говорили много выше („Кир. Бук. орды“ в. I, стр. 36 и 37). Конечно, данное сліяніе должно произойти легче и быстрее въ силу измѣнявшагося политическаго положенія Букеевской орды, чѣмъ во время вольнаго житья кочевника въ степяхъ, не испытывающаго на себѣ вліянія культурныхъ сосѣдей, но фактъ этотъ характеренъ для степи и не могъ бы имѣть мѣсто среди жителей горъ.

2) См. „Кир. Бук. орды“ в. I, стр. 283.

3) Кураминцы живутъ въ долинахъ рѣкъ Бодама, Келеса, Чирчика и Ангрена (въ Чимкентскомъ и Бураминскомъ уѣздахъ); ихъ число всего только, по словамъ Островскаго (Геогр. Туркест. края, 1886 г.), 77,000 душъ. По мнѣнію Яворскаго (Опытъ мед. геогр. Туркест. 1889 г.), или „курама“ обозначаетъ „сбородъ“; ихъ поселенія, по словамъ послѣдняго автора, не

ностью, и даже имя ихъ „курама“, по мнѣнію В. Радлова, объясняютъ словомъ „кура“—штопать, шивать („zusammenflicken“); такъ говорятъ, и совершенно справедливо говорятъ, о маленькомъ племени кураминцевъ; то же самое слѣдуетъ сказать и о киргизахъ (казакахъ), сшитыхъ изъ пестрыхъ лоскутковъ, тюркскихъ, монгольскихъ, монголо-тюркскихъ и иныхъ племень.

Ал. Харузинъ.

Рубанка, 3 августа 1895 г.

старше 100—150 лѣтъ; состоятъ они изъ слѣдующихъ родовъ: рода киргизской Большой орды—сары, уйсунъ, сергале, таракъ, сты, уймауты, угакты, чемырь, чавышкулъ, джанысь, канглы, джалаиръ, кунгратъ, атагай, алтай, тебичъ, такалы, берчъ, карпакъ, киндагалы, караганъ, басантешъ, ак-бура, булатчи, кара-гирей, тири-тамгалы, иргянгалы, салыръ, тормангыръ, тугочка, тытабакъ, бултунъ, карабалыкъ, кундалинь, тана-буга и узунъ; рода киргизской Малой орды—джагалбайлы, рамаданъ и тама; нѣсколько узбекскихъ родовъ и т. д.

ЭПОСЪ ЛИ ДРЕВНѢЙШІЙ РОДЪ ПОЭЗІИ?

Статья Д. Матова ¹⁾

(съ болгарскаго).

Судя по другимъ областямъ умственной дѣятельности человѣка, необходимо предположить, что и въ мѣрѣ поэзіи первоначально не было того разнообразія видовъ и родовъ, которое мы видимъ теперь. И здѣсь разнообразіе возникало изъ прежде однообразнаго, сложное выходило изъ безформеннаго, простаго. Особенно это очевидно изъ того, что вначалѣ не только отдѣльные роды поэзіи не разграничиваются хорошо одинъ отъ другого, но и сама поэзія въ своемъ первобытномъ проявленіи сливается съ другими искусствами—мимикой, танцами, не говоря уже о пѣсняхъ. Ярко проявляется это въ танцахъ дикаря, который сопровождаетъ слова пѣніемъ, одновременно танцуетъ и дѣлаетъ мимическіе знаки. Въ этихъ забавахъ, въ основахъ которыхъ кроются эстетическіи и религиозныя потребности, можно видѣть зачатки поэзіи, музыки и пластичнаго искусства. Сперва является цѣлое, неопредѣленное, а затѣмъ органической шагъ—развитіе, т. е. самостоятельное выдѣленіе отдѣльных частей ²⁾.

Древніе философы-поэты не шли далѣе вопроса о духовной силѣ, которая дѣйствуетъ въ искусствѣ и о назначеніи искусства. Они оставили довольно точныя опредѣленія родовъ поэзіи главнымъ образомъ драмы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высказали неясно мысли о происхожденіи лирики, эпоса и т. д. Въ лицѣ Платона и Аристотеля греки положили начало наукѣ о поэзіи, и не ихъ вина, что долгое время спустя философы и критики почти не выходили изъ тѣхъ границъ, въ которыхъ вращались и они, и не задавались вопросами о постепенномъ развитіи поэзіи. Но теперь, когда усердно изучаютъ развитіе всякаго явленія физической и умственной жизни человѣка, необходимо было выдвинуть вопросы

¹⁾ Переводъ статьи г. Матова, профессора Высшей школы въ Софії (помѣщенной въ „Български Прѣгледъ“ 95 г. № 1), сдѣланъ нами съ нѣкоторыми незначительными пропусками (особенно опущены нѣкот. смыслы и примѣчанія, которыя свободно можно было оставить безъ перевода). Интересно сравнить нѣкоторые мѣста этой статьи со ст. Оболенскаго въ „Русской Мысли“ 1895 г. (мартъ), подъ загл. „Основы научной теоріи искусства и критики“. П. Г.

²⁾ Развившіяся впоследствии особенностямъ искусства могутъ слова сливаться и образовывать новый организмъ. Это мы видимъ въ драматическомъ искусствѣ. Для совершенной формы его необходимо предварительное развитіе мимики и музыки; въ самой области поэзіи необходимо развитіе отдѣльно эпоса и лирика, пока возможно изображеніе жизни въ формѣ дѣйствительности, которая совершается предъ нами. Впрочемъ, первобытная драма или, скорѣе, начатая драма явились въ глубокой древности, въ играхъ и религиозныхъ процессіяхъ прежде, чѣмъ обособилась лирика и эпосъ. Ср. М. Каррьеръ, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣчества. М. 1871 г. II, 182; Ch. Letourneau, L'évolution littéraire dans les diverses races humaines. Paris 1894.

и о хронологическомъ отношеніи между родами поэзіи. Если драма, какъ то издревле извѣстно, хотя и не совсѣмъ представляется несомнѣннымъ, является самымъ новымъ родомъ поэзіи, то который болѣе старъ изъ двухъ другихъ родовъ: лирики и эпоса? Произошли одинъ отъ другого или вмѣстѣ отъ третьяго рода, въ которомъ заключались, и если такъ, то одновременно, или одинъ послѣ другого? Ответъ, который можетъ дать наука на этотъ вопросъ, важенъ не только для объясненія эволюціи въ поэтическомъ творчествѣ, но и для извѣстныхъ догадокъ о будущемъ значеніи поэзіи. . . . Определеннаго взгляда на это держался и покойный славистъ Миклошичъ, высказавшійся особенно ясно въ своемъ послѣднемъ сочиненіи (*Die Darstellung im slavischen Volksepos*. Wien, 1890), и я попытаюсь по этому поводу разъяснить здѣсь, какъ стоитъ теперь занимающій насъ вопросъ и куда клонится рѣшеніе его.

Методъ, посредствомъ котораго можетъ быть рѣшенъ научно вопросъ объ относительномъ старѣйшинствѣ эпоса и лирики, кажется, хорошо опредѣленъ въ началѣ одной статьи Е. Вольфа, посвященной тому же самому вопросу (*Eugen Wolff. Vorstudien zur Poetik. I—IV. Zeitschrift für vergleichende Litteraturgeschichte. N. F. VI. 1893, 423 стр.*). „Въ настоящее время очень часто раздается голосъ за индуктивную поэтику, но не совсѣмъ еще ясно, что нужно разумѣть (въ этомъ случаѣ?) подъ индуктивными методами. Такъ какъ произвольный выборъ и накопленіе примѣровъ во всякой научной отрасли считается дилеттанствомъ, индуктивная поэтика только тогда можетъ соперничать съ методомъ филологів и другихъ установившихся наукъ, когда будетъ въ состояніи разсматривать исторію словесности безъ увлеченія, въ полнотѣ и порядкѣ. Полнота и порядокъ то же самое, что и разсматривать исторію словесности въ исторической непрерывной послѣдовательности. Доселѣ поэтика пользовалась исторіей словесности, какъ окаменѣлымъ организмомъ, или какъ какимъ-то складомъ для рѣдкостей. Часто думали, что ученіе обо всемъ можно исчерпать однимъ примѣромъ или нѣсколькими примѣрами, подобранными кое-какъ. Такой способъ былъ-бы недостаточенъ даже въ томъ случаѣ, если исторія и особенно исторія словесности не были волнообразнымъ организмомъ. А это именно такой организмъ, съ перемѣнами и преобразованиями, которыя, если будутъ въ безпорядкѣ нагромождены другъ на друга, могутъ заставить насъ усомниться, можно ли опредѣлить общее понятіе поэтики, но если будутъ расположены въ порядкѣ, дадутъ самый вѣрный регуляторъ варіацій одного типа. Если соберемъ всѣ внутреннія и внѣшнія совпаденія различныхъ по формѣ и виду отраслей всемірной поэзіи, то добудемъ главный принципъ всякой поэзіи“.

На этихъ принципахъ основанъ трудъ французскаго эволюциониста Летурно: *L'évolution littéraire dans les diverses races humaines*. Paris 1894 (XV т. Billiotheque Anthropologique). Въ увѣрен-

ности, что антропология можетъ пролить свѣтъ на темные вопросы развитія поэзи. Летурно разсматриваетъ фазисы поэзи у всякаго народа, обращая главное вниманіе на словесность дикихъ народовъ. Профессиональные историки, говоритъ Летурно, написали до сихъ поръ массу книгъ, которыя, несмотря на всю свою важность и цѣнность, все же неполны, такъ какъ не обнимаютъ всего человѣческаго рода. Слово „словесность“ до сихъ поръ придавалось этимологическое узкое значеніе, такъ какъ изъ ея понятія исключалась болѣе примитивная наивная поэзи. Между тѣмъ какъ болѣе совершенная словесность есть развитіе болѣе грубой, и послѣдняя также далека отъ перваго зарожденія словесности. Поэзи зарождается отъ тѣхъ именно забавъ и движеній, которыя удовлетворяютъ одну и ту же эстетическую потребность, но которыя пользуются въ самой слабой степени словомъ, почему изученіе генезиса поэзи нужно начинать отсюда. Сочиненіе Летурно, которое вызвано этими соображеніями, дѣлится на три главныхъ части: 1) литература негритянскихъ расъ, 2) литература желтыхъ расъ и 3) литература народовъ бѣлой расы. Вначалѣ находится вступительная глава, посвященная вообще разсмотрѣнію мѣста, которое занимаетъ поэтическое творчество въ развитіи человѣка. Летурно начинаетъ съ биологическихъ основъ эстетическихъ рефлексовъ, даетъ примѣры начальной эстетики у животныхъ, затѣмъ останавливается на связи поэзи съ первобытнымъ языкомъ, которую можно наблюдать и въ образованіи дѣтскаго языка, и, наконецъ, отмѣчаетъ соотношеніе между развитіемъ поэзи и общественнаго устройства народа.

На ту же тему, которая занимаетъ насъ здѣсь, 3—4 года тому назадъ было написано другое важное сочиненіе поэта-философа Л. Якобовскаго (Ludvig Iacobovski, Die Anfänge der Poesie. Grundlegung zu einer realistischen Entwicklungsgeschichte der Poesie. Dresden und Leipzig, 1891). Послѣдній подступаетъ къ вопросу съ другой стороны, потому что изслѣдуетъ или, скорѣе, отгадываетъ судьбу первичной поэзи не столько путемъ наблюденія, сколько чрезъ дедукцію. И любопытно, что выводы Якобовскаго и Летурно, идущіе разными путями, встрѣчаются между собой. Оба они приходятъ къ заключенію, что первая поэзи, Созданная, человѣкомъ имѣла скорѣе лирической характеръ.

Теорія, стоящая за субъективный характеръ первобытной поэзи, кажется мнѣ болѣе вѣроятной, чѣмъ теорія тѣхъ философовъ-археологовъ, къ которымъ принадлежитъ и Миклошичъ, и которые учатъ, что сначала всякая поэзи есть эпосъ. И дѣйствительно, исторія духовнаго развитія показываетъ намъ, что основы нашихъ душевныхъ способностей (память, воля, разсудокъ) суть рефлексы, что отличительная черта психи первобытнаго человѣка есть импульсивность, т.-е. неупорядоченное подчиненіе первому чувству. Поэтому-то первобытный человѣкъ прежде всего склоненъ изображать

словами и движеніями то, что его волнуетъ, и все находящееся внѣ своего „я“ представляеть также субъективно. И какъ вообще объективное представленіе видимаго и испытываемаго является труднымъ, то для неразвитаго человѣка оно почти невозможно (Спенсеръ Основ. псих § 253, Соціол. § 31; Letourneau, La biologie, I, VI, X гл.).

Я изложу сперва доказательства субъективности первоначальной поэзіи, затѣмъ попытаюсь показать, къ какой эпохѣ общественнаго развитія можно приложить теорію эпоса. Такимъ образомъ, удобнѣе всего будутъ противопоставлены и до известной степени примирены противоположныя ученія.

Якововскій доказываетъ сначала, пользуясь аналогіей, что первоначальная поэзія есть пралирика. Обыкновенно сравниваютъ человѣчество съ отдѣльнымъ человѣкомъ, и какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ въ цѣломъ человѣчествѣ различаютъ фазисы: дѣтство, юность, зрѣлость и старость. Дѣтство принимаютъ моделью примитивнаго человѣка.

Спрашивается, какія первыя проявленія сознанія дѣтской души? Дитя, появившася изъ утробы материнской, издаетъ крикъ, выражаетъ страхъ и непріятное чувство. Внѣшняя природа служитъ для дѣтей только для того, чтобы, возбуждая ихъ нервы, причинять удовольствіе или боль; до объективнаго воспріятія не достигаютъ дѣтскія способности. Нервная раздражительность, ощущенія, воспріятія, представленія—все это въ дѣтскомъ организмѣ тѣсно сливается съ чувствомъ пріятнаго и непріятнаго. Въ ощущеніяхъ выражается весь душевой міръ ребенка, ощущенія—первый опредѣленный моментъ въ чувствительной жизни дѣтей. И такъ какъ пралирика есть выраженіе черезъ звуки чувственныхъ проявленій, то ясно, что лирикѣ принадлежитъ первичность, а не эпосу.

Такимъ образомъ, пралирика или первоначальная поэзія отвѣчала пріятнымъ и непріятнымъ ощущеніямъ. Но нужно замѣтить, что только сильныя возбужденія—пріятныя или непріятныя—выводятъ человѣка изъ индифферентности, приводятъ его въ состояніе „священнаго безумія“ и заставляютъ творить лирику. Однообразныя и слабыя впечатлѣнія, повторяясь, не имѣютъ уже болѣе силы для нашего чувства, такъ сказать, притупляютъ его и не могутъ побудить къ творчеству, потому-то необходимо разнообразіе и смѣна ощущеній, чтобы получилась сильная и настоящая лирика.

Сознаніе, выведенное изъ безразличнаго состоянія какимъ-либо ощущеніемъ, откликается на него соотвѣтствующимъ звукомъ, отличающимся быстротой, какъ и рефлективные движенія. И такіе первые звуки, вышедшіе изъ человѣка, образуютъ лирику, но они въ то же время начало языка и пѣсни. Потому поэзія, языкъ и пѣсня—вѣтви одного и того же ствола.

Такъ какъ чувства бываютъ пріятныя и непріятныя, то соотвѣтственно этому первоначальная лирика являлась въ формѣ радостной или скорбной. Якобовскій доказываетъ, что для поэзи скорби требуется менѣе возбужденія, чѣмъ сколько для противоположной. Потому-то первый родъ поэзи значительнѣе второго и по качеству, и по количеству. Литература всемірная доказываетъ этотъ замѣчательный фактъ. Укоръ за то, что пессимистическая поэзія будто бы является болѣзью и превосходить количествомъ поэзію жизнерадостную, не имѣетъ значенія. Пессимистическая лирика является не только естественной необходимостью, но по справедливости можетъ занять большую часть всякой поэзи. Не нужно забывать и того, что человѣкъ имѣетъ склонность размышлять надъ причинами непріятныхъ ощущеній. Удовольствіе же переживается безъ того, чтобы задаваться вопросами о причинѣ его.

Предметамъ, которыми возбуждаются въ человѣкѣ пріятныя и непріятныя чувства, опредѣляется содержаніе первоначальной лирики.

Прежде всего человѣкъ отражаетъ рефлексивно физическія ощущенія, которыя отличаются чисто мѣстнымъ характеромъ, какъ напр., боль отъ пораненія и удовольствіе отъ прекращенія боли. Того же характера и тѣ движенія, причинами которыхъ кроются въ аномалии жизненнаго процесса. Если послѣдній идетъ правильно, мы ощущаемъ удовольствіе, если же нѣтъ, то огорченіе. И эти виды ощущеній черезъ звуки выливаются въ скорбь или радость, часто выражаются въ движеніяхъ, часто самымъ бессмысленнымъ образомъ. И эти звуки слѣдовало бы назвать лиричными, но разумѣется, они болѣе низкаго качества, такъ какъ подобныя звуки издаются всякимъ животнымъ, вслѣдствіе чисто физическихъ свойствъ, владѣющимъ нервною раздражительностью и способностью издавать звуки. Такія ощущенія и въ человѣкѣ рефлексивны, но Якобовскій думаетъ, что нужно упомянуть о нихъ, такъ какъ всѣмъ народамъ свойственны почти одинаковыя междометія для изображенія радости и скорби.

Затѣмъ по степени важности идутъ тѣ ощущенія, которыя имѣютъ въ основѣ два главныя влеченія первобытнаго человѣка въ періодъ грубой борьбы за жизнь: 1) влеченіе къ пищѣ 2) — къ любви. Первобытный человѣкъ испытывалъ большее возбужденіе, когда былъ голоденъ, чѣмъ когда сытъ, но особенно благоприятно для проявленія пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній состояніе жажды. Это зависитъ отъ физиологическихъ отравленій, которыя наступаютъ вслѣдъ за насыщеніемъ и при пищевареніи вызываютъ у нѣкоторыхъ животныхъ съ развитымъ аппаратомъ для пищеваренія даже сонъ. Съ другой стороны, почти всякій народъ употребляетъ опьявляющіе напитки — медъ, вино и проч., которые возбуждаютъ въ чувствѣ силу и вообще дѣятельность. Потому-то всякій народъ имѣетъ поэзи пѣра, но нѣтъ поэзи насыщенія.

Такъ какъ голодъ и жажда сами по себѣ непріятныя состоянія, то понятно, что они больше побуждаютъ къ пессимистическому поэтическому творчеству. Къ такому же роду творчества побуждаетъ человѣка и половая страсть. Первобытный человѣкъ испытывалъ мученіе, желая удовлетворить свою страсть, и только уже позднѣе могъ предвкушать пріятность отъ удовлетворенія ея и быть весело настроеннымъ. Впрочемъ, чтобы угодить женщинѣ и привлечь ее къ себѣ, измѣняя первобытный человѣкъ голосъ своей скорбной и болѣзненной лирики на веселый и жизнерадостный. Точно также и функціи пяти чувствъ, особенно высшихъ—зрѣнія и слуха, и сложныя ихъ дѣйствія способствуютъ такъ или иначе проявленію душевнаго настроенія. Болѣе низшія чувства (осязаніе, обонаніе, вкусъ) стоятъ на второмъ планѣ. Наконецъ, и впечатлѣнія отъ окружающей природы возбуждали въ первобытномъ человѣкѣ радость или скорбь, страхъ или надежду.

Звуки, которыми первобытный человѣкъ почти невольно и безсознательно проявлялъ свое настроеніе, носили характеръ импровизаціи. Всякій звукъ навѣрно имѣлъ нѣсколько оттѣнковъ и тоновъ ударенія, но о числѣ звуковъ нельзя сказать ничего положительнаго. Возможно только предположить, что во многихъ случаяхъ вмѣсто словъ служили движенія и мимика. Законъ привычки облегчалъ для человѣка повтореніе произнесенныхъ много разъ лирическихъ звуковъ, такъ что со временемъ число ихъ росло. Такого рода упражненія происходили сперва наединѣ безъ вниманія къ публикѣ.

Когда появилась публика, тамъ уже явилось условіе для эпоса. Изъ четырехъ главныхъ источниковъ лирическихъ проявленій: голода, любви, зрѣнія, слуха, только одинъ—дѣйствіе любви побуждаетъ человѣка искать другого, чтобы высказать ему чувства свои и мысли, и чтобы тотъ раздѣлилъ ихъ съ нимъ. Жена есть первая публика для мужа-лирика. Но это только временная публика, а не постоянная. Такъ думаетъ Якобовскій, потому что бракъ первоначальный представляется ему, какъ совершенно свободное моногамичное супружество, продолжающееся только извѣстное время между двумя лицами.

Всякій разъ, какъ только жена отвѣчаетъ мужу не только мимикой, но и словами, лирическая поэзія дѣлаетъ шагъ къ эпосу и получаетъ въ то же время драматическую форму. Но настоящая эпика развивается только тогда, когда изъ семейства образуются роды. Тогда не только чувство любви, но и другія чувства заставляютъ человѣка дѣлиться своими впечатлѣніями съ другими. Подражаніе, свойственное природѣ первобытнаго человѣка, заставляетъ тѣхъ, которые слышатъ лирическаго пѣвца, повторять его слова, особенно когда послѣднія выражаютъ пріятное настроеніе, потому что всякій желаетъ такимъ образомъ испытать подобное же состояніе.

Такимъ, можетъ быть, смутно сознаваемымъ желаніемъ звуками и движеніями произвести то же чувство, которое создали эти звуки и движенія у того, кто первый ихъ произнесъ, объясняются общественные хороводы и пѣсни у первобытныхъ народовъ, обладающихъ очень небольшимъ количествомъ пѣснѣ, пѣтыхъ однимъ человѣкомъ воедино, безъ общества соучастниковъ или зрителей.

Господство лирики продолжается, по мнѣнію Якобовскаго, недолгое время. Но вѣтъ необходимости придавать такое ограниченное значеніе термину лиризма, какой придаетъ онъ ему. Поэзи, въ которой преобладаетъ чувство, въ которой рисуется не столько фактъ или картина, сколько душевное настроеніе, вызванное ими, остается, несомнѣнно, лирической.

Впадаютъ въ ошибку и тѣ ученые, которые предполагаютъ, что первоначальная поэзія была эпичной, такъ какъ древнѣйшей формой общественной жизни былъ родъ (союзъ, задруга, кланъ и др.), и такимъ образомъ не было мѣста для индивидуальности, для лирической поэзи. Говорить, въ родѣ человѣкъ сознаетъ себя не какъ самостоятельный индивидуумъ, а какъ членъ плѣлаго — рода и народа, и его личныя духовныя и моральныя способности подавляются и обнаруживаться могутъ только въ дальнѣйшемъ періодѣ жизни. Якобовскій допускаетъ, что до образования общества человѣкъ былъ самостоятельной единицей. Слѣдовательно, индивидуальность была только во время періода неустройства, и только въ это время процвѣтала лирика. Но, можетъ быть, человѣкъ былъ стаднымъ общественнымъ животнымъ—тогда куда отнести первичную лирику?

Одно забываютъ въ такихъ разсужденіяхъ: если исчезаетъ личность въ задругѣ, родѣ, то все же остается нѣкоторое личное сознаніе, а послѣднее въ болѣе сильныхъ формахъ и есть родовое, общее. Цѣлый родъ имѣетъ одинаковые интересы, одну мораль, вѣру и чувства, и это лучшія условія для лирическихъ произведеній, которые создаются отдѣльными личностями, но воспроизводятся цѣлымъ родомъ и понятны всякому его члену.

И Летурио допускаетъ такой именно родовой лиризмъ (*lirisme du clan*) для первичной поэзи. Многочисленные примѣры, приведенные въ его книгѣ, убѣждаютъ насъ, что истина на сторонѣ его предположенія. Въ Греціи, которую застаемъ еще въ томъ фазисѣ общественнаго развитія, существуютъ хороводныя пѣсни лирическаго характера, и только позднѣ ихъ развивается эпосъ. Какъ всѣ эстетическія игры и забавы австралійцевъ, такъ и пѣсни ихъ, соединенныя съ хоромъ и мимикой, обнимаютъ цѣлый кланъ, среди нихъ имѣются и лирическія. Папуасы, у которыхъ хоры являются для изображенія всякихъ важныхъ общественныхъ событій, какъ жатва, война и пр., сопровождаютъ хоръ словами, которыя хотя ведутся въ диалогической формѣ—между начальникомъ и родомъ—но въ сущности выражаютъ воинственное настроеніе рода и пр.

Въ позднѣйшемъ періодѣ времени, когда отжили родовой порядокъ, когда явились частная собственность, частные интересы, когда одни стали бѣдными, другіе богатыми, когда образовались разные классы, разные убѣжденія и пр., явилась другая лирика, главное содержаніе которой—любовь.

Такъ представляетъ себѣ Летурно до-историческую поэзію современныхъ образованныхъ народовъ, которую можно отчасти наблюдать и у существующихъ дикихъ племенъ. Послѣ указанныхъ двухъ фазисовъ развитія поэзіи наступаетъ третій: образуются особыя сословія, которыя культивируютъ музыку и пѣніе, искусство такъ идетъ впередъ, что всякій уже не можетъ въ немъ упражняться, необходимы особенное дарованіе и подготовка. Техника совершенствуется, но въ то же время отъ этого искусство погибаетъ для свободы созданія, исчезаетъ природное вдохновеніе. Въ этотъ періодъ поэзіи вовсе не выражаетъ того, что называется „коллективной душой“ народа, появляются и обретающіе на упадокъ, налагающіе часто на нее страшное стѣсненіе и обрекающіе на упадокъ.

За этой фазой развитія поэзіи слѣдуетъ Летурно съ особенной любовью. А относительно происхожденія поэзіи онъ держится особеннаго мнѣнія, о которомъ я наметнулъ раньше. Именно, онъ доказываетъ, что поэзія началась въ драматическихъ играхъ и забавахъ, и отъ драмы, явившейся въ неразвитой формѣ, отдѣлилась мало-по-малу лирика. Очень много подробностей находится у Летурно, доказывающихъ драматичность игръ у первобытныхъ и древнихъ народовъ Австраліи, Перу и Мексики, Китая, Іудей, Греціи и т. д.

Необходимо признать, что только въ усовершенствованной формѣ драма—самый молодой родъ поэзіи, а въ формѣ начальной она могла появиться и очень рано.

Что касается другихъ двухъ родовъ поэзіи—лирики и эпоса—время ихъ происхожденія гораздо менѣе интересуетъ Летурно. Вообще же онъ приписываетъ лирикѣ старшій возрастъ, но нужно замѣтить, что лирику онъ понимаетъ въ очень широкомъ смыслѣ, когда относитъ къ ней и всѣ легенды и преданія. Изъ примѣровъ книги видно, что Летурно подъ словомъ эпосъ понимаетъ только такія разившіяся эпическія произведенія, какъ Магабгарата или Одиссея. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даетъ примѣры, которые содержатъ эпическій элементъ, а онъ ихъ называетъ „лирикой“. Съ другой стороны, наблюдается путаница и въ томъ, когда лирическія пѣсни, составленныя отдѣльными личностями, противопоставляются коллективнымъ хороводнымъ пѣснямъ.

Для нашего вопроса необходимо строго соблюдать различіе между лирическими и эпическими элементами, необходимо отличать не только главную родовую черту произведенія, которое изучаемъ, но и оттѣнки его, такъ какъ рассказъ, напр., можно переложить въ настоящей лирической тонь.

Вотъ поэтому необходимымъ мнѣ казалось прослѣдить не только систему эволюціи Летурно, но и примѣры, разбросанныя въ его книгѣ, чтобы такимъ образомъ видѣть, оправдывается ли для первобытныхъ народовъ то, что предполагалъ Якобовскій для доисторическаго человѣка, особенно на основѣ дедуктивныхъ соображеній о его психической природѣ.

И дѣйствительно, у первобытныхъ народовъ встрѣчаемъ поэтическія произведенія, во всякомъ случаѣ отличающіяся болѣе лирическимъ характеромъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

У южно-африканскихъ негровъ, стоящихъ на слишкомъ низкой степени культуры, поются заговоры и погребальныя пѣсни. Кромѣ этой „бѣдной лирики“, можетъ быть, у нихъ есть и другія поэтическія творенія, но это неизвѣстно. Поэзи готтентотовъ состоитъ въ импровизированныхъ молитвахъ и въ лирическихъ (и сатирическихъ) пѣсняхъ, соединенныхъ съ хоромомъ и музыкой и представляющихъ смерть знаменитаго вождя, охотника на охотѣ и пр. У папуасовъ, которыя достаточно интеллигентны, рядомъ съ сказаніями находимъ и военныя пѣсни. А у эскимосовъ, являющихся мирнымъ народомъ, рядомъ съ рассказами и легендами находимъ пѣсни посвященныя прославленію природы и ея красотѣ, къ которымъ этотъ народъ оказывается очень чувствительнымъ. Краснокожіе американцы имѣютъ и легенды (прозой), но большая часть поэзи у нихъ состоитъ изъ лирическихъ пѣсней—военныхъ, любовныхъ и погребальныхъ. Военныя пѣсни ихъ, по словамъ Летурно, подобны реву дикихъ звѣрей. Любопытно, что между этими лирическими пѣснями находятся состоянія изъ безсмысленныхъ словъ, оставшіяся, какъ воспоминавія нѣлаго содержанія, а другія совсѣмъ неясны, т. к. состоятъ только изъ междометій. Китай, который подтверждаетъ теорію Летурно о старѣйшинствѣ драматическихъ представленій, не даетъ въ настоящее время пѣнныхъ примѣровъ ранней лирики: первые образцы ея датированы 1766 г. до Р. Хр. И ассирійская словесность, какъ то видно по надписямъ, прочитаннымъ съ большимъ искусствомъ, содержала не только космогоническія мифы, но и гимны. Такъ какъ трудно здѣсь рѣшить, что принадлежитъ къ древнѣйшему времени, то хорошо дѣлаетъ Летурно, что нерѣшаетъ общій вопросъ на такихъ недатированныхъ фактахъ. Потому и на Бытіи библейскомъ онъ не останавливается долго, тѣмъ болѣе что находитъ сильное вліяніе на него одного ассирійскаго рассказа. Содержаніе еврейской поэзи особенно лирично, и главныя черты этой поэзи разсматриваетъ Летурно подъ заглавіемъ „лирическая еврейская поэзія“. И въ старой германской поэзи находимъ проявленіе „очень древней лирики“, напр. въ пѣсни о Лодброкѣ. Когда взглянемъ на классическіе народы, то принуждены будемъ оставить римлянъ за недостаткомъ данныхъ и остановиться на греческой поэзи. И что ви-

димъ здѣсь? Отъ древнихъ временъ здѣсь сохранились въ связи съ хороводами и пѣсни, которыя не всегда были эпичными. Въ древности были славословія, посвященные гостямъ и другимъ лицамъ въ разныхъ случаяхъ, особенно во время свадьбы и погребенія. Любопытно, что самъ Гомеръ упоминаетъ о гимeneaхъ, т.-е. о брачныхъ пѣсняхъ, которыя первоначально отличались лирическимъ характеромъ, а поздѣе могли перейти въ сказанія.

И такъ, многочисленныя условія, которыя вызываютъ дѣйствительно лирическую поэзію у первобытнаго человѣка: общественныя игры и забавы, военное настроеніе, любовь, восхищеніе красотами природы, оплакиваніе умершаго вождя или родственника, молитва къ нимъ или божеству.

Вникая въ условія, объясняющія намъ преобладаніе лиризма въ поэзіи первобытныхъ народовъ, мы должны признать, что лирика является главнымъ содержаніемъ первичной поэзіи. Говорю „главное содержаніе“, потому что и эпическія творенія создавались тогда, когда образовывались родъ или семейство, что видимъ изъ наблюденій. Поздѣе, вслѣдствіе долгаго прожитаго времени и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могъ возникнуть и развиться чистый эпосъ, въ то время какъ чистый лиризмъ свойственъ самой глубокой древности.

Впрочемъ, нѣчто подобное допускаютъ и нѣкоторые нѣмецкіе ученые, стоящіе вообще за первородство эпоса. Такъ и М. Каррьеръ допускаетъ, что главные качества, которыми отличается эпосъ, именно объективность, подробность и единство—еще неразвиты въ началѣ: отдѣльныя пѣсни, впервые зарождающіяся въ эпической поэзіи, берутъ поводомъ дѣйствительное событіе и воспѣваютъ его для прославленія какого-либо героя или подвига; въ нихъ звучитъ лирической тонъ, герой иногда является и самимъ пѣвцомъ. Для позднѣйшаго поколѣнія, для котораго не все является яснымъ, становятся необходимыми подробности и настоящій эпическій слогъ. Поздѣе является и объединеніе нѣсколькихъ пѣсней, относящихся къ одному герою или событію. И только тогда можетъ ослабѣть въ значительной степени лирической элементъ, который совершенно никогда не исчезаетъ. Посмотримъ теперь, на что опираются ученые, которые поддерживаютъ старѣйшинство эпики и которые принадлежатъ главнымъ образомъ къ нѣмецкой филологической школѣ, основанной Гриммомъ. Прежде всего они пользуются историческими доказательствами. По послѣднимъ самымъ древнимъ произведеніямъ нѣмецкой литературы, насколько знаетъ исторія, поэтическія, а самыя первыя изъ нихъ—эпическія, если начнемъ со времени Тацита. Еврейская литература начинается эпосомъ, точно также индійская и греческая. Съ другой стороны и внутреннія соображенія приводятъ этихъ ученыхъ къ тому же заключенію. Изъ всѣхъ душевныхъ силъ, по ихъ мнѣнію, при созданіи поэтического образа особенно дѣйствовало воображеніе: чувство и разумъ

стояли на второмъ планѣ. А понятію воображеніе приводило къ эпическому творчеству. Да и легче было для человѣка, предполагая указанное ученымъ, понять извѣстное событіе и представить его въ словесномъ произведеніи, чѣмъ выкинуть въ самого себя изображать свои чувства. Далѣе, будто-бы въ періодъ родового строя человѣкъ былъ способенъ творить только эпическія произведенія, потому что все индивидуальное погибало, какъ внутреннее для всѣхъ членовъ рода. Сообразно этому упомянутая школа допускаетъ, что первоначальное содержаніе эпоса состояло въ изображеніи природныхъ явленій, на которыя смотрѣли какъ на дѣла и состоянія существъ считавшихся божествами¹⁾.

Но какъ видѣли мы уже, ни одно изъ этихъ доказательствъ не выдерживаетъ критики. Сообразно природнымъ свойствамъ души первобытнаго человѣка необходимо предположить, что онъ былъ болѣе способенъ для лирическихъ проявленій своихъ чувствъ и впечатлѣній, которыя занимали его долѣе всего. Во-вторыхъ, когда человѣкъ принадлежитъ къ роду, семейству, то сохраняется все же индивидуальность, и къ тому же плѣмъ родъ можетъ имѣть одно общее чувство, такъ что и здѣсь является полный просторъ для лирики. Религіозное чувство, этотъ важный фактъ въ общемъ ходѣ развитія человѣка, способствовало тому, чтобы первобытный человѣкъ творилъ не только ямы, но и молитвы²⁾. Наконецъ, историческія примѣры, на которыхъ основывается ученіе о первоисточникѣ эпоса, малочисленны и не прочны, и если вѣрно что древнѣйшія произведенія грековъ, германцевъ и пр. эпичны, то откуда мы знаемъ, что записаны дѣйствительно только древнѣйшія. Извѣстно слабое вниманіе древнихъ народовъ ко всему, что не носитъ серьезнаго характера. Потому изъ старыхъ лирическихъ пѣсенъ только религіозныя обратили на себя вниманіе и были удостоены записи вмѣстѣ съ легендами. А на другія кто обращалъ вниманіе? Тотчасъ съ появленіемъ письменности явилось желаніе записывать событія. И вотъ въ лѣтописяхъ записываются и поэтическія преданія, которыя дѣлятся наравнѣ съ прозаическими разсказами очевидцевъ. Народныя любовныя пѣсни не были записаны у классическихъ народовъ, но нѣтъ сомнѣній, что онѣ существо-

1) Wackernagel. Poetik, Rhetorik und Stilistik, II Aufl (1888) 52—60. M. Carrière Aestetik II, 541, 533. По этой теоріи героическій эпосъ явился позже мифовъ; сказанія о герояхъ — будто-бы религіозныя (посл. прироч. явлен.) ямы, перенесенныя съ божества на героя. Но, конечно, мало вѣроятно, чтобы человѣкъ сначала создавалъ поэтическія творенія о божествахъ, а потомъ о себѣ и подобныхъ себѣ людяхъ.

2) И некоторые допускаютъ, что древнѣйшая пѣснь есть молитва. I. Grimm. Kleinere Schriften II, 460. Если примемъ, что религія возникла отъ прославленія умершихъ предковъ, то обращая вниманіе на погребальныя пѣсни и словословія, найдемъ и въ нихъ болѣе лирики, чѣмъ эпоса. Спенсеръ. Основы социолог. I, 289.

вали. Съ другой стороны предъ нашими глазами развивается поэзія у современныхъ дикихъ народовъ. Какъ мы видѣли, наблюденія въ этой области показываютъ, что эпосъ занимаетъ менѣе мѣста въ первичной поэзіи, чѣмъ лирика.

Но нужно ли здѣсь брать за аналогію дикіе народы. Е. Вольфъ, слова котораго о научномъ методѣ поэзіи я привелъ, принадлежитъ къ защитникамъ. Пользуясь только примѣрами изъ поэзіи арійскихъ и семитическихъ народовъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ, не пропустилъ-ли онъ цѣлой эпохи въ развитіи всемірной поэзіи? И на этотъ вопросъ отвѣчаетъ, что разница между поэзіей, которую застаемъ (въ исторіи, памятникахъ), какъ самую древнюю, и тою, которая на самомъ дѣлѣ была самой древней, должна быть невелика, т. к. настоящая поэзія требуетъ извѣстной степени культуры и языка. Потому, онъ думаетъ, поэзія названныхъ первобытныхъ народовъ не можетъ служить аналогіей и нормой, т. к. тѣ народы были исторически, и все у нихъ было какъ бы павыворотъ.

Такой взглядъ совершенно ошибоченъ. Если изъ жизни дикихъ народовъ берутся факты для историческаго изученія религіи, обычая, соціального строя и пр., то нѣтъ причины поступать иначе въ исторіи поэзіи. И самые культурные современные народы могли нѣкогда находиться на томъ низкомъ уровнѣ культуры, на которомъ видимъ современныхъ дикихъ народовъ, у которыхъ наблюдаемъ процессъ развитія поэзіи. Теперь можемъ спросить: гдѣ осталось выше приведенное похвальное желаніе Вольфа, по которому историческая поэзія должна опираться на полноту и порядокъ, на примѣры собранные отъ цѣлага міра?

* * *

Развитіе поэзіи и языка находится въ связи съ умственнымъ и душевнымъ развитіемъ человѣка. Если языкъ создается и развивается въ обществѣ, то и для поэзіи необходимо допустить тоже. Если на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія являются зачатки драмы и лирики, а чистый эпосъ развивается очень поздно, то значить, что въ первое время поэзія ограничена въ средствахъ своихъ: она легче изображаетъ внутренній міръ, конечно безъ самосознанія, а внѣшній міръ еще изображаетъ въ отношеніи къ внутреннему. Отсюда субъективность первичной поэзіи, сливающаяся съ ея безличностью или общенародностью. Объективность развивается, какъ и въ языкѣ, мало-по-малу. Объективность языка есть забвеніе образности. А такъ какъ поэзія есть мышленіе образами, то рождается вопросъ: не суждено-ли впоследствии поэзіи исчезнуть въ одинъ день навсегда? Но этотъ вопросъ можетъ разсматриваться особо.

Перев. Н. Грунскій.

ИЗЪ ЗАП.-ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

II.

Новые материалы для изучения истории развития семьи.

(Heinrich Cunow: Die Verwandtschafts-Organisation der Australneger. Stuttgart. 1894. 8°, Стр. 190+VIII).

Система родства, господствующая у австралийцевъ, служила неоднократно предметомъ изслѣдованія и еще чаще толкованія въ пользу того или иного взгляда на историю развитія семьи. Свѣдѣнія, которыми имѣлись объ этой системѣ до настоящаго времени, были, однако, недостаточно точны, и, какъ таковыя, позволяли однимъ опираться на нихъ для доказательства, что наиболее древней ступенью развитія семьи слѣдуетъ считать безпорядочное сожителство, другимъ — на основаніи недостаточно подробныхъ свѣдѣній, что у некоторыхъ австраійскихъ народовъ уже существуетъ счетъ родства по отцу — доказывать, что азиатическая семья была эмбриономъ развитія въ исторіи семьи вообще. Работѣ г. Кунова суждено внести свѣтъ въ дѣло изученія этой системы, и такъ какъ она имѣетъ важное значеніе для рѣшенія вопроса о ходѣ развитія семьи вообще, то трудъ г. Кунова приобретаетъ существенный интересъ для изученія законовъ развитія семейныхъ отношеній на низшихъ культурныхъ ступеняхъ.

Прежде всего г. Куновъ старается разсѣять ходячее мнѣніе, что въ лицѣ туземнаго населенія Австраліи мы имѣемъ дѣло съ однородной по своему культурному уровню массой, остановившейся въ своемъ развитіи. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этого взгляда, нисколько не; среди австраійцевъ также господствуютъ жизнь и движеніе, ростъ и упадокъ, и какъ-бы ни казались намъ ничтожными различія въ системахъ родства у наиболее низко стоящихъ племенъ Австраліи, сравнительно съ наиболее развитыми племенами ея, послѣднія прошли длинный путь, при чемъ прохожденіе его, при той медленности, съ которой подвигается впередъ культура на низшихъ ступеняхъ развитія, потребовало, вѣроятно, нѣсколькихъ тысячелѣтій. Извѣстное дѣленіе австраійцевъ на классы, связанные съ ними запретительные законы о бракѣ и нормы, опредѣляющія происхожденіе, не являются, какъ то думалъ Морганъ и др., наиболее примитивной изъ извѣстныхъ до настоящаго времени общественныхъ формъ; они не представляютъ «первыхъ робкихъ попытокъ къ развитію», напротивъ того имъ, по мнѣнію г. Кунова, предшествуетъ еще болѣе древняя стадія.

Эта стадия, освещенная впервые г. Куновым у австралийцев и которая может быть открыта на основании системы родства и у других народов, имеет наиболее важное значение для истории развития семьи: на ней мы преимущественно и остановимся.

Чтобы вполне оценить значение труда г. Кунова, вспомним, что по теории Моргана за периодом отсутствия регламентации в отношениях между лицами разного пола наступает период ограничения, и первый шаг в этом направлении выражается в форме, которую Морган называет «семьей, основанной на кровном родстве»: ограничение в этой семье заключается в запрещении вступать в брак между восходящими и нисходящими; группы супругов раздвигаются на поколения, при чем члены каждой группы считались между собой братьями и сестрами; в пределах каждой группы брак был разрешен; одну группу супругов составляли деды и бабки, другую — их дети обоего пола и, наконец, третью — их внуки. К этому выводу Морган пришел на основании изучения системы родства в Полинезии, в частности на Гавайи, вследствие чего и вся система эта названа гавайской; хотя она в настоящее время и не соответствует жизни, но она могла сложиться только при тех условиях, о которых сказано выше, когда кровные узы, воспрещающие вступать в брак, понимались только в смысле восходящих и нисходящих родственников — не больше.

Эта же система родства существует и в Австралии, и у низших племен, по крайней мере, она соответствует в значительной степени самой жизни, хотя значение ее, как это может считаться в настоящее время доказанным г. Куновым, и было неверно понято Морганом и его последователями.

Каждое из австралийских племен, т. е. группа индивидов, представляющих диалектически обособленную массу, пишет г. Кунов, делится на известное число самостоятельных групп; каждая из последних объединена владением известной территории, в пределах которой группа кочует, добывая себе скудное пропитание; объединение групп происходит лишь для празднеств и решения споров. Деления на родственные союзы не существует, но каждая группа раздвигается на три класса, между которыми брачные узы воспрещены; в настоящее время существуют ограничительные законы о браке и внутри каждого класса, но эти законы, по справедливому замечанию г. Кунова, являются продуктом дальнейшего развития, и для выяснения более древней стадии они не могут иметь значения; первый класс каждой группы состоял в более отдаленное время, вероятно, так же, как и в настоящее время, из мальчиков до 17 — 18 и девочек до 13 — 14 лет; следующей класс состоял из взрослых, которые еще не имели детей, достигших брачного возраста, и третий класс — из родителей тех, которые принадлежали ко 2-му классу, т. е. 1-й класс состоял из внуков, 2-й из отцов и 3-й из дедов; члены каждого класса считаются между собой братьями и сестрами. В понятиях *дядя*, *отец*, *сын* — лежат у австралийцев, однако, представления не о кровном родстве, как думали

раньше, а лишь о различіях по возрасту; это доказывается тѣмъ, что этимологія указанныхъ терминовъ указываетъ на происхожденіе изъ отъ словъ, означающихъ возрастъ лица; напр., у Банкуа: *kimbājā*—большой, *kimbija*—отецъ; у Ваамбо: *kimbaia*—большой, *kimbia*—отецъ, у жителей сѣв. Кавказа слово *junger, yanga, yunga* и пр. означаетъ и мать, и взрослую женщину. Такимъ образомъ, принявши, что первоначальное дѣленіе группы основывается на возрастѣ входящихъ въ ея составъ лицъ, мы получимъ естественное дѣленіе: на лицъ, еще не достигшихъ брачнаго возраста, лицъ, достигшихъ его, и, наконецъ, стариковъ. Что именно возрастъ, а не кровное родство, опредѣляетъ положеніе лица въ группѣ, доказывается и тѣмъ, что каждый классъ находится въ постоянномъ измѣненіи; напр., два лица, которые, по нашимъ представленіямъ о родствѣ, считаются двоюродными братьями, будутъ, если одному 30 лѣтъ, а другому 15—принадлежать къ различнымъ классамъ, при чемъ старшій будетъ считаться отцомъ младшаго; но когда послѣдній, достигнувъ брачнаго возраста перейдетъ въ классъ «отцовъ», то онъ будетъ считаться «младшимъ братомъ» старшаго; точно также при известныхъ условіяхъ племянникъ отъ старшей сестры или младшая племянница (дочь дяди по отцу) могутъ оказаться братьями и сестрами тетки. Такого рода переходъ изъ класса въ классъ внутри группы нѣтъ, по словамъ г. Кушова, мѣсто только у тѣхъ племенъ, которыя не развили еще дѣленія на брачныя классы, какъ Камиларои, гдѣ принадлежность къ классу опредѣляется происхожденіемъ¹⁾.

Такъ какъ браки въ предѣлахъ каждаго изъ классовъ по возрасту разрѣшаются, то если дядя и племянница, тетя и племянникъ окажутся въ одномъ классѣ, то браки между ними могутъ состояться; то-же слѣдуетъ сказать и относительно родныхъ брата и сестры. Единственнымъ ограниченіемъ является запретъ родителямъ состоять въ одномъ классѣ съ дѣтьми, а слѣдовательно и вступать съ ними въ бракъ. Но и от-

¹⁾ Дѣленіе Камиларои является уже продуктомъ позднѣйшаго развитія; они дѣлятся на двѣ крупныя группы: Dilbi и Kupathin (наз. г. Кузовымъ вслѣдъ за Морганомъ «ратриями»), основанныя на кровномъ родствѣ и ведущія свое происхожденіе отъ женщинъ родоначальницъ; Dilbi дѣлятся на три рода: Duli, Murgiga и Mute; Kupathin—также на три: Dinoun, Bilba и Nurai. Рядомъ съ этой организаціей существуетъ еще раздѣленіе на 4 класса, а именно: въ «ратрии Dilbi: I Murgi (женск. mata) и II Kubbi (женск. kubbota); въ «ратрии Kupathin: III Irrai (женск. irrata) и IV Kumbo (женск. buta). Членъ класса Irrai могъ жениться только на женщинѣ изъ класса kubbota, kumbo—только на mata, murgi—только на buta, kubbi—только на irrata. Дѣти отъ этихъ браковъ причисляются къ роду матери, но входятъ въ составъ другого, чѣмъ ихъ мать, класса той-же «ратрии, т.-е. дѣти женщины изъ рода Duli («ратрии Dilbi) класса mata, будутъ также Duli но войдутъ въ классъ kubbi (kubbota). Наоборотъ, дѣти женщины рода Duli, но класса kubbota, войдутъ въ составъ класса murgi (mata). Отсюда происходитъ, что дѣти женщины изъ класса kubbota всегда будутъ считаться въ классѣ murgi (mata); дѣти buta—въ классѣ irrai (irrata); дѣти mata—въ классѣ kubbi (kubbota) и дѣти irrata—въ классѣ kumbo (buta).

числительно этого запрещенія есть основаніе предполагать, что оно не является первоначальнымъ, такъ какъ, несмотря на него, браки между родителями и дѣтьми продолжаютъ встрѣчаться.

Картина, которую раскрываетъ передъ нами г. Куновъ, рисуется стадію беспорядочнаго сожителства, когда единственнымъ ограниченіемъ двумъ лицамъ вступать въ сожителство служилъ возрастъ. Первое ограниченіе, вытекающее изъ кровнаго родства, заключается на этой стадіи въ запрещеніи родителямъ вступать въ бракъ со своими дѣтьми, и это второе весьма важное свѣдѣтельство, которое намъ даетъ г. Куновъ: въ самомъ дѣлѣ, чтобы это ограниченіе могло быть примѣняемо на практикѣ, необходимо, чтобы отецъ былъ извѣстенъ; это-же условіе необходимо для перечисленія лица изъ класса отцовъ (т.-е. не имѣющихъ дѣтей, достигшихъ брачнаго возраста) въ классъ дѣдовъ. Этимъ опровергается положеніе, что отецъ на нижней ступени общественнаго развитія оставался неизвѣстнымъ—положеніе, на основаніи котораго строился выводъ о неизбѣжности существованія на данной ступени цивилизаціи счета родства по женской линіи. При полной свободѣ сожителства между лицами одного и того-же класса, когда извѣстное лицо могло сожителствовать хотя-бы съ родной сестрой, союзы все-же имѣли извѣстную продолжительность.

Дѣйствительно, и въ настоящее время найти примѣры супружеской вѣрности среди австралийцевъ большая рѣдкость; случаи нарушенія ея, несмотря на то, что ревность является качествомъ сильно развитымъ у мужчинъ, встрѣчаются часто и не возбуждаютъ неудовольствія въ членахъ группы, если только нарушители принадлежатъ къ одному классу по возрасту. Несмотря однако на это, союзы всегда имѣютъ извѣстную продолжительность; изъ всеобщаго употребленія словъ: отецъ, мать—въ отношеніи ко всемъ членамъ старшаго класса, замѣчаетъ г. Куновъ, не слѣдуетъ дѣлать заключенія, чтобы австралиецъ не зналъ мужа своей матери во время его рожденія; онъ знаетъ не только его, но и отцовъ другихъ дѣтей своей группы и подчасъ даже и сосѣднихъ группъ.

Положеніе женщины у низшихъ австралийскихъ племенъ крайне привилегированное: физическое превосходство мужчины и здѣсь играетъ свою роль; «мужъ абсолютный собственникъ своей жены (или женъ): онъ можетъ обращаться съ ней хорошо или дурно—совершенно по произволу; онъ можетъ оставить ее у себя, проститировать ее, промѣнять на другую женщину или отдать ее другимъ членамъ одного съ нимъ класса». Если вспомнить, что территоріальныя группы, единственныя, на которыя—если оставить въ сторонѣ классификацію по возрасту—дѣлятся низшія племена австралийцевъ, крайне немногочисленныя (40--50 лицъ), то фактъ, что отецъ ребенка оказывается извѣстнымъ, будетъ совершенно понятенъ; но изъ этого факта еще отнюдь нельзя дѣлать заключенія, какъ это было сдѣлано между прочимъ г. Штарке, что на низшихъ ступеняхъ развитія мы уже встрѣчаемся съ зародышемъ агнатической семьи. Въ той стадіи, которую передъ нами раскрываетъ г. Куновъ, опредѣленія родства, строго говоря, не существуетъ и не можетъ существовать, такъ какъ не вырабаталось еще вообще понятія о кровномъ родствѣ; при рожденіи ребенка

его причислять къ *территориальной* группѣ¹⁾, къ которой принадлежатъ его родители, не дѣлая при этомъ различія, оказывается-ли мать его членомъ этой территориальной группы по происхожденію, или она введена въ нее инымъ путемъ: похищеніемъ, покупкой или мѣной. Дѣло въ томъ, что, при малочисленности территориальныхъ группъ, мужчинамъ нередко приходится искать себѣ женъ изъ соседнихъ группъ, и это даже у низшихъ племенъ (какъ, напр., у Ваиуговъ) приводитъ или къ похищенію или къ мѣнѣ сестрами со стороны лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ территориальнымъ группамъ. Этотъ-же недостатокъ женщинъ приводитъ у нѣкоторыхъ племенъ Австраліи и къ полиандріи, при чемъ старшіе братья разрѣшаютъ сожительство съ своими женами младшимъ братьямъ, подлѣ условіемъ подобнаго-же разрѣшенія со стороны послѣднихъ послѣ женитбы.

Система родства, которую г. Куповъ встрѣтилъ у низшихъ австралийскихъ племенъ и которая позволила ему обрисовать одну изъ наиболее первобытныхъ формъ общественнаго развитія, не является исключительнымъ достояніемъ австралийцевъ: система родства у полинезийцевъ («гавайская») и у зулусовъ, по справедливому объясненію г. Купова, сохраняетъ ясныя слѣды таковаго-же порядка вещей, какъ и у австралийцевъ, и если указаннымъ фактомъ до извѣстнаго новыя аналогичныя и недостаточныя для возведенія вышеприведеннаго вывода г. Купова въ общій законъ человѣческаго развитія, онъ тѣмъ не менѣе заставляетъ критически отнестись къ господствующему мнѣнію, что матриархатъ является неизбежнымъ слѣдствіемъ той стадіи развитія, когда отецъ былъ неизвѣстенъ: мы имѣемъ здѣсь форму обществія, гдѣ при извѣстности обоихъ родителей отсутствуютъ институтъ родства.

Первый шагъ къ ограниченію свободы общеній заключался, какъ было отмѣчено выше, въ запрещеніи родителямъ и дѣтямъ вступать въ бракъ: развитіе представленій о кровномъ родствѣ распространило запретительныя законы на родныхъ братьевъ и сестеръ, даже на двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ; въ этомъ состояніи развитія находятся въ настоящее время племена Гурититшара и Курнаи, при чемъ у первыхъ еще встрѣчаются браки между членами одной территориальной группы, а у вторыхъ браки запрещаются, вслѣдствіе близости родственныхъ узъ, даже съ представителями нѣкоторыхъ соседнихъ группъ. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ родство одинаково служитъ препятствіемъ къ браку, безъ различія, будетъ-ли оно родствомъ съ отцовскою или материнскою стороною. Племя Нарриньери пошло въ этомъ отношеніи еще дальше: запретительныя законы распространяются здѣсь одинаково, какъ на членовъ территориальной группы отца, такъ и матери.

Не ясно, имѣетъ г. Куповъ, что даго толчекъ къ развитію этихъ

1) Территориальныя группы объединены только обществомъ территорій; дѣленіе на тотемическія группы появляется впоследствии. Названіе территориальной группы получаютъ отъ характера занимаемой или мѣстности, и при переимѣнъ послѣдней является и названіе группы.

ограничений: быть может, стали замечать, как на это, повидимому, указывает одно из преданий племени Диейри¹⁾, что браки братьев и сестер имѣли результатомъ дегенерацию; одно лишь совершенно ясно, продолжаетъ авторъ, что въ исторіи этихъ ограниченій играютъ роль понятія о родствѣ, представленія о кровныхъ узлахъ.

Тотъ-же порядокъ, который господствуетъ при существованіи исключительно дѣленія племени на территориальныя группы, продолжаетъ существовать нѣкоторое время и послѣ того, какъ территориальная группа развилась въ тотемическую, т. е. группу, которая признаетъ существованіе известной связи между каждымъ изъ своихъ членовъ и известнымъ видомъ животныхъ или растений, и появилось сознаніе, что члены одной группы происходятъ отъ «той-же плоти», какъ, напр., у племенъ Турра, Мурраиангъ, Нарриньери и др., т. е. дѣти причислялись къ группѣ отца, и это вполнѣ естественно: такъ какъ тотемическій союзъ первоначально совпадалъ съ группой территориальной, то и женщина, захваченная членомъ чуждой группы, продолжаетъ, какъ и до возникновенія союзовъ тотемическихъ, считаться принадлежностью той группы, въ которую ее ввелъ мужъ; отдѣленная отъ своей родни, она является собственностью мужа, и даже послѣ его смерти она, въ качествѣ собственности группы, должна была переходить къ братьямъ мужа, если они того желали.

Съ развитіемъ родовыхъ союзовъ происходитъ перемена: появляется матриархатъ; ребенокъ по прежнему причисляется къ территориальной группѣ отца, но входитъ въ составъ родового союза матери (фратрія и родъ — тотемическій), т. е. прежде, при отсутствіи или при сравнительно маломъ развитіи рода, исключительно господствовавшій территориальный принципъ начинаетъ уступать развитіемуся родовому устройству. Переходъ этотъ естественно совершался лишь постепенно и долженъ былъ пройти нѣсколько промежуточныхъ ступеней. Причины замѣны территориальнаго принципа родовымъ остаются неясными: быть можетъ, пишетъ г. Кунновъ, что вслѣдствіе увеличивающейся, благодаря развитію запретительныхъ законовъ, свободы въ отношеніяхъ между лицами различнаго пола, преимущественно вслѣдствіе возникновенія брачныхъ группъ *тирауру*²⁾, опредѣленіе отца съ достовѣрностью становилось все менѣе

1) Приводимъ это интересное преданіе, бросающее свѣтъ на древніе отношенія между племями у австралийцевъ, со словъ г. Куннова: „Послѣ созданія міра, отцы, матери, братья, сестры и другіе близкіе родственники вступали безъ различій между собой въ бракъ, пока не стали обнаруживаться вредныя послѣдствія подобнаго порядка вещей. Вожди начали совѣщаться и обдумывать средства къ измѣненію положенія; рѣшили обратиться съ просьбой къ Мурамура (вѣл. духу), и тотъ приказалъ, чтобы каждое племя было раздѣлено на различныя вѣтви и эти послѣднія были названы каждое отдѣльнымъ именемъ, заимствованнымъ отъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, напр. динго, мышь, эму, дождь, ищерица и пр.; члены одной и той же группы не должны были вступать въ бракъ“.

2) Диейри вымѣниваютъ на сестеръ, приобретають покупкой или службой въ домъ будущаго тестя или, наконецъ, похищаютъ себя женъ; приобретенная этимъ путемъ жена называется — *ноа*. Но вступать въ союзъ съ ней

возможнымъ; быть можетъ также, что стали принимать, что ребенокъ вслѣдствіе акта дѣторожденія происходитъ исключительно отъ плоти матери; какъ-бы то ни было, но у болѣе развитыхъ племенъ Австраліи территориальный принципъ при опредѣленіи происхожденія замѣненъ уже счетомъ родства по женской линіи.

Съ появленіемъ матриархата привычное положеніе женщины, однако, нисколько не измѣняется къ лучшему: мужъ занимаетъ по прежнему свое первенствующее мѣсто и продолжаетъ считаться собственникомъ жены и дѣтей; жена и при господствѣ матриархата переходитъ жить въ территориальную группу, къ которой принадлежитъ ей мужъ, и ему, какъ собственнику жены, принадлежитъ не только дѣтя, рожденныя отъ него, но и тѣ, относительно которыхъ онъ знаетъ или предполагаетъ, что не онъ является изъ дѣйствительнымъ отцомъ. Рѣзко высказывается противоположность между территориальнымъ и кровнымъ принципами въ обычай, согласно которому, если даже отецъ (юридическій) умретъ тотчасъ послѣ рожденія ребенка, и его иждивъ дается группой мужа разрѣшеніе возвратиться съ ребенкомъ въ ея родную группу, — ребенокъ обязанъ черезъ нѣсколько лѣтъ возвратиться въ группу, къ которой принадлежалъ его отецъ. Въ этомъ обычай ясно проведенъ взглядъ, что территориальная группа, которая при существованіи матриархата не состоитъ изъ кровныхъ родственниковъ, а изъ лицъ, принадлежащихъ уже къ развитымъ тотемическимъ союзамъ, объединенная общностью интересовъ и стремленіемъ увеличиться численно, — считаетъ себя собственницей ребенка, рожденного отъ брака одного изъ лицъ, входящихъ въ нее, и женщины, добытой этими лицами трудомъ или покупкой и являющейся, какъ таковая, его собственностью; но при этомъ кровный

имѣетъ право не только мужа, но еще рядъ лицъ, — быть можетъ, замѣщать г. Купонъ, *вся линія* одного возраста съ мужемъ, члены его группы; мужъ въ свою очередь имѣетъ такіе-же права по отношенію къ женамъ этихъ лицъ: мужья считаются по отношенію другъ къ другу *пираруу*; эти же имена называютъ другъ друга и жены подобныхъ товарищей. Здѣсь мы имѣемъ видъ групповаго брака, и едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что институтъ пираруу является отголоскомъ стадія безсознательнаго сожительства. Число пираруу колеблется между 4 и 10 и болѣе соучастниковъ. Приписывать этому институту значеніе фактора, вызвавшего къ жизни матриархатъ, какъ это дѣлаетъ г. Купонъ, едва ли основательно, такъ какъ, и при полномъ господствѣ территориальнаго принципа при опредѣленіи происхожденія новорожденнаго, какъ это отмѣчено г. Купоннымъ, случаи супружеской вѣрности встрѣчаются рѣдко, известна полиандрія и, наконецъ, существуетъ даже обычай проституировать своихъ женъ, слѣдовательно, опредѣленіе фактического отца такъ-же трудно, какъ и при существованіи института пираруу. Едва ли не будетъ вѣрнѣе объяснить появленіе матриархата развитіемъ представлений о кровномъ родствѣ, представлений, которые еще не существуютъ или находятся только въ зародкѣ при господствѣ территориальнаго принципа; въ этотъ періодъ ребенокъ не считался связаннымъ съ родителями кровными узамъ и принадлежалъ группѣ; при появленіи понятій о кровномъ союзѣ, обь узамъ, связующихъ родителей и дѣтей, — узы, связывающія ребенка съ матерью, должны были считаться наиболее вѣрными, какъ вслѣдствіе ихъ, такъ сказать, ббльшей наглядности, такъ и вслѣдствіе непрочности брачныхъ союзовъ, которые легко и часто расторгаются среди австралийцевъ.

принципъ не терпитъ нарушенія, такъ какъ ребенокъ, какъ собственность группы, обязанъ жить въ этой группѣ и служить ея интересамъ, тѣмъ не менѣе считается принадлежащимъ къ роду своей матери. Господство женщины и уничтоженіе права мужчины на своихъ дѣтей, переходъ этихъ правъ въ руки матери и ея рода, представителемъ котораго обыкновенно въ отношеніи къ судьбѣ дѣтей является братъ матери (дядя съ материнской стороны), является уже результатомъ дальнѣйшаго развитія родового союза и не можетъ считаться первоначальнымъ въ исторіи развитія материнскаго рода, по крайней мѣрѣ на той стадіи, на которой находятся еще австралійцы.

Значеніе появленія матриархата для общественнаго устройства австралійцевъ было громадно: если первоначально эндогамныя территориальныя группы, съ увеличеніемъ числа запретительныхъ законовъ о бракѣ, становились все болѣе экзогамными, то при возникновеніи тотемическихъ союзовъ онѣ представляли нѣкоторое время однородную по своему происхожденію массу. Послѣ появленія матриархата однородный составъ территориальной группы претерпѣваетъ слѣдующее измѣненіе: такъ какъ жены берутся изъ различныхъ тотемическихъ союзовъ, и дѣти отъ такихъ браковъ, оставаясь въ территориальной группѣ отца, причисляются къ тотемическому союзу матери, то группа стала вскорѣ состоять изъ членовъ различныхъ тотемическихъ союзовъ, а такъ какъ браки, если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя ограниченія, между членами различныхъ тотемическихъ союзовъ разрѣшаются, то территориальная группа изъ экзогамной становилась въ значительной степени снова эндогамной, т. е., такъ сказать, возвращалась къ первоначальному своему состоянію.

Такимъ образомъ, трудъ г. Кунова открылъ среди считавшихся однородными по своему общественному развитію австралійцевъ цѣлую исторію развитія общественныхъ отношеній, начиная отъ низшей стадіи, до сравнительно высокой, до которой подыались австралійскія племена, но которая въ общей исторіи развитія оказывается все-же ниже, чѣмъ стадія съ развитымъ матриархальнымъ родомъ, которая извѣстна намъ у многихъ дикихъ племенъ.

Если въ прежнее время являлось возможнымъ, вслѣдствіе казавшейся сложности и неясности правилъ, регулирующихъ взаимныя отношенія родовыхъ и территориальныхъ группъ австралійцевъ, вслѣдствіе разбросанности представителей разныхъ родовъ среди многочисленныхъ территориальныхъ группъ, — считать, что современное намъ населеніе Австраліи — «не болѣе, какъ разбѣянные остатки прежнихъ взаимно истребившихъ другъ друга племенъ», — то послѣ работы г. Кунова становится вполнѣ яснымъ, что австралійскія племена достигли современнаго имъ развитія въ сферѣ общественныхъ отношеній — путемъ органическаго развитія.

Было-бы, несомнѣнно, преждевременнымъ думать, что путь, по которому шло развитіе общественныхъ отношеній у австралійскихъ племенъ, является обязательнымъ и для другихъ народовъ, достигшихъ болѣе высокихъ ступеней культуры: возраженіе, будто австралійцы развивались

исключительнымъ путемъ, еще не опровергнуто и будетъ, несмотря на полную свою бездоказательность, въ силѣ, пока детальное изученіе примитивныхъ народовъ не опровергнетъ его. Но уже тотъ фактъ, что хотя бы и въ одной Австраліи общественное развитіе приняло другіе пути, чѣмъ это предполагалось господствующей теоріей, служить для послѣдней важнымъ дополненіемъ и поправкой, и если бы впоследствии было доказано, что этимъ-же путемъ развивались и другіе народы, то господствующая теорія получила бы иное освѣщеніе, но осталась бы непоколебленной въ основномъ своемъ положеніи, что счетъ родства по женской линіи предшествуетъ счету родства по мужской, такъ какъ предшествующая матриархату стадія развитія, которую освѣтилъ для австралійцевъ г. Кунновъ, — оказывается періодомъ отсутствія родственныхъ понятій и непониманія значенія кровныхъ узъ.

Н. Харузинъ

СМЪСЬ.

Мелкія фольклористическія замѣтки ¹⁾.

6. Змѣй Горынычъ и Тугаринъ Змѣевичъ.

Чаще всего имя Горынычъ встрѣчается рядомъ съ Добрыней, особенно въ былинѣ, въ которой описывается купанье Добрыни въ рѣкѣ Пучай и бой со змѣемъ (змѣишице Горынище, змѣя Горынича, змѣяшице Горыничице, Гильф., 472, 560, 800; змѣице Горыничице, Кирѣевскій, в. 2, стр. 23; змѣишице Горынишице, Былины стар. и нов. записи, М. 1894, стр. 71). Иногда это имя является и въ другой былинѣ о Добрынѣ, изображающей его любовь къ Маринѣ (Горынище проклятое, татаринъ Горынище поганое — Оддѣице поганое, Гильф., 469, 661); иногда же въ этой послѣдней былинѣ стоятъ другое имя — Тугаринъ (Туга-змѣевичъ, Тугаринъ змѣевичъ или змѣевичъ, Гильф., 116, 1088, 1205, 1250). Въ «Егоріѣ Храбромъ» царь Демянище названъ однажды Горыничемъ (А. Н. Веселовскій, Мелк. зам. къ былинамъ, XX. Больш. стихъ о Егоріѣ и сказка объ Ильѣ и змѣѣ, стр. 62); въ нѣкоторыхъ былинахъ о Дюкѣ «змѣице Горыниче» (ibid.). Въ сказкѣ «Степанъ великій панъ» у Романова, Бѣлорусск. Сборн., в. 2, стр. 219: «Змѣй Горынецъ»; у Афанасьева на этомъ мѣстѣ Цыгаринъ, т.-е. Тугаринъ; въ монгольскихъ сказкахъ *маньсы*, многоголовый змѣй. Въ пѣсняхъ уральскихъ и терскихъ казаковъ рѣки: Яикъ Горынычъ, Терекъ Горынычъ (Сборн. матер. для опис. плем. и жѣсти Кавказа, в. VII, стр. 119).

Въ былинѣ о боѣ Добрыни съ Горыничемъ мѣстообитавіемъ Горыныча выставляются горы Сорочинскія (Гильф., 471, 560, 746, 802), иногда Туги-горы (Гильф., 317, 342). Змѣй живетъ въ этихъ горахъ въ пещерѣ; сюда онъ сноситъ свою добычу, свой полонъ. Иногда Горынычъ изображается летучимъ (Гильф., 315, 472 и др.); когда онъ летитъ, громъ гремѣть, шумъ идетъ (ib., 472, 665); богатыря змѣй осыпаетъ искрами, жжетъ его тѣло (Гильф., 473, 800; Былины стар. и нов. записи, 71). У змѣя три (472) или восемь (665) годовъ и 12 (472, 800) или 30 хоботовъ. Въ былинѣ описываются два поединка Добрыни съ змѣемъ; въ первый разъ Добрыня схватился со змѣемъ послѣ того, какъ его водворотъ рѣки Пучай занесъ въ пещеру, въ которой змѣй живетъ; змѣй

¹⁾ См. „Этн. Об.“, XXIV, 127.

дасть зарокъ не летать въ Русь, не уносить пологъ въ пещеру; Добрыня отпускаетъ змѣя на волю, но онъ летитъ мимо Кіева и уноситъ племянницу Владимира Занаву Путятичу (Забаву Потятичу, З. Потятичу (Гилье., 474, 746, 801) или дочь князя Маренду Всеславьевну (Гилье., 316) или жену Владимира Апраксию¹⁾ (Был. ст. и нов. записи, 72 — 74). Добрыня ѣдетъ въ горы Сорочинскія (или въ Туги-горы), убиваетъ змѣя и освобождаетъ племянницу. У Кирѣвскаго (вып. 2, стр. 49) Добрыня освобождаетъ изъ змѣйнаго пѣна свою тетку Марю Дивовну.

Въ статьѣ «Былина о Добрышѣ и монгольское сказаніе о Гесарѣ» (въ Вѣсти. Европы, 1890, сент.) мы отблгли общеніе между Добрыней и Хань-Гужиремъ бурятской сказки. Здѣсь мы имѣемъ дополнить наши объясненія.

Хань-Гужиръ ѣдетъ добывать пещеръ Нарань-Герзла; на дорогѣ встрѣчаетъ умирающаго богатыря Ходою. Этотъ эпизодъ мы сблизали съ эпизодомъ монгольской сказки о Эрдни-Хараликѣ (Этн. Обзор., кн. XVIII, стр. 24). Эрдни-Хараликъ отправляется за дакини, но сначала онъ долженъ добыть сердце корою Ракша-Куранъ. По дорогѣ въ этому чудовищу Эрдни-Хараликъ набѣгаетъ на толпу ужасныхъ асуровъ. Сблизая эти эпизоды, Ракша-Курина мы приравняли къ Нарань-Герзлу; толпа асуровъ, по нашему предположенію, замѣстала Ходою. Если мы взглянемъ на русскую былинну, какъ на видоизмѣненіе этого сюжета, если Добрыню примемъ за Эрдни-Харалика, то змѣя Горынычу русской былинны въ монгольской сказкѣ отыщется корою Ракша-Куранъ, которая окружена облаками пара, ею выдыхаемого, изъ которыхъ сверкаютъ молніи, потрясающія всю страну—образъ, напоминающій нашего Горыныча, смылагого неспря.

Ракша, первый членъ монгольскаго парнаго, есть санскритское гаха, особые духи, натающіеся на кладбищахъ, поѣдшіе сырое мясо и принимающіе различныя образы.

Второй членъ «курунъ» какъ будто выходитъ въ связи съ монгольскимъ *муръ*, «корова», Корова статья на дальнемъ востокѣ часто превращаются злымъ персонажемъ; злему тибетскому царю Ландарий, говятелу буддизма, преданіе приписываетъ бычьи рога; зное существо, поѣдающее людей, въ китайскихъ сказаніяхъ носить имя Нью-тоу-ванъ, «бычголовой царь». Въ вариантѣ сказки о Богаръ-Меджитѣ, записанномъ мною, царь-наспльникъ называется Ухыр-Бама-ханъ, «Корова-Бама-царь» (Очеркн с. з. Монгол., II, 154). Ерликъ-ханъ, царь ада, виновникъ смерти людей, изображается съ бычьей головой; это и есть змѣй нашихъ народныхъ представленій.

¹⁾ «Ступила княгиня со бѣла камня на змѣя, обвилася змѣй вокругъ равныхъ ногъ, посадила княгиню на могучи плечи и увезъ въ пещеру глубокія» (Был. ст. нов. записи, 73). Въ былинѣ о Горынычѣ, помѣщенной въ «Извѣстіяхъ» Имп. Акад. Наукъ по отдѣлу русск. яз. и словесности, т. II, стр. 279, послѣдствія промаха княгини другія: ходила княгиня по прутьямъ горамъ, наступила на люта змѣя Горыныча; змѣй обвилася вокругъ ноги; княгиня повосъ повесла; чядо провѣвшилась: «не дамъ тебя въ обиду змѣю, и когда буду въ возрастѣ, зайду въ пещеру змѣевы, отрублю змѣю голову, принесу тебѣ».

Эпизода, отвѣчающаго встрѣчѣ съ асурами, въ русской былинѣ нѣтъ: но не было ли эпизода въ томъ родѣ, какъ въ сказкѣ о Ходоѣ или какъ въ эпизодѣ о Росланеевой головѣ русской сказки, которой мы обладаемъ съ рассказомъ о Ходоѣ? У Чулкова богатырь Агрикановъ заѣмъ щаетъ кладовую съ оружіемъ тому, кто побѣдитъ всѣхъ богатырей на его тразнѣ. Богатырь умеръ, голова его лежитъ на костяномъ полѣ. Добрыня нашелъ подъ нею ключъ, отперъ кладовую, освободилъ запертого Торопа и добылъ мечъ (Рыби., II, примѣч. Безсонова къ № 64²).

Эпизодъ о Добрыньѣ на костяномъ полѣ могъ стоять въ былинѣ передъ битвой на горахъ Сорочинскихъ подобно тому, какъ Росланеева голова лежитъ на переднемъ пути Бруслана къ царю Пламенный щитъ, Огненное копые, или какъ тѣло Ходоѣа на переднемъ пути Ханъ-Гужира къ Наранъ-Герэлу. Мы думаемъ, и въ монгольской сказкѣ были тѣ-же образы; Эрдени-Хараликъ, вѣроятно, набѣжалъ на богатыря, который находился въ положеніи или Рослана или Ходоѣа; назывался этотъ богатырь въ немощи Асуромъ, или, какъ мы уже высказались ранѣе, Казыромъ (Этногр. Обзор., кн. XVIII, стр. 24), т.-е. Гасэромъ; но при буддѣйской обработкѣ сказки это имя напоминало асуровъ, темное племя, живущее при подошвѣ горы Сумеръ и ведущее войну съ танграмъ, свѣтлыми существами, обитающими на вершинѣ горы, и асуры вытѣснили и прежнее имя, и прежній образъ.

Сравнивая русскую былинну съ монгольской сказкой объ Эрдени-Хараликъѣ, мы для двухъ эпизодовъ видимъ параллели, для другихъ двухъ: 1) купенье въ Пучай-рѣкѣ и 2) угоны лошади и увозъ досѣлковъ богатыря его слугою или роднымъ братомъ Потыкомъ — совсѣмъ нѣтъ соответствующихъ рассказовъ въ монгольской сказкѣ. Кромѣ того, конецъ монгольской сказки только отчасти отвѣчаетъ русской былинѣ. Добрыня привозитъ женщину, увезенную змѣемъ; въ монгольской сказкѣ Эрдени-Хараликъ приводитъ дакини, о которой не говорится, чтобъ она была передъ тѣмъ похищена или увезена, хотя подозрѣваетъ подобный видъ редакціи можно. Убіеніе чудовища Ракша-Курина въ сказкѣ ясно не мотивировано. Не потому ли его нужно было убить, что онъ иначе не позволялъ бы увезти дакини? А если въ самомъ дѣлѣ въ сказкѣ проведено сочувственное отношеніе дакини къ ея увозу, какъ это намъ кажется (см. «Этногр. Обзор.», кн. XVIII, стр. 15), то подозрѣніе въ томъ, что дакини находится въ плѣну у злого чудовища Курина, усиливается.

Въ былинѣ, записанной С. И. Гудачевымъ отъ Леонтія Тунищина въ

¹) Торопа, кажется, и теперь еще помнятъ при Добрыньѣ оловецкая былина. Въ одной былинѣ мы находимъ такое мѣсто: „Младъ-то слуга да былъ онъ торопокъ, а усналь-то у Добрынюшки добра кола, а увезъ-то у Добрынюшка тугой дугъ, а увезъ-то у Добрыни саблю вострую, а увезъ копые да долгомѣрное, а у везъ-то онъ палицу военную, столько онъ оставилъ оду шляпошкку, одну шляпу-то оставилъ земля греческой“ (Гилье., 315). Первую строку не сдвдуетъ ли написать такъ: „Младъ-то слуга да былъ онъ Торопокъ“? Въ былинѣ старинной записи Торопъ—слуга Алеши Поповича (Былины стар. и нов. записи, М., 1894, отд. I, стр. 60).

Барнауль, второй бой Добрыни со змеем рассказанъ съ подробностями, которыхъ нѣтъ въ другихъ вариантахъ. Хотя уже во время первого боя змѣй описывается летучимъ, приготовляясь ко второй битвѣ, Горынычъ поднимаетъ себѣ крылья бумажныя. Заслышавъ приближеніе Добрыни, змѣй летитъ навстрѣчу. Тутъ Добрыня «снизвалъ свои руки на небо, самъ говорить теквыи слова: Спась-ли, Спась, Боже милосердый! Мати Пречистая, Пресвятая Богородица! Создай, Господи, дождичка!» Нашла туча, пошелъ дождь, подкочило у змѣи бумажныя крылья, упалъ змѣй на сыру землю (Быт. ст. и нов. записи, 75).

Эта же тема встрѣчается и въ былинѣ объ Алешѣ Поповичѣ; у Тугарина Змѣевича бумажныя крылья; по молитвѣ Алеша идетъ дождь, и послѣдствія тѣ же. Въ ордынскомъ фольклорѣ мы имѣемъ слѣдующій параллель. Шидырванъ, монгольскій князь, извѣнчалъ противъ катаяскаго императора, вѣсть въ пѣль; его везуть въ Пекинъ, но онъ улетаетъ изъ руки китайцевъ и поднимается на воздухъ; тогда китайскій императоръ велитъ служить молебствіе; слугамъ и Шидырванъ опускается на землю («Очерки сѣв.-зап. Монгол.», IV, 298). Въ дюрбутовской сказкѣ или былинѣ Ирнъ-Сайнъ добылъ чернаго быка, въ которомъ заключалась душа или смерть мангыса, чудовища, отчасти соответствующаго нашему змѣю. Онъ открываетъ утробу чернаго быка; изъ нея вылетаетъ дѣвчадцѣ пташкѣ и поднимаются къ небу; Ирнъ-Сайнъ дѣлаетъ дулу, т.-е. посредствомъ вѣщаго звѣня производитъ несчастье; идетъ желѣзный градъ; все пространство покрылось кровомъ и лучи освѣщали и согревали только небольшой участокъ на сѣдлѣ Ирнъ-Сайна; птицы озибза и спустилась на это свѣтлое пятнышко. Тутъ Ирнъ-Сайнъ убиваетъ ихъ («Очерки сѣв.-зап. Монгол.», IV, 461). Въ бурятской сказкѣ объ Алтанъ-шагай-мэргийѣ конь этого богатыря насильно везетъ дѣвицу Гхайханъ-арэнъ-тарбаши; дѣвица хочетъ освободиться; она вынимаетъ изъ кармана тарбашиными перья (т.-е. перья степного ораа) и, воткнувши ихъ въ свое тѣло, нажиревается улетѣть. Конь зажалъ зубами объ ноги дѣвицы и не отпустилъ ее. Привезши дѣвицу къ мѣсту, гдѣ лежали кости убитаго богатыря хозяина, конь опускаетъ дѣвицу на кости. Но она улетаетъ къ небу. Тогда конь ржетъ слѣдующими словами: «Эсэгэ-Маланъ-тангри! ты, творецъ! къ этому умершему моему хозяину я привезъ Гхайханъ-арэнъ-тарбаши, но она, не оживавъ богатыря, вознеслась на небо». Эсэгэ-Маланъ, царь неба, посылаетъ каменный градъ и кровавый дождь; солнце свѣтитъ лишь надъ ногтями Алтанъ-шагай-мэргина. Тогда эта дѣвушка, шлепая распростертыми крыльями, опускается на эти кости («Сказаніе бурятъ, записан. разн. собирателями». Иркутскъ, 1890, стр. 12) ¹⁾.

1) О другихъ параллеляхъ этой сказки съ дюрбутовской объ Ирнъ-Сайнѣ, см. въ тѣхъ же «Сказаніяхъ бурятъ», стр. 133. Въ той же бурятской сказкѣ другой эпизодъ: сынъ Алтанъ-шагай-мэргина Баторъ-сокто-мэргинъ везетъ въ торовахъ злое существо Моисъ-хара (мангыс-хара?), но оно вдругъ исчезаетъ, и Баторъ видитъ уже его летающимъ подъ небесами; Баторъ стрѣляетъ въ него, и убитое чудовище падаетъ на землю. Не повтореніе ли это предыдущаго разсказа?

Небесная дѣва здѣсь названа Ирэнъ-тарбажи, «пестрый степной орелъ». Въ другихъ сказкахъ дѣвицы летаютъ при помощи лебяжьей шкурки; такія лебеди-дѣвы въ тюркскихъ сказкахъ, записанныхъ В. В. Радловымъ въ Сибири, называются *ку-катъ*, гдѣ первый членъ *ку* значитъ «лебедь», по-монгольски *хонгъ* или *хунгъ*. Въ монгольскихъ сказкахъ особаго термина для такихъ существъ мнѣ не встрѣчалось. Есть такія имена: дѣвица Хундагина (т.-е. хунгъ-дэвина, «лебедь небесная дѣва?»), въ бурятскомъ сказаніи (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы о шаманствѣ, въ «Извѣст. Вост.-сиб. Отдѣла Геогр. Общ.», т. XIV, № 1—2, стр. 17), дѣвица Хунъ-тайжи въ одной дархатской сказкѣ («Очерки с.-з. Монгол.», IV, 530), но на лебединую одежду въ этихъ случаяхъ намека нѣтъ. Впрочемъ, въ легенду о Хунъ-тайжи, помѣщенную въ «Очеркахъ», II, 106, входитъ тема о людяхъ, обращающихся въ птицъ, а въ бурятскомъ преданіи о происхожденіи бурятскаго народа Хунъ-тайджи—ими дѣвы-лебеди, жены Хоридонъ, которая съ двумя подругами слетѣла отъ Хозъ-Хорнуста-тынгырея на озеро Сайдамото купаться («Иркутск. Губ. Вѣдом.», 1889, № 47). Имя Хунъ-тайжи встрѣчается въ соединеніи съ Дегуренгъ: Дегуренгъ-хунъ-тайжи (Алтанъ-тобчи, въ «Труд. Восточн. Отд. Археолог. Общ.», ч. VI, 40). Tokorong, toxorong по-бурятски—«журавль» (Castren, Versuch ein. Burjat. Sprachlehre, 201); въ якутскихъ сказкахъ часто небесныя дѣвы слетаютъ на землю играть въ видѣ стерховъ, *Grus leucogeganus* («Зап. Вост. сиб. Отд. Географ. Общ. по этногр.», т. I, в. 3, стр. 74—79, 85 и др.). Съ образомъ дѣвы-лебеди въ Азіи соединялся иногда и демоническій характеръ; см. Катаповъ, «Алго. указатель собств. именъ, встрѣщающихся во II т. образцовъ», собран. В. Радловымъ, Сиб., 1888, стр. 43. Тройное имя Дегуренгъ-хунъ-тайжи придано въ «Алтанъ-тобчи» мужскому персонажу; въ другихъ случаяхъ Хунъ-тайджи или Сенге-хунъ-тайжи («Очерки с.-з. Монгол.», IV, 406, 534; II, 106; Radloff, Proben, II, 381; Kongdajdju; I, 206 Kongodoi), также есть имя мужскаго персонажа¹⁾. Приведенныя данныя представляютъ нѣкоторое основаніе къ предположенію, что съ именемъ Дегуренгъ на востокъ могло соединяться иногда представленіе, во-первыхъ, о летучемъ, во-вторыхъ, о зломъ существѣ. Въ монгольскихъ преданіяхъ описывается царь, который страдаетъ отъ болѣзни и для излеченія прибѣгаетъ къ жестокому средству; онъ велитъ убивать въ одномъ вариантѣ лошадей, въ другомъ—младенцевъ (см. «Этногр. Обзор.», кн. XVI, стр. 94, 118, 119); избивателю младенцевъ приписана болѣзнь желудка; все, что онъ ни ѣсть, остается въ его организмѣ; естественный процессъ изверженія отбросовъ прекратился; въ концѣ «Очеркахъ с.-з. Монгол.», IV, 279, помѣщенъ отрывокъ, повидимому, только начало сказки о царѣ, страдающемъ подобною же болѣзнию; царь названъ Сенгъ-ханъ. Можетъ быть, слѣдуетъ возобновить имя хана въ такомъ видѣ: Дегуренгъ-Сенге-хунъ-тайджи.

¹⁾ Женскій персонажъ Сайль-хунъ-тайжи въ «Очеркахъ с.-з. Монгол.», IV, 530; это царевна, которая была унесена въ подземное царство двадцатипятиголымъ Атахаръ-хара-мангысомъ; ее освобождаетъ оттуда Китытъ-ху («сыньцитай-ва»,—вроятно, позднѣйшее искаженіе изъ древне-эпическаго Китанъ-ханъ).

Персонажъ, летающій по воздуху и опускающійся на землю по вѣщей силѣ противника, встрѣчается въ буддѣйской легендѣ о состязаніи двухъ учителей о вѣрѣ. Въ послѣднее путешествіе я записалъ (отъ бурята будды Р. Рабадова), очевидно, книжную ламайскаго легенду о состязаніи Арьянь-дивы съ еретикомъ Пахалой или Пакулой.

Въ большой индѣйскій монастырь Намандара прибылъ еретикъ Пахала (Пакула) и сталъ проповѣдывать ученіе, противное ученію Будды. Онъ торжествовалъ во всѣхъ диспутахъ, и монахи испугались, что имъ придется уступить. Свѣисомъ (духомъ покровителямъ) монастыря былъ богъ Махагала или Гомбо (Гомботуру). Монахи приказали къ ворону, птицѣ бога Махагала, письмо, которое воронъ долженъ былъ отнести въ Арьянь-дивѣ, жившему уединенно въ пещерѣ. Въ этомъ письмѣ они звали учителя прибыть въ монастырь для состязанія съ еретикомъ. Арьянь-дива прибылъ и вступилъ въ споръ. Къ сожалѣнію, мой рассказчикъ забылъ содержаніе диспута и запомнилъ только одинъ образчикъ спора. Пахала по обряду своего ученія началъ омыть свое тѣло. Арьянь-дива спросилъ его: «Что ты дѣлаешь?» — «Смываю съ себя свои дурныя поступки», отвѣчалъ Пахала. Тогда Арьянь-дива наполнилъ золотой сосудъ нечистотами и началъ мыть сосудъ снаружи. Теперь Пахала Арьянь-диву спрашиваетъ: «Что ты дѣлаешь?» Арьянь-дива отвѣчаетъ: «Въ сосудѣ нечистоты; хочу смыть ихъ». — «Какъ же ты хочешь, неразумный», говоритъ Пахала, «смыть то, что внутри, мѣя только наружность?» — «А какъ жь ты», возразилъ Арьянь-дива, «грѣхи, коренящіеся внутри тебя, хочешь смыть внѣшнимъ омовеніемъ своего тѣла?» Пахала былъ побѣжденъ и долженъ былъ бѣжать; онъ могъ летать и полетѣлъ. Арьянь-дива полетѣлъ за нимъ. Пахала долетѣлъ до края сансары (т.-е. внѣшняго міра). Арьянь-дива кричитъ ему: «Пахала, остановись! Ты долетѣлъ до края сансары. Если не вѣришь, брось свои волосы впередъ себя.» Пахала бросилъ, и они обратились въ прахъ. Пахала повернулъ назадъ и спустился въ монастырь Намандара. Здѣсь Арьянь-дива заточилъ его. Въ комнатѣ заточенія Пахала нашелъ всѣ книги Ганьчжура и Тячжура; чтеніе ихъ убѣдило его въ правотѣ ученія Будды; онъ началъ вѣряться и сочинилъ «поваянную молитву», которая и теперь читается ламами. Другой мой рассказчикъ (неграмотный монголъ изъ княжества Абага), передавая варіантъ этой легенды, еретика называлъ Девадаттой. Когда ученіе Будды начало распространяться, его братъ Девадатта пришелъ въ одинъ монастырь и началъ учить какъ разъ напротивъ тому, чему училъ Будда. Многие уже обратились въ его ученію. Тогда Арьянь-дива, чтобы уничтожить ересь Девадатты, отправился въ тотъ монастырь, гдѣ проповѣдывалъ Девадатта. Дорогой одинъ человекъ далъ ему кошку, другой масло. Пришедши въ монастырь, Арьянь-дива вступилъ въ состязаніе съ Девадаттой; Девадаттѣ помогалъ мыши; Арьянь-дива выпустилъ кошку, мыши испугались и убѣжали, и Арьянь-дива одержалъ верх¹⁾.

¹⁾ Въ статьѣ „Акиръ повѣсти и Акиръсказанія“ (Этн. Об. XXV) мы поставили въ параллель съ мышами, оказывающими помощь человеку, волковъ бурятской сказки, дѣлающихъ то-же. Волки-покровители находятся въ бурятской сказкѣ о гонимыхъ дѣтихъ вельможи Таба-арья. Съ однимъ изъ дѣтей этого Таба-арья

У Девѣдатты было зеркало, смотря въ которое Девѣдатта видѣлъ письма, читалъ ихъ и при ихъ помощи одерживалъ верхъ въ состязаніяхъ. Арьянь-дива пролилъ на зеркало масло, и оно перестало давать совѣты. Опять Арьянь-дива побѣдилъ Девѣдатту.

Легенда о спорѣ Арьянь-дивы съ Пахалой находится въ книгѣ Даранаты: Исторія буддизма въ Тибетѣ (В. Васильевъ, Буддизмъ, III, стр. 92—94). Арьянь-дива названъ Арьядева, вмѣсто Пахалы стоитъ браминъ Дурдашакяла. Когда браминъ Дурдаршакяла прибылъ въ Шри-Наганду, то буддисты не могли съ нимъ состязаться и, написавъ пригласительное письмо къ Арьядеву, принесли жертву Махакалѣ. Тогда изъ сердца кумира Махакалы вылетѣлъ воронъ, къ шеѣ котораго привязали письмо, и онъ, полетѣвъ на югъ, вручилъ его Арьядеву. Прибывъ въ Ийланду, учитель началъ продолжительный споръ съ противниками ученія Будды и трижды одержалъ верхъ. Когда Дурдаршакяла хотѣлъ съ помощью заклинаній убѣжать по воздуху, учитель связалъ его заклинаніями и, схвативъ, посадилъ въ одномъ храмѣ вмѣсто тюрьмы. И эта версія кончается полнымъ обращеніемъ еретика.

Въ редакціи, записанной мною, оба претивника, летять; у Даранаты летить только одинъ еретикъ; обѣ Арьядеву не сказано, летить ли и онъ также или остается на мѣстѣ. Если тутъ нѣтъ пропуска, то редакціи Даранаты будетъ ближе къ русской былинѣ, гдѣ летаетъ только змѣй, а Добрыня или Алеша остаются на землѣ¹⁾. Если мы будемъ сравнивать русскую былинку съ буддійской легендой, то соответствіе персонажей будетъ такое: Добрыня отвѣчаетъ Арьядеву, а змѣй Горынычъ—Пахалѣ или Дурдаршакялѣ.

Въ русской былинѣ какъ будто заключаются и другія отраженія буддійской легенды, кромѣ этого эпизода о летаніи. Въ былинѣ женщина (въ одномъ случаѣ она названа Марьей Дивонной) заточена въ пещерѣ. Въ буддійской легендѣ Арьядева заточаетъ въ тюрьму Пахалу; впрочемъ, Арьядева и самъ сидитъ въ пещерѣ отшельникомъ (самбава), и воронъ отправленъ вызвать его изъ этого добровольнаго заточенія. Купанье Добрыни въ Пучай-рѣкѣ, которое въ параллельныхъ мѣстахъ другихъ былинъ, напримѣръ въ былинѣ о Васильѣ Буслаевѣ, имѣетъ смыслъ омовенія грѣховъ (въ рѣкѣ Ердани), было бы, конечно, натяжкой сравнивать съ омо-

связана тема о драгоцѣнности, вырываемой изъ трупа, плывущаго по рѣкѣ; эта же тема и въ сказкѣ „Арджи-Борджи“, но въ этой послѣдней трупъ плыветъ по рѣкѣ, воды которой внезапно поднялись. О Пучай-рѣкѣ не говорится, чтобъ уровень ея поднялся; но это есть въ былинѣ о Добрыни и рѣкѣ Смородинѣ.

¹⁾ Соперникъ Чингисъ-хана, шаманъ Тубуть-тэнгри, повидимому, обладалъ способностью если не летать, то другимъ способомъ подниматься на небо. У Рашидъ-Эдина о немъ говорится, что онъ на бѣлой лошади верхомъ вздиралъ на небо. Шаманъ самъ о себѣ говорилъ: „Я хожу на небо“ (Труды Вост. Отд. Археолог. Общ., ч. V, стр. 159).

веніемъ грѣшнаго тѣла, которое совершаетъ Пахама¹⁾, во корень легенды, можетъ быть, находится въ какой-нибудь, хотя и отдаленной связи съ птицей, являющейся въ другой былинѣ о Добрыиѣ, именно о его продолжительной отлучкѣ. Добрыня гдѣ-то издали отъ своего дома, во время его отсутствія Алеша Поповичъ собирается овладѣть его женой; это временное торжество Алеша соотносится торжеству Пахамы. Въ буддѣйской легендѣ объ этомъ алѣ летить сообщать воронъ; въ русской былинѣ о торжествѣ противника Добрыни извѣщаютъ голуби (Рыби., I, 163; II, 17) или воронъ, сидящій на дубу (Барѣвскій, в. 2, 123).

Г. Потанинъ.

¹⁾ Секта, къ которой принадлежалъ Пахама, какъ будто была похожа на христіанскую секту иеробоптистовъ, которые придавали исключительное значеніе омовенію, какъ человѣческаго тѣла, такъ и посуды, одровъ и сѣдалищъ; секта будто бы была основана Иоанномъ Крестителемъ, и къ ней принадлежалъ Симонъ-волхвъ, который будто бы былъ первымъ ученикомъ Иоанна Крестителя.

Мусульманское сазаніе о св. Георгіи по Ат-Табари.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Когда 15 лѣтъ назадъ нижеподписавшійся работалъ надъ монографіей о св. Георгіи, къ которой академикъ А. Н. Веселовскій немного позднѣе предлагалъ такія цѣнныя исправленія и дополненія въ своихъ «Разысканіяхъ въ области русскихъ духовныхъ стиховъ» (Приложенія къ XXXVII т. Зап. Имп. Ак. Н. № 3, 1880 г.), издателямъ не былъ извѣстенъ оригиналъ извѣстной хроники Табари, а только персидское ея сокращеніе въ переводѣ Цотенберга. Въ настоящее время издается арабскій подлинникъ Табари по лучшимъ рукописямъ. Но такъ какъ специалисты по исторіи русской, западноевропейской и византійской литературы, къ сожалѣнію, очень рѣдко бывають знакомы съ восточными языками, то памятникъ огромной важности, старательно и обстоятельно пересказывающій массу христіанскихъ легендъ въ редакціяхъ не позднѣе первой половины IX вѣка, памятникъ, способный во многихъ случаяхъ радикально измѣнить наши почти общепринятныя гипотезы, часто основанныя, за неимѣніемъ лучшаго, на такомъ хрупкомъ базисѣ, какъ остроуміе и на такихъ непрочныхъ доводахъ, какъ сравнительная хронологія рипп. второго тысячелѣтія нашей эры, памятникъ способный дать намъ солидныя основы для рѣшенія иныхъ вопросовъ, передъ которыми мы до сихъ поръ только разводили руками, все же *для насъ* остается какъ бы не изданнымъ.

Къ счастью, между ориенталистами встрѣчаются такіе великодушные люди, которые не отказываются иногда посвящать часть своего повстинѣ драгоценнаго времени—кто не знаетъ, какъ у нихъ обширна жатва для самостоятельныхъ открытій и какъ мало дѣлателей!—на ознакомленіе большой публики съ сокровищами востока. Оданъ изъ нихъ даетъ намъ теперь точный переводъ житія св. Георгія по изложенію Аттабари. Приносимъ ему нашу глубокую благодарность.

Считаемъ не лишнимъ отмѣтить главнѣйшія отличія этого перевода житія Побѣдоносца сравнительно съ тѣмъ его видомъ, въ какомъ академикъ А. Н. Веселовскій и нижеподписавшійся были знакомы съ Табари по переводу Цотенберга (Кириичниковъ: «Св. Георгій и Егорій Храбрый» СПб. 1879 стр. 13 и слѣд.; А. Н. Веселовскій, I. с. стр. 23 и слѣд.)

Царь, мучившій св. Георгія, здѣсь называется Дазанка (у Z. Dādūānē).

Кстати замѣчу: суфф. этого имени *an*, сохранившійся во всѣхъ апокрифическихъ редд. житія св. Георгія, не повліялъ-ли на имя *Дакъланусъ*, которое придано въ логученскомъ сазаніи о слящихъ отрокахъ (см. Зап.

Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. VIII, 3—4, 1894 стр. 226 и слѣд.) тирану (въ основѣ лежитъ имя Декія)?

Здѣсь, какъ въ латинскихъ текстахъ, мученикъ предшествуетъ пренію. Въ темницу къ св. Георгію вмѣсто Христа здѣсь приходитъ ангелъ Господень.

Первая смерть св. Георгія предшествуетъ борьбѣ съ магами.

Магъ пытается посредствомъ лживаго напитка обратить святого въ собаку (въ христіанскихъ текстахъ — отравить его), но тотъ только уголяетъ имъ свою жажду.

Чудо надъ быкомъ (у *Z.* корою). Словастика здѣсь нѣсколько ближе къ христіанскимъ редакціямъ.

Сильный вихрь и ужасы въ природѣ, наступившіе послѣ второй смерти св. Георгія, ближе подходятъ къ нашимъ духовнымъ стихамъ, нежели какая либо другая поэзія редакціи жетія.

Эпизодъ о воскресеніи жертвенцевъ до поразительности сходенъ съ латинскими текстами. Говореній здѣсь называется *Jubilus*, а не *Tubil*, какъ у *Z.*, и въ виду близости этой формы къ *Jobius*, *Jovis* латинскихъ текстовъ, я долженъ взять впаздъ свое предположеніе о первоначальности формы съ *T.* Таркаванія, предлагающей Георгію воскресить жертвенцевъ, есть, безъ сомнѣнія *Tranquillinus* Галлаканскаго текста.

При третьей смерти Георгія здѣсь роль играетъ не колесо, какъ въ христіанскихъ редакціяхъ, и не колесница, какъ у *Z.*, а нѣчто вроде ея катокъ, усѣженный кинжалами.

Истребленіе идоловъ пересказано обстоятельнѣе, чѣмъ у *Z.*, но также ближе къ христіанскимъ редакціямъ.

Базы царицы здѣсь представляются, можетъ быть, пропускомъ (въ христ. ред. она обезглавлена).

Базы язычниковъ и кончина мученика изложены здѣсь осмысленнѣе, нежели въ славянскихъ и латинскихъ версіяхъ: тамъ истребленіе мучителей предшествуетъ смерти св. Георгія и является такимъ образомъ нелѣпой вставкой; здѣсь огненный дождь, *начавшій* падать съ неба, возбуждаетъ злобу язычниковъ, которые и убиваютъ святого, аек оначательное истребленіе ихъ заключаетъ разсказъ.

А. Киртчииковъ.

Ат-Табари Абду Джафаръ Мухаммедъ бѣвъ Джариръ въ своемъ сочиненіи „Хроника о пророкахъ и царяхъ“ (во II томѣ 1 сорія, ст. 795 — 813, по изд. J. Berth и Th Nöldeke) говорятъ:

Житіе Джирджиса. ¹⁾

Джирджисъ, какъ говорятъ, былъ одинъ изъ благочестивыхъ рабовъ Божіихъ родомъ изъ Палестины, и жилъ еще при послѣднихъ ученя-

¹⁾ Т. е. св. Георгія. Происхожденіе „Джирджисъ“ и „Джерджисъ“ одинаково имѣть свои основанія.

какъ Исѣ (т.-е. Іисуса, сына Маріи). Онъ былъ купцомъ и пріобрѣталъ торговлею столько, что не только не нуждался въ помощи, но даже удѣлялъ отъ своего достатка бѣднымъ. Однажды Джирджисъ отправился въ Мусулъ, гдѣ, какъ передалъ намъ Ибнъ Хамидъ со словъ Салимата по рассказамъ Ибнъ-Исаака бенъ-Мунаббега и другихъ ученыхъ, царемъ тогда былъ Діазина, который уже владѣлъ всюю Сиріей и отличался своею надменностью и высокоуміемъ. Наровнѣ съ собою Дазана никого не ставилъ, кромѣ боговъ. По этому благочестивый мужъ Джирджисъ съ многими вѣрными скрывалъ свою вѣру; они помнили ученіе Апостоловъ, среди которыхъ они прежде жили. У Джирджиса было много денегъ и огромная торговля; но онъ очень щедро раздавалъ милостыню, и бывали такіе дни, когда онъ раздавалъ все свое имущество и у него ничего уже не оставалось; тогда онъ вновь брался за торговлю и, какъ только, бывало, возмется, пріобрѣтаетъ вдвое больше прежнего. Таково было его матеріальное положеніе. Онъ любилъ работать и пріобрѣтать деньги только для раздачи милостыни, въ противномъ же случаѣ онъ предпочиталъ бы бѣдность богатству.

Боясь, чтобы многобожники не причиняли ему непріятностей за его вѣру, или чтобы они не соблазнили его, онъ не довѣрялся ихъ покровительству и отправился къ самому Мусула со своими богатствами, намѣреваясь поднести ихъ царю съ тѣмъ, чтобы только одинъ этотъ царь былъ его повелителемъ. Въ то время, когда Джирджисъ пришелъ къ царю, послѣдній возсѣдалъ (на тронѣ) въ кругу своихъ вельможъ; здѣсь, по его приказанію, былъ разведенъ огонь, приготовлены все орудія пытки и поставлена статуя Аполлона, предъ которую приводили народъ, и того, кто не хотѣлъ ей поклониться, жгли на огнѣ и подвергали разнымъ пыткамъ. Увидѣвъ, что дѣлаетъ царь, Джирджисъ возмутился и далъ себѣ слово бороться за вѣру; Богъ внушилъ ему ненависть къ царю и рѣшимость бороться съ нимъ. Привнесенныя съ собою богатства для поднесенія царю онъ раздалъ своимъ единовѣрцамъ, не оставивъ у себя ничего; а бороться съ царемъ онъ рѣшилъ не при помощи денегъ, но жертвуя собою для этого.

Выбравъ моментъ, когда царь былъ въ сильномъ гнѣвѣ и смущеніи, Джирджисъ подошелъ къ нему и сказалъ: «знай, что ты, рабъ изъ рабовъ, не властенъ ни надъ собой, ни надъ другими, что надъ тобою Богъ, который правитъ и тобой и другими. Онъ Тотъ, Кто сотворилъ тебя, питаетъ тебя, даруетъ жизнь и ее отнимаетъ; Онъ посылаетъ тебѣ добро, и зло. А ты выбралъ себѣ одно изъ Его твореній, по Его приказанію созданное, глухое, нѣмое, которое не говоритъ, не видитъ, не слышитъ, не можетъ дѣлать ни добра, ни зла, которое не замѣняетъ тебѣ Бога. Его разукрасилъ ты золотомъ и серебромъ и соблазнилъ имъ народъ; ему ты сталъ поклоняться, а не Богу, назвавъ его богомъ, и заставляешь рабовъ Божіихъ ему поклоняться».

И многое подобное сказалъ царю Джирджисъ о величіи Бога, о славѣ Его, и о томъ, что не слѣдуетъ поклоняться идоламъ. Выслушавъ все

это, царь спросил Джирджиса: «кто ты и откуда ты пришел?» «Я раба Божий, отвечал он, «сын раба и рабыни Его, самый неттошый из Его рабов, самый бѣдный из них; изъ прага и сотворенъ и въ землю отыду». Затѣмъ онъ разсказалъ царю, что его привелъ сюда и кто онъ. После этого Джирджисъ призывалъ царя поклониться истинному Богу и отказаться отъ поклоненія идоламъ; а царь призывалъ Джирджиса поклониться тому идолу, котораго самъ почиталъ, и сказалъ ему: «если твой Богъ, о которомъ ты думаешь, что Онъ Царь царей, таковъ, какъ ты его описалъ, тогда были бы видны на тебѣ Его дѣянія, подобно тому, какъ моя дѣянія видны на окружающихъ меня царяхъ. Джирджисъ отвѣтилъ: «слава и великѣ Богъ нашъ! Какъ ты можешь сравнить Таркаблина и то, что онъ приобрѣлъ, служа тебѣ, — а Таркаблина видъ завиднѣе самое высшее положеніе въ твоихъ государствахъ, — съ Илию и тѣмъ, что онъ заслуживалъ у Господа Бога! Наія была простой, человекъ былъ простую нищу, вѣнчанъ ходилъ по улицамъ; но благодаря же Божіей онъ одѣлся перьями и сѣтвомъ, изъ человекѣ сталъ ангеломъ небеснымъ и земнымъ и леталъ съ ангелами.... Служи мнѣ, какъ ты можешь сравнить твоего великому Маджалитиса и получаемое имъ по твоей милости благо съ Мессіей, сыномъ Маріи, и дарованное ему по Божіей милости благо; ибо Богъ возвысилъ Его надъ всеми людьми и поставилъ Его и Его народъ примѣромъ для правобѣрныхъ». Тутъ онъ разсказалъ ему житіе Мессіи и о дарованной Ему Богомъ милости. «Скажи мнѣ также», продолжалъ онъ, «какъ ты можешь сравнить Матерь Этого Благого Духа, которую Богъ избралъ для Своего Слова, Которой утробу Онъ освятилъ для Своего Духа, Которую Богъ предпочелъ всемъ женамъ и полученную Ею награду за служеніе Богу — съ Іезавелью и съ тѣмъ, что она получила отъ тебя? Она была одной націи, одной вѣры съ тобою, была могущественною царицею, но Богъ оставилъ ее, — и собаки растерзали ее въ ея жилищѣ, лизали ея кровь, асыцы и волки растаскали члены ея тѣла». Царь сказалъ: «ты разсказываешь мнѣ о томъ, что намъ не извѣстно; приведи мнѣ этихъ двухъ мужей, о которыхъ ты упоминалъ, чтобы мнѣ увидѣть ихъ и послѣдовать ихъ примѣру; ибо я не вѣрю, чтобы это могло быть среди людей». Джирджисъ отвѣтилъ: «ты не вѣришь воздѣшнѣ твоего самообольщенія; этихъ же двухъ людей ты не увидишь, и она тебя не увидитъ до тѣхъ поръ, пока не будешь поступать, какъ она поступала. Тогда только ты удостоишься узрѣть ихъ лица». Царь сказалъ: «мы привели наше оправданіе, и намъ исча твоя ложь; ибо ты хвастался тѣмъ, чего не могъ доказать». Затѣмъ онъ предлагалъ Джирджису на выборъ — подвергнуться пыткамъ, или поклониться Аполлону и получить за это награду. Джирджисъ отвѣтилъ: «если Аполлонъ воздвигъ небесный сводъ и т. д. (онъ перечислялъ всѣ дѣянія Бога), то ты правъ и даешь мнѣ добрый совѣтъ; если же нѣтъ, то поганяи, проклятый вѣщественецъ! Услышавъ, какъ поносить Джирджисъ его и его боговъ, царь сильно разгнѣвался и приказалъ, воздвигнувъ доску, прибить къ ней Джирджиса и чesать желѣзными гребнями, раздирая его тѣло, обливая раны укусомъ и обмазывая горчицей. Но, вида, что все это не

можетъ умертвить его, царь приказалъ вбить въ его голову шесть раскаленных до-бѣла большихъ желѣзныхъ гвоздей. При этомъ мозгъ Джирджиса текъ изъ головы его, но смерть не наступала. Тогда царь приказалъ принести большой мѣдный котелъ и развести подъ нимъ огонь; когда котелъ раскалился до-бѣла, онъ велѣлъ бросить въ него Джирджиса и закрыть, пока котелъ не остынетъ. Но все же Джирджисъ остался живъ. Послѣ этого царь призвалъ его и сказалъ: «что ты скажешь относительно испытанныхъ тобою мученій?»— «Я тебѣ сказалъ», отвѣтилъ онъ, «что есть Богъ, Который сильнѣе тебя; Онъ облегчилъ мнѣ мои страданія и далъ мнѣ терпѣніе, чтобы убѣдить тебя въ справедливости моихъ словъ». Послѣ этихъ словъ царь испугался дурныхъ послѣдствій отъ этого для себя и своего царства и рѣшился навѣки заключить его въ тюрьму. Но нѣкоторые изъ его приближенныхъ замѣтили: «если ты оставишь его въ тюрьмѣ съ нѣкоторой свободой, то онъ будетъ говорить съ народомъ и, можетъ быть, возмутитъ его противъ царя; поэтому прикажи, чтобы въ тюрьмѣ подвергали его пыткамъ, не давая говорить съ народомъ».

И, по приказанію царя, Джирджиса въ тюрьмѣ положили лицомъ къ полу, привязавъ за руки и за ноги желѣзными цѣпями къ четыремъ желѣзнымъ коламъ, а на спину вставили мраморную цилиндрическую глыбу. Эту глыбу брались нести 7 человекъ и не могли, затѣмъ 14 и тоже не могли, наконецъ 18 ее принесли и вставили ему на спину. И такъ Джирджисъ провелъ весь день. Когда же наступила ночь, послалъ Богъ Своего Ангела (и это было первый разъ, что Джирджисъ получалъ откровеніе и видѣлъ ангеловъ); ангелъ снялъ съ него камень и оковы, напоилъ, накормилъ, благословилъ и утѣшилъ; а утромъ вывелъ его изъ тюрьмы и сказалъ: «отправляйся къ твоему врагу и борись съ нимъ за вѣру; ибо Господь Богъ тебѣ говоритъ: радуйся и терпи; Я буду испытывать тебя въ продолженіе 7 лѣтъ черезъ этого моего врага. Онъ подвергнетъ тебя разнымъ мукамъ и четыре раза убьетъ тебя; три раза Я воскресну тебя, а въ четвертый приму твою душу и вознагражу тебя». Незамѣтно для невѣрныхъ, Джирджисъ появился между ними и сталъ призывать ихъ къ Богу. «Джирджисъ-ли ты?» спросилъ у него царь. «Да, я Джирджисъ», отвѣтилъ тотъ. «Кто вывелъ тебя изъ тюрьмы?»— «Вывелъ меня Тотъ, Чья власть выше твоей». Услышавъ это, царь пришелъ въ ярость и потребовалъ всѣ мучительные снаряды. При видѣ этихъ орудій его мученія, Джирджисъ смутился, но вскорѣ овладѣлъ собою и громко сталъ упрекать себя въ жалодушіи.

Послѣ этого его растянули между двумя столбами и, начиная съ головы, перепиливали его по-поламъ; каждую половину разрѣзали на нѣсколько частей и бросали въ ровъ, гдѣ находились львы, числомъ семь. Это былъ одинъ изъ многочисленныхъ видовъ его пытокъ. Но, по внушенію Господа Бога, львы не тронули его тѣла, преклонили свои головы и стали на заднія лапы, какъ бы оберегая его отъ расхищенія. И такъ оставался Джирджисъ до вечера. Это была первая смерть, которую онъ испыталъ. Ночью Господь Богъ собралъ куски его тѣла вмѣстѣ, воскресилъ его, и послалъ ангела вывести его изъ рва, накормить, напоить, благословить

и утѣшить. На утро Ангель воскликнулъ: «о, Джирджисъ!» — «И», отвѣтилъ тотъ. Ангель продолжалъ: «Всемогущій, Который сотворилъ Адама изъ праха, приказалъ извлечь тебя изъ рва, ступай къ твоему врагу, борись съ нимъ за вѣру и умирай терпѣливо!» И вотъ, когда идолопоклонники праздновали смерть Джирджиса, онъ внезапно явился среди нихъ. «Какъ этотъ человѣкъ похожъ на Джирджиса!» говорили они про него другъ другу. «Онъ отъ насъ не скроется», сказала царь, «вѣдь это самъ Джирджисъ! Развѣ вы не видите его спокойствія духа и пренебреженія къ намъ!» — «Да», сказала Джирджисъ, «это дѣйствительно я. Вы, несчастные, надругались надо мной и умертвили меня. Но Господь Богъ по милосердію Своему воскресилъ меня. Обратитесь же къ этому Богу, Который показалъ вамъ свои чудеса!»

Услышавъ это, они говорили другъ другу: «вѣроятно чародѣй околдовалъ наши руки и глаза, такъ что мы не можемъ его одолѣть, соберемъ всѣхъ чародѣевъ страны!»

Когда они собрались, царь сказалъ главному изъ нихъ: «покажи мнѣ самое большое изъ твоихъ чародѣйствъ!» Чародѣй велѣлъ принести быка, дунулъ ему въ одно ухо, и изъ одного уха стало два. Затѣмъ онъ дунулъ въ другое ухо, и вмѣсто одного быка стало два. Потомъ потребовалъ пшеничныхъ зерна и, пока ихъ принесли, вспахалъ поле; затѣмъ посеялъ пшеницу, и, когда нива созрѣла, онъ собралъ жатву, вымолотилъ, смолотъ, замѣсилъ тѣсто, испекъ хлѣбъ и съѣлъ его. Все это въ одинъ часъ.

Послѣ этого царь сказалъ: «можешь ли ты обратить этого человѣка (указывая на Джирджиса) въ животное?»

— «Въ какое?» — спросилъ чародѣй. «Въ собаку», — отвѣтилъ царь. «Прикажите принести чашу съ водою», сказалъ чародѣй. Когда принесли чашу, онъ дунулъ въ нее и обратился къ царю со словами: «прикажи Джирджису выпить эту воду». И Джирджисъ выпилъ все, что было въ чашѣ, до дна. «Какъ ты себя чувствуешь?» спросилъ чародѣй у Джирджиса. «Очень хорошо», отвѣтилъ послѣдній, «я очень хотѣлъ пить, и Богъ утолилъ этимъ мою жажду, чтобы я могъ бороться съ вами». Тогда чародѣй обратился къ царю и сказалъ: «если бы ты боролся съ человекомъ, подобнымъ тебѣ, ты навѣрное побѣдилъ бы. Но ты борешься со Всемогущимъ, Повелителемъ небесъ и земли, съ Царемъ царей, Которому нѣтъ равнаго». Когда чародѣй кончилъ свою рѣчь, одинъ изъ приближенныхъ царя, котораго болѣе всѣхъ уважалъ народъ, всталъ и сказалъ: «будете ли вы меня слушать, если и вамъ скажу нѣсколько словъ?» — «Да, будемъ», отвѣчали они всѣ. Тогда онъ началъ такъ: «вы называли дѣянія этого человѣка колдовствомъ и думаете, что онъ околдовалъ ваши руки и глаза, такъ что вамъ только казалось, что вы его мучите, а на самомъ дѣлѣ ваши пытки ему ничего не сдѣлали, такъ что вамъ только казалось, что вы его убили, а на самомъ дѣлѣ онъ остался живъ. Но развѣ вы видѣли когда нибудь, чтобы какой-либо чародѣй могъ отвратить отъ себя смерть, или чтобы онъ могъ оживить мертваго?» Затѣмъ онъ, сравнивая ихъ чародѣйства съ чудесами Джирджиса, разсказалъ имъ слѣдующую исторію: «Одна бѣдная женщина, услышавъ про Джирджиса и его чудеса, пришла въ

нему въ то время, когда онъ былъ въ самомъ стѣсненномъ положеніи, и сказала ему: «Я бѣдная женщина. У меня былъ единственный быкъ, который составлялъ все мое имущество и все мое пропитаніе; когда однажды я пахала на немъ, онъ околѣлъ; и вотъ я пришла къ тебѣ съ просьбою, чтобы ты пожалѣлъ меня и попросилъ у Господа Бога оживить моего быка». Джерджисъ заплакалъ и сталъ молить Бога умилосердиться надъ нею и оживить ея быка. Потомъ, давъ ей палку, сказалъ: «ступай туда, гдѣ палъ твой быкъ, ударь его этой палкой со словами: «оживись по соизволенію Всевышняго Бога». — «О, Джерджисъ!» возразила она, уже прошло нѣсколько дней съ того времени, какъ мой быкъ околѣлъ: должно быть, его растаскали дикіе звѣри; и, кромѣ того, я очень далеко живу отъ тебя». — «Ничего», сказалъ Джерджисъ, «если ты найдешь только хоть одинъ его зубъ и ударишь его этой палкой, онъ оживетъ по соизволенію Бога». И вотъ она отправилась туда, гдѣ палъ ея быкъ, и нашла тамъ отъ него одинъ рогъ и волоку съ его хвоста. Сложивъ вмѣстѣ, она ударила по нимъ палкой и сказала то, чему научала ее Джерджисъ. Быкъ ея оживъ и она стала опять пахать на немъ. Это и многое другое выставило вѣроятно, какъ аргументы противъ ихъ невѣрія. «Изъ твоихъ словъ видно», сказали идолопоклонники, «что ты послушался ученія Джерджиса». «Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ этого человека», возразилъ онъ, «дѣянія его показались мнѣ въ высшей степени сверхъестественными». — «Можетъ быть», сказали тѣ, «онъ соблазнилъ тебя?» — «Да», отвѣтилъ тотъ, «я вѣрю въ Истиннаго Бога и призываю его во свидѣтели того, что я отказываюсь поклоняться вашимъ богамъ». Тогда царь и его приближенные встали, напали на него съ кинжалами и отрѣзали у него языкъ, распустивъ слухъ, что онъ умеръ отъ чумы прежде, чѣмъ могъ вымолвить слово.

Дж-сь, видя, что идолопоклонники скрываютъ истинную причину смерти вельможи, выступилъ передъ народомъ и открылъ ему, какъ было дѣло, рассказавъ ему и рѣчи покойнаго вельможи, благодаря чему 4000 чело-вѣкъ последовали его вѣрѣ. «Онъ былъ дѣйствительно правъ въ томъ, что проповѣдывалъ», говорили въ народѣ, «да поминаютъ его Господь Богъ!» Но царь велѣлъ перехватать новообращенныхъ, надѣть на нихъ оковы, подвергать пыткамъ, надругаться надъ ними и перебить всѣхъ до послѣдняго. Покончивъ съ ними, царь взялся за Джерджиса. «Молись Твоему Богу, чтобы Онъ воскресилъ ихъ, такъ какъ ты причина ихъ смерти!» сказалъ онъ Джерджису. «Богъ избралъ для нихъ лучшую участь», отвѣтилъ Джерджисъ, «избавивъ ихъ отъ тебя». Тогда одинъ изъ вельможъ, по имени Маджитысь, сказалъ Джерджису: «ты думаешь, Джерджисъ, что Твой Богъ сотворилъ міръ и воскрешаетъ людей; я попрошу у тебя одного чуда: если Твой Богъ его исполнитъ, я повѣрю въ Него, повѣрю тебѣ, и избавлю тебя отъ пытокъ моихъ единовѣрцевъ. Вотъ мы сидимъ на 14 креслахъ, передъ нами стоитъ столъ, а на немъ—бокалы, тарелки и другія деревянныя вещи—все это изъ различныхъ родовъ дерева. Попроси Твоего Бога, чтобы Онъ привелъ все это въ первоначальный ихъ видъ, чтобы они стали зелеными и мы могли бы различить каждое дерево по цвѣту, по

листьями и плодами». Джержисъ отвѣтилъ: «ты просишь дѣла, труднаго для насъ съ тобою, но для Бога это легко». Джержисъ поклонился Господу и, пока они сидѣли еще на своихъ мѣстахъ, кресла и посуда со столовъ зазеленѣли, пустая корня, одѣлась корою, обросла вѣтвями, покрылась листьями, зацвѣла и дала плоды, такъ что каждое дерево можно было узнать по виду, по цвѣту и по плодамъ. Увидѣвъ это, язычники возмущались и тотъ же Маджаритъ, который просилъ чуда, всталъ его мучить, сказавъ: «я проучу этого чародѣя, чтобы пытка была для него напоминаемъ его чародѣйства». Взявъ мѣди, онъ сдѣлалъ изъ нее фигуру на-подобіе быка, пустую внутри, помѣстительную, набилъ ее нестью, свиномъ, сѣрой и мышьякомъ, посадилъ туда Джержиса и развелъ подъ этой фигурой огонь, поддерживая его до тѣхъ поръ, пока все, что было внутри, расплавилось и смѣшалось. Тамъ и погибъ Джержисъ. Въ это время Богъ послалъ сильный вѣтеръ, который нагналъ черныя тучи, при чемъ непрерывно гремѣлъ громъ, сверкала молнія и шелъ сильный дождь среди шума и мрака, такъ что не было видно ни неба, ни земли. Все кругомъ потонуло въ тьму, и такъ прошло нѣсколько сутокъ, когда нельзя было различить дня и ночи. Тогда послалъ Богъ своего ангела Михаила, который извелъ эту мѣдную фигуру, гдѣ былъ Джержисъ, поднялъ ее и ударилъ о землю. Раздался страшный трескъ, отъ котораго всѣ жители Сиріи пришли въ сильный страхъ и попадали на землю; трескъ этотъ въ одинъ и тотъ же часъ былъ услышанъ во всемъ. Фигура разбилась и Джержисъ вышелъ изъ нея — живымъ.

Когда онъ сталъ говорить передъ язычниками, тьма разсѣялась и они опомнились. Одинъ изъ нихъ, по имени Тарабалина сказалъ: «Джержисъ! мы не знаемъ, кто творитъ эти чудеса, ты или Твой Господь; если это Онъ, попроси Его воскресить нашихъ покойниковъ; въ этихъ могилахъ передъ тобою лежатъ наши покойники; нѣкоторыхъ мы знаемъ, а другіе умерли еще до насъ; попроси Господа воскресить ихъ такими, какими они были раньше, и мы будемъ разговаривать съ ними. Своихъ знакомыхъ мы узнаемъ, а незнакомыхъ расскажемъ намъ про себя.» Джержисъ сказалъ: «Сколько разъ Богъ былъ къ вамъ снисходителенъ, показывая вамъ Свои чудеса, для того, чтобы обличить васъ въ неврѣніи, чѣмъ вы заслуживаете Его гнѣвъ». Затѣмъ онъ приказалъ открыть могилы, собрать кости, обломки костей и прахъ, и сталъ молиться. Язычники не успѣли сдѣлать ни одного движенія, какъ появились 17 человекъ, въ числѣ которыхъ было 9 зрѣлыхъ мужей, 5 женщинъ и 3 мальчика. Джержисъ обратился къ самому старому изъ нихъ съ вопросомъ: «старецъ, какъ тебя зовутъ?» — «Меня зовутъ Юбилемъ», отвѣтилъ тотъ. — «Когда ты умеръ?» — продолжалъ Джержисъ. — «Я жилъ, отвѣтилъ старецъ, во время такого-то и такого-то». Сосчитали и оказалось, что онъ умеръ 400 лѣтъ тому назадъ. Видя это, царь и его приближенные разсуждали, что не осталось уже ни одной пытки, которой-бы они не подвергали Джержиса, кромѣ голода и жажды, и рѣшились на это. Съ этою цѣлью они избрали домикъ одной бѣдной старухи, откуда онъ не могъ убѣжать; у этой старухи былъ сынъ слѣпой, глухой, безногий. Джержиса заключили въ этотъ домикъ безъ пищи и питья.

Мучимый голодомъ, онъ обратился къ старухѣ и сказалъ: «Иѣтъ-ли у тебя чего-нибудь поѣсть или попить?» — «Иѣтъ» отвѣтила та, «кланусь богами, у насъ уже нѣсколько дней иѣтъ ни пища, ни питья; и пойду и попрошу для тебя что-нибудь поѣсть». — «Знаешь ли ты Бога», спросилъ ее Джержисъ. — «Да», отвѣтила она. — «Ты признаешь Его?» — продолжалъ онъ. — «Иѣтъ». Тогда онъ призвалъ ее поклониться Ему, и она уѣздила и отправилась поискать для него пищи. Домикъ ея опирался на деревянный столбъ. Джержисъ сталъ молиться Богу и скоро этотъ столбъ зазеленѣлъ, и на немъ выросли всевозможные плоды и овощи, даже яблѣ 1) и фасоль.

На столбѣ выросла большая иѣтва, которая покрыла своими листьями домикъ и все, его окружающее. Когда онъ кушалъ эти плоды съ удовольствіемъ, старуха вернулась домой и, увидѣвъ, что произошло въ ея отсутствіе, воскликнула: «я вѣрю въ того, Кто накормилъ тебя въ домѣ голода! Попроси Этого Великаго Бога исцѣлить моего сына!» — «Принеси его ко мнѣ поближе!» — приказалъ онъ. Когда она это исполнила, онъ плюнулъ ему въ оба глаза и тотъ прозрѣлъ, дунулъ въ оба уха и глухота его пропала; «исцѣли ему языкъ и ноги!» продолжала просить старуха, «Богъ тебя вознаградитъ!» — «Остань это, ибо настанетъ для этого великій день.»

Однажды царь пошелъ прогуляться по городу и, замѣтивъ дерево, сказалъ своимъ спутникамъ: «я вижу здѣсь дерево, котораго прежде на этомъ мѣстѣ не было!» — «Это дерево», отвѣтили они, «выросло для того колдуна, котораго ты хотѣлъ умерить голодомъ, а онъ въ свое удовольствіе ѣсть съ него и кормитъ бѣдную женщину, да кромѣ того исцѣлилъ ея сына!» Тогда царь приказалъ разрушить домъ и срубить дерево. Когда собирались его рубить, оно по повелѣнію Божию высохло и обратилось опять въ столбъ, который они и оставили.

А Джержиса царь приказалъ растянуть лицомъ къ землѣ и привязать къ четыремъ коламъ. Затѣмъ онъ велѣлъ сдѣлать катокъ, усаженный по поверхности кинжалами и ножами, впречь въ него 40 быковъ и прогнать ихъ черезъ Джержиса, который былъ такимъ образомъ разрубленъ на три части. Одну изъ нихъ царь приказалъ сжечь на огнѣ, а золу послалъ бросить въ море; когда это было исполнено, посылалися голосъ съ неба, говорящій: «море, Богъ приказываетъ тебѣ беречь этотъ благоухающій прахъ; Я желаю вновь воскресить его!» Вѣтеръ, посланный Богомъ, извлекъ золу изъ моря и собралъ ее въ одно мѣсто въ такомъ видѣ, какъ и прежде.

Посланные увидѣли, что зола зашевелилась и не успѣли уйти, какъ всталъ изъ золы Джержисъ живой; спряхнувъ съ собою прахъ, онъ присоединился къ нимъ и они отправились вмѣстѣ назадъ. Возвратившись къ царю, они рассказали ему о голосѣ, который его оживилъ, и о вѣтрѣ, который его собралъ.

1) По словамъ Абу Джафара, яблѣ — растеніе, водящееся въ Сиріи; зерна его съдобны.

Тогда царь спросил: «не хочешь-ли ты, Джержисъ, согласиться на то, что для насъ обонхъ будетъ лучше? Если бы только народъ не говорилъ, что ты издалъ вергъ надо мною, и последовалъ бы за тобою и повѣрнулъ бы тебѣ; но ты поклонись хоть одинъ разъ Аполлону, или принеси ему хоть одну овечку въ жертву—затѣмъ, и сдѣлаю, что тебѣ угодно.» Услышавъ предложеніе царя, Джержисъ возмѣтилъ сильное желаніе уничтожить идола во время жертвоприношенія и въ надеждѣ, что царь приметъ истинную вѣру, когда будетъ уничтоженъ его идолъ, обманулъ царя и сказалъ: «если тебѣ угодно, веди меня къ твоему идолу, и ску поклонюсь и принесу жертву!» Царь обрадовался, подошелъ къ нему и, поцѣловавъ его въ руки, въ ноги и въ голову сказалъ: «я требую, чтобы ты пробылъ этотъ день и эту ночь въ моемъ домѣ и на моей постели, среди моей семьи, чтобы тебѣ отдохнуть отъ пытокъ и чтобы люди видѣли, какъ ты мнѣ дорогъ.» И царь отдалъ ему въ распоряженіе своей дачи, куда переселился Джержисъ. Ночью Джержисъ сталъ молиться и пѣть псалмы. У него была прекрасный голосъ и, когда жена царя услышала его пѣніе, стала вслушиваться, и онъ не замѣтилъ, какъ она уже стояла за нимъ и плакала.

Джержисъ призываетъ ее къ вѣрѣ въ Бога, и она увѣровала, но онъ ее просилъ скрывать пока свою вѣру. Утромъ рано его повела въ капище поклониться идоламъ. Между тѣмъ старуха, въ домѣ которой былъ заключенъ Джержисъ, узнавъ, что Джержисъ, соблазнился и предпочелъ блага міра истинной вѣрѣ и что ради этого онъ отправленъ въ капище поклониться идоламъ, пошла туда же, неся на плечахъ своего сына и упрекая Джержиса за отступничество; народъ не замѣчалъ ее. Войдя въ капище, Джержисъ замѣтилъ въ первыхъ рядахъ старуху съ ея сыномъ на плечахъ и позвалъ къ себѣ его по имени. Тотъ внезапно заговорилъ, хотя до сихъ поръ онъ былъ немъ. Затѣмъ онъ сѣлъ съ плечъ матери и пошелъ къ Джержису, хотя раньше никогда не ступалъ на свои ноги.

Когда мальчикъ подошелъ къ Джержису, послѣдній приказалъ ему: «сойди и позови ко мнѣ этихъ идоловъ.» Эти идолы въ числѣ 71 стояли тамъ на золотыхъ подножкахъ; кромѣ этихъ идоловъ, язычники поклонялись также солнцу и лунѣ. «Какъ же мнѣ обратиться къ идоламъ?» спросилъ у Джержиса мальчикъ. «Скажи», отвѣтилъ онъ: «Джержисъ заклинаетъ васъ именемъ Вашего Творца придти къ себѣ.» По зову мальчика идолы покатались къ Джержису и стали передъ нимъ. Джержисъ топнулъ ногою объ землю и всѣ они провалились. Изъ одного идола выскочилъ Иблисъ (дьяволъ) и побѣждалъ мимо Джержиса; въ это время послѣдній схватилъ его за чубъ и воскликнулъ: «о проклятый нечестный духъ! Что заставляешь тебя губить себя и людей? Развѣ ты не знаешь, что тебѣ и ангеламъ твоимъ угодно агъ!» Иблисъ отвѣтилъ: «если бы мнѣ предлагали на выборъ—взвѣдѣть всѣмъ, что на землѣ и подъ землею, или соблазнить тотъ одного человека на одинъ мигъ, я предпочелъ бы этотъ мигъ и получалъ бы столько удовольствія и наслажденія, сколько не получаю въ творенія, вмѣстѣ взятыхъ. Развѣ ты не знаешь, что Богъ приказалъ Говрину, Михаилу, Исааи, всѣмъ ангеламъ и силамъ небеснымъ поклониться

твоему предку Адаму, а я отказался и никогда не буду людям поклоняться; вѣдь я выше ихъ!» Тогда Джерджисъ отпустилъ его; съ тѣхъ поръ Иблисъ болѣе не прятался въ идоловъ въ опасенія провалиться и, какъ говорить, и впредь не будетъ прятаться.

Видя все это, царь обратился къ Джерджису со словами: «ты обмануль меня и погубилъ моихъ боговъ!» «И это вамъѣренно сдѣлалъ», отвѣтилъ Джерджисъ, «для того, чтобы ты опомнился и понялъ наконецъ, что если бы эти боги были дѣйствительно такими, какъ ты говоришь, то они бы защитились отъ меня. А между тѣмъ твои боги не могли бороться даже со мною, слабымъ человѣкомъ, вичего не имѣющимъ, кромѣ благодати Божіей.» Когда Джерджисъ окончилъ свою рѣчь, заговорила царица, ибо теперь наступило время исповѣдать открыто свою вѣру и призвать язычниковъ къ Богу. Перечисливъ всѣ чудесныя дѣянія Джерджиса, она воскликнула: «чего же еще ожидаете вы отъ этого человѣка? Развѣ только того, чтобы, по его молитвѣ, земля поглотила васъ и вы погибли, какъ и ваши идолы! Берегитесь, берегитесь вы!» «Горе тебѣ, Александра!» отвѣтилъ царь, «какъ скоро—всего въ одну ночь—совратилъ тебя волшебникъ сей! Я же боролся съ нимъ семь лѣтъ, и онъ не могъ меня совратить.»— «Правда,» возразила она, «но развѣ ты не видишь, что онъ побѣдилъ тебя властью, данной ему Богомъ!» Разгнѣванный царь приказалъ распять ее на той-же доскѣ, на которой прежде распяли Джерджиса, и такъ же чесать ее желѣзными гребнями; почувствовавъ мученія, она просила Джерджиса помолиться Богу о смягченіи ея страданій. «Взгляни на небо!»— сказалъ ей Джерджисъ.

Она посмотрѣла и улыбнулась. «Отчего ты улыбаешься?» спросилъ ее Джерджисъ. «И вижу надо мной двухъ ангеловъ,» отвѣтила она, «которые держатъ небесную корону, ожидая, когда душа моя вылетитъ изъ тѣла, дабы украсить ее этой короной и вознести на небеса.» Когда Господь Богъ принялъ душу царицы, Джерджисъ сталъ на колѣни и началъ молиться: «Боже, ты избралъ меня для этихъ испытаній, дабы наградить меня сообразно заслугамъ мучениковъ Твоихъ; но, о, Боже, молюсь тебѣ, не дай мнѣ умереть, пока не отомстишь этому измѣнному народу; пошли ему такую казнь, какой еще не было примѣра, чтобы я могъ утѣшиться и удовлетвориться Твоею казнью. Господи! Прошу Тебя услышать молитву всякаго, кто молится тебѣ, упоминая мое имя, и даровать ему утѣшеніе и облегченіе.» Когда Джерджисъ окончилъ свою молитву, Богъ послалъ на язычниковъ огненный дождь; въ гнѣвъ и злобѣ язычники бросились тогда на Джерджиса съ мечами и убили его. Это была четвертая смерть, обѣщанная Джерджису Богомъ.

Когда городъ со всѣми его жителями сторѣлъ и остался одинъ пепель, Господь Богъ перевернулъ эти мѣста вверхъ дномъ и долгое время еще послѣ этого выходилъ оттуда смрадный дымъ; всякій, подышавшій этимъ дымомъ, заболѣвалъ, каждый особенною болѣзнию.

Всѣхъ увѣровавшихъ въ Джерджиса и погибшихъ съ нимъ было 3400 человѣкъ, и жена царя, да помилуетъ ее Богъ.

Перев. М. О. Антая.

Примѣчанія.

Считаю необходимымъ снабдить свой переводъ некоторыми примѣчаніями. Прежде всего коснусь арабской формы греческихъ именъ.

Арабскій алфавитъ имѣетъ особыя начертанія (т. е. буквы) для обозначенія всѣхъ согласныхъ звуковъ, но изъ гласныхъ звуковъ обозначаются буквами только долгіе: краткіе на письмѣ не выражаются и лишь подразумеваются. Такая система графички, довольно удобная для словъ чисто арабскихъ, произношеніе которыхъ арабу извѣстно, представляетъ большія затрудненія, когда арабу приходится передавать свою азбуку слова иностраннаго, въ томъ числѣ собственныхъ именъ. Читатель, имѣя передъ собою, напр., начертаніе «Стржи» (Στρογγύ), скорѣе всего прочтетъ «Сатарманъ», потому что такое произношеніе соответствуетъ духу его языка; и если писецъ желаетъ, чтобы читатель произнесъ это греческое имя сколько-нибудь по-гречески, онъ долженъ написать: «Иструмунъ». Такимъ образомъ, встрѣчая въ арабской транскрипціи или въ устномъ арабскомъ произношеніи какое-либо иностранное имя, мы не должны думать, что въ языкѣ, изъ котораго это имя заимствовано, оно звучало непременно такъ-же. Отсюда является очень полезная вещь — сдѣлать въ некоторыхъ разъясненіяхъ насчетъ собственныхъ именъ изъ «Житія Джирджиса».

Джирджисъ. Пишется «Джрджисъ», Словарь «Китабъ уль-излямъ ан асмâ иль-азлямъ» признаетъ, какъ правильныя, чтенія: 1) Джирджисъ (по повѣйшей фонетикѣ это можетъ звучать и «Джерджисъ»), 2) Джурджисъ (Джорджисъ), 3) съ обонки краткими «я» послѣ обонкъ «дж», 4) съ краткими «у» («о») послѣ обонкъ «дж». Кромѣ того очень обычна форма: «Джурджий» (Джорджий).

Дазана. Конечное краткое «з» (иначе: «с») изображено буквой, которая можетъ читаться и «г» (лат. h). По другимъ рукописямъ, царь называется «Дадана» и «Дадана». Вероятно, между «Декій» и «Дазана», промежуточной стадіей было «Дакіанъ».

Юбиль. Въ одномъ изъ манускриптовъ, послужившихъ лейденскимъ издателямъ Табары, это имя пишется «Юбиль», каковое начертаніе можно произнести такъ, какъ произнесъ я, и кромѣ того не исключается чтеніе: Ювабиль, Яубиль, Юбайль и т. д. Въ другихъ манускриптахъ въ началѣ имени стоитъ не буква «й» (она изображается посредствомъ зубца съ подписанными двумя точками), а только зубецъ, въ силу чего возможно здѣсь предполагать не только «й», но также одну изъ слѣдующихъ буквъ: б, в, е, т. Одинъ изъ манускриптовъ, действительно, имѣетъ здѣсь «ст», потому-то у Цотенберга: «Тубиль». Вотъ, наконецъ, и таковой манускриптъ, гдѣ подъ «б» и подъ «я» вѣтъ надлежащихъ точекъ, а къ конечному «ль» присоединена черточка, въ силу чего является написаніе: «Йусекъ» (= Юсек, Яусек, Яваск и т. п.). Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что проф. Бирничниковъ могъ бы съ извѣстнымъ правомъ не отказываться отъ своей прежней гипотезы («Тубиль»).

Тарнаблина—это наиболѣе естественное арабское произношеніе напи-

савія «Триблиннѣ», которое у первого написавшаго читалось, должно быть, «Тракбилннѣ», т.-е. Tranquillinus. Одна изъ рукописей даетъ чтеніе: «Треблнннѣ». Очень вѣроятно также, что указанными арабскими начертаніями передается имя: Tarsacinus.

Маджилитъсь. Пишется «Мджлит'ис» и «Мхлит'ис». Быть можетъ, надо здѣсь видѣть Magnentius? или Maxentius?

Аполлонъ. Написано: Алаун (Звукъ и буквы «п» у арабовъ вѣтъ). Обычное произношеніе—«Афалаун».

Иезавель—Избиль.

Александра—Искидре (Искандере).

Кромѣ правильнаго отношенія къ арабской транскрипціи чужихъ именъ, изслѣдователямъ Георгіевой легенды полезно будетъ и слѣдующее свѣдѣніе:

Многими своими чертами Георгій Табаріева сказанія приближается къ Хыдру (иначе: Хадры, Хазырь), и поэтому фольклористы къ своимъ изслѣдованіямъ о Георгіи привлекаютъ также мусульманскія сказанія о Хыдрѣ. Въ извѣстной степени это очень основательно и можетъ опираться даже на авторитетъ извѣстнаго лексикографа Фирюзабади, который говоритъ, что, по мнѣнію большинства людей, Хыдръ и Джирджисъ—это одна и та-же личность (Фирюзабади жилъ въ XIV в.). Но тотъ же Фирюзабади прибавляетъ, что нѣкоторые отождествляютъ Хыдра съ пророкомъ Іліей («Ильс»), а другіе думаютъ, что Хыдръ жилъ во времена Моисея и былъ его пріятелемъ. Последнее толкованіе (его придерживается, между прочимъ, Харири въ своей «Саидской Макамѣ») ищетъ себѣ опоры даже въ одномъ мѣстѣ Корана. Противъ отождествленія Хыдра съ Іліей говоритъ одно мѣсто у Кемаль-уд-дина Абуль Ганайма, жившаго раньше Фирюзабади, автора «Суфійской терминологіи»; онъ отмѣчаетъ, что Ілія—символъ серьезности, тогда какъ Хыдръ—символъ веселья. Небезынтересна арабская поговорка: «онъ — словно Хыдръ: вездѣ присутствуетъ, все видитъ». (Поговорка приведена и у Фирюзабади). Гаммеръ, обративши вниманіе на значеніе имени «Хыдръ» («зеленый») и на тождество его съ персидскимъ «себз», пріурочилъ Хыдра къ фригійскому «Σαβάζιος» и отсюда къ Митрѣ. См. Hammer: Geschichte der schönen Redekünste Persiens, Wien 1824. Ср. изслѣдованіе Windischmann'a: «Mithra».

Въ заключеніе коснусь не новаго, конечно, вопроса о томъ, насколько вѣрно могла сохраниться у Ат-Табари христіанская окраска легенды. Табари черпалъ свѣдѣнія у ибнъ-Хамида, а тотъ—у Селамата (сирійца Шеламе?), а тотъ—у ибнъ-Исхака и «другихъ ученыхъ». Значитъ, источникъ «Житія Джирджиса»—тотъ же, что и Табаріевыхъ апокрифовъ объ Іисусѣ (которые, замѣчу мимоходомъ, уже переведены на русскій языкъ и приготовлены къ печати однимъ изъ моихъ учениковъ); а въ нихъ семитскія имена являются въ такой грецизированной формѣ, которая ясне показываетъ, что историкъ, предшественникъ Табари, имѣлъ передъ собою греческую рукопись.

М. А.

(Читано въ засѣданіи Восточной Комиссіи Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества).

Послѣднее мнѣніе румынскаго ученаго о происхожденіи названія „Влахъ“.

(Ar. Densusianu. Originea cuvântului Vlahi. Revista critică-literară, anul 1894. nr. 1, pag. 1—15).

Подъ именемъ „Волохъ“ — въ старину, „Валахъ“ — въ болѣе позднее время, русскіе знали жителей современной Румыніи, безъ различія этнографическаго и политическаго дѣленія между Молдованами, населяющими восточную половину княжества и сосѣднѣи съ ними земли: Буковину, Бессарабію, Добруджу, т. е. территорію прежняго княжества Молдавіи, — и собственно Валахию, жителями западной половины королевства и сосѣднихъ съ ними земель, т. е. территорію прежняго княжества Валахія. Въ русскихъ памятникахъ на протяжении многихъ вѣковъ слово „Волохъ“ встрѣчается всегда почти съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ, напр. Волохи, земля Волоская, законы Волоскіе, грамоты Волоскія, языкъ Волоскій и т. п. Другія названія появляются въ позднее время и встрѣчаются весьма рѣдко. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ сказаніи Феодора Куріцына, Драгулъ называется всеюдой Мутьянскимъ. Созвучіе словъ „Мутьянский“ и „Молдавскій“ дало мысль проф. Ф. Бусласу сказать, что „Мутьянской землею у насъ въ старину называли Молдавію“ (Русская Хрестоматія; стр. 222-а); въ то же время „Мунтянами“ называютъ себя жители западной половины королевства, т. е. собственно Валахи, какъ жители горъ, горцы (рум. munții = горы). Мунтянами ихъ называютъ и Молдоване восточной половины королевства. А названія „Молдавія“ „Молдавине“ появляется наряду съ „Волохъ“ только въ XVIII вѣкѣ, раньше же встрѣчается совершенно случайно и не всегда послѣдовательно, напр. у русскихъ паломниковъ.

О происхожденіи самого термина „Влахъ“ существуетъ много самыхъ разнообразныхъ теорій, изъ которыхъ ни одна не даетъ серьезно-научнаго объясненія. Въ своей статьѣ „О происхожденіи слова Влахъ“ Ар. Денусиану, профессоръ Яскаго университета, даетъ новое объясненіе, которое, благодаря богатому матеріалу и удачному пользованію имъ, устанавливаетъ несомнѣнно вѣрное происхожденіе слова „Влахъ“ и позволяетъ считать себя и послѣднимъ мнѣніемъ.

Свою статью румынскій ученый начинаетъ заявленіемъ, что всѣ почти историки, писавшіе о Румыніи, предлагали свои объясненія названія „Влахъ“, которое сопровождаетъ Румыновъ съ незапамятныхъ временъ до

настоящаго времени. Но всѣ эти теоріи интересны только по своимъ самымъ смѣлымъ, и подчасъ курьезнымъ, предположеніямъ. Одни производили слово „Влахъ“ отъ имени римскаго полководца Флакка, прославившагося своими побѣдами въ древней Дакии, другіе — отъ германскихъ словъ: Валли, Вальки, Валиски, а одинъ писатель производитъ даже отъ слова Latini, говори, что приставленіемъ въ началѣ слова звука V получилось слово Vlasi. Далѣе, одни производятъ слово „Влахъ“ отъ древнеиталійскаго племени Вольсковъ, другіе — отъ галльскаго Volcae Tectosages (Caes. Bell. Gall. VI, 24), третьи — просто отъ Галлъ, Кертингъ и его предшественники — отъ древнегерманскаго слова Valh, что значитъ рабъ, пятыя отъ славянскаго корня *влад* (владѣть, владъ — господинъ), шестыя отъ латинскаго прилагательнаго validus — сильный, седьмыя — отъ готскаго корня val — господствовать и т. д. Наконецъ, Никте, а за нимъ Томашекъ видятъ въ словѣ „Влахъ“ корень, общій съ санскритскимъ mlecha — варваръ. Домыслы писателей болѣе новыхъ даютъ результаты вродѣ придеиныхъ и научнаго значенія не имѣютъ.

Свое изслѣдованіе Ар. Денсушяну начинаеть двумя вопросами, которые сразу ставятъ задачу на научно-критическую почву и даютъ направленіе началу работы.

Вопросъ первый: кто называлъ и называетъ теперь Румына Влахомъ? Оказывается, что сами Румыны никогда не называли себя Влахами, а для этого у нихъ существуютъ термины: Румынъ, Арумынъ — въ Болгаріи, Румерь — въ Истріи и Ромаръ — въ древности. Влахами же называютъ Румынъ сосѣдніе чужіе народы, напр., Нѣмцы говорятъ Валахъ, Славяне Волохъ, Венгры — Олахъ и т. д. Второй вопросъ является ужъ самъ собою: почему Румыны не называютъ себя Валахами? Съ перваго же взгляда можетъ показаться, что слово „Влахъ“ имѣеть что-то оскорбительное для Румына; то же оказывается и на самомъ дѣлѣ: Валахъ — слово бранное, насмѣшливое. Такъ, Нѣмцы со словомъ „Влахъ“ соединяютъ самыя неестественныя эпитеты: глухой, лѣнивый, вонючій Влахъ. Такія же названія можно слышать и въ Венгріи. Саксонцы называютъ Румынъ въ насмѣшку Блохами и Влешами. Такой же смыслъ это прозвище имѣеть и у другихъ народовъ и въ другихъ странахъ, сосѣднихъ съ Румынами: Броаци, Дамація, Герцоговиня, Боснія и Истріи. Важно еще то, что изъ всѣхъ романскихъ народовъ одни Румыны получили такое прозвище и удерживаютъ его до послѣдняго времени. Спрашивается: когда слово „Влахъ“ появилось впервые?

Въ Паннонскихъ Житіяхъ, слѣдовательно въ концѣ IX вѣка, Румыны въ первый разъ названы Влахами (у Dümleŕa); съ такимъ же названіемъ являются они чрезъ столѣтіе позже, а именно, у византійскаго хрониста Кодрена (ed. Bonn. II, p. 435). Съ тѣхъ поръ названіе „Влахи“ встрѣчается все чаще и чаще. Но для того, чтобы слово сдѣлалось этнографическимъ терминомъ, нужно, чтобы само это слово существовало раньше. И вотъ, авторъ изслѣдованія видитъ слово „Влахъ“ въ названіи предмѣстья г. Константинополя, а затѣмъ часовни и чудотворной Иконы Влахервской (Βλαχέρνα); а это названіе встрѣчается у хрониста

Кандида Исаврійскаго, т. е. во второй половинѣ V вѣка (ed. Bonn, p. 475), затѣмъ—у Агатія, Проконія и у другихъ, а одинъ хронистъ—Пахимеръ говоритъ, что „Константинопольскія предмѣстья поны Влаховъ“ (Βλαχῶν γειτόν) (II, p. 106). Слѣдовательно, слово „Влахъ“, сдѣлавшееся топическимъ терминомъ, существовало еще раньше.

Среди подписей лицъ, участвовавшихъ на совѣтѣ въ Сардиѣ т. е. въ 347 году (Фотій. Miriobiblion, p. 1423), читается— „Antenodorus, a Dacia, de Blacena.“ Это—имя одного изъ пяти епископовъ Дакіи, а слово „de Blacena“ авторъ считаетъ производнымъ отъ Βλαχῶν, тѣмъ вѣроятнѣе, что Дакія—родина румынскаго элемента. Интересно, что слово „Влахъ“, какъ этнографическій терминъ, появляется на Фракіійско-Иллирійскомъ полуостровѣ, т. е. тамъ, гдѣ римскій элементъ сопрягася съ греческимъ. Это заставляетъ автора изслѣдованія думать о греческомъ происхожденіи самого слова „Влахъ“ и обратиться къ греческимъ авторамъ. Прежде чѣмъ приступить къ изысканіямъ въ этой области, авторъ ставитъ вопросъ: послѣдняя дата, сопровождавшая названіе „Влахъ“—середина IV вѣка; разъ предположено греческое происхожденіе слова, давшаго народу латинскаго происхожденія, вопросъ является самъ собою—нельзя ли найти это слово тамъ и тогда, когда Греки впервые познакомились съ Римлянами?

Вѣстѣ съ появленіемъ Римлянъ на памяти исторіи на Италійскомъ полуостровѣ, его южную часть населили Греки-колонисты, давшіе даже названіе занимаемой ими территоріи, а именно—Великой Греціи. У Катона Старшаго (234—149 г. до Р. Хр.), въ одномъ отрывкѣ, сохранившемся въ передачѣ историка Плинія, говорится (XXIX 1,7), что Греки считаютъ Римлянъ народомъ грубымъ, варварами: *nos quoque dicunt barbaros, et spurcius nos quam alios opicos, appellatione foedant.* Въ этомъ выраженіи понятны всѣ слова, за исключеніемъ одного слова *opicos*, которое, уже по первому взгляду, должно означать бранное прозвище, насмѣшку. Нѣсколько мѣстъ у схоластовъ—Квинтиллиана и Ювенала подтверждаютъ это впечатлѣніе: ясно, что у Грековъ, въ ихъ классическую еще эпоху, слово *opichos* означало: простякъ, неучъ, мужикъ, варваръ и т. п. Такой же точно смыслъ имѣетъ слово *opicus* и у латинскихъ писателей, напр. у Геллія (*Noctes Atticae*, II. 21, 4), изъ котораго авторъ изслѣдованія приводитъ три отрывка. Такъ какъ Катонъ не называетъ прямо того прозвища, которое Греки дали Римлянамъ, при первомъ знакомствѣ съ ними во время войны, а говоритъ только, что прозвище еще оскорбительнѣе слова *opicus*,—то Ар. Деисупіану ставить вопросъ: не хотѣлъ ли Катонъ упоминать о словѣ „Влахъ“? У Аристотеля, въ передачѣ одного грамматика XI вѣка—*Suida*, находимъ поговорку: „*безполезнѣе, чѣмъ Влахъ*“. „Говорить“, передаетъ грамматикъ, „что оно (т. е. слово) взято отъ названія рыбы, похожей на сома (*σφόδρον*)“, настолько нивому *непригодной*, что ее не ѣли даже собаки. Другіе производятъ (это слово) отъ мѣстности (области—*χωρίον*) вблизи Бумъ, носившей названіе Влахія (*Βλαχία*), о которой упоминаетъ Аристотель. И въ Александріи «*влахенноиовъ*» назывался родъ налога, который

платили астрологи какъ *простяки*“ (Michaelis Apostolii, cent V, prov. 65). Такимъ образомъ, всѣ три объясненія слова „Влахъ“ даютъ въ результатѣ одно и то же. Такъ какъ въ области г. Кумъ, носившей, по Аристотелю, названіе Влахія, жило племя, которое впоследствии называлось Осками, то является возможность предположить, что слова Катона слѣдуетъ отнести къ тѣмъ же Оскамъ, которые раньше назывались Опипами. Слово *opicus* авторъ сближаетъ съ именемъ богини плодородія, жены Сатурна, которая въ римской мифологіи называлась *Ops*; а такъ какъ это же имя *Ops* является также со значеніемъ terra = земля (у Исидора—Orig. VIII. 11, 59. XIV. 1, 1), то въ названіи *opicus* авторъ видитъ синонимы словъ: мужикъ, поселянинъ, земледѣлецъ. Приступая къ объясненію названія мѣстности *Влахія*, встрѣтившагося въ отрывкѣ изъ Аристотеля, авторъ выписываетъ четыре слова изъ Исидія, грамматика IV вѣка: *Βλάξ* = *μορός*, т. е. простой, *Βλαχία* = *μαλαχία*, *Βλάχα* = *ἐπιπροβάτῳδῳ*, *Βλαχεύει* = *διατρίβει, μοραίνει, μορός τι ποιεί* (H. Stephanius. Thesaur. gr. Linguae). То же значеніе этихъ словъ даютъ и словари новѣйшихъ ученыхъ—нѣмецкихъ и французскихъ, и латинскій грамматикъ II вѣка Фестъ; такъ что авторъ изслѣдованія предполагаетъ, что у Римлянъ это слово существовало вравнѣ съ латинскими однозначущими словами: *stultus* и др.

Въ результатѣ изысканій Ар. Денсушяну, оказывается, что его первоначальное предположеніе нашло себѣ опору, т. е. что слова *βλάξ* и *ἐπίχος* впервые появились тамъ, гдѣ Греки встрѣтились съ Римлянами, и что оба эти слова—синонимы.

Такимъ образомъ, весьма понятно, что образованные и промышленные Греки называли въ насмѣшку „Влахами“ некультурныхъ и непредпріимчивыхъ Римлянъ-земледѣльцевъ, какими они были до позднихъ временъ. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что это оскорбительное для Римлянъ прозвище, какъ будто исчезаетъ, по крайней мѣрѣ, не встрѣчается въ памятникахъ, на пространствѣ того времени, пока Римъ былъ сильной державой. Когда палъ Римъ и возвысилась Византійская имперія, прозвище «Влахъ» снова выступаетъ и нерѣдко появляется у византійскихъ историковъ. Такимъ образомъ, это прозвище сопровождало названіе Римлянъ только въ первое время ихъ исторической жизни, до тѣхъ поръ пока въ своей политической и культурной жизни Римляне были варварами въ глазахъ образованныхъ Грековъ.

Слѣдуетъ прибавить, что наша „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ понимаетъ слово „Влахъ“ скорѣе, какъ болѣе *общій этнографическій терминъ*, и обозначаетъ имъ первоначальное населеніе Италійскаго полуострова. Такъ, перечисляя народы, происшедшіе отъ колѣна Асегова, она говоритъ: „Асегово же колѣно и то: Варязи, Волохове, Римлянѣ (Нѣмцѣ, Борязи), Венедици, Фряговѣ и прочая“ (Лѣт. по Ипатск. сп. СПб. 71 г., стр. 2-я). Весьма правдоподобно, что „Волохове“ служить общимъ терминомъ для трехъ послѣдующихъ названій народовъ, какъ отраслей одного и того же племени, и что эти три слова объясняютъ общее названіе Волоховъ.

Когда Римъ сталъ державой, когда въ Римъ перешла и греческая

культура и Римляне стали образованными народами, то смысл прозвища „Влахы“ утратился и слово это не встрѣчается въ приближеніи къ названію Римлянъ. Когда Грекамъ приходилось сталкиваться съ другими племенами, такими же некультурными, какими были Римляне во время пераго съ ними знакомства, они тоже давали имъ прозвища, часто — съ тѣмъ же смысломъ, но прозвище „Влахы“ осталось за Римлянами, какъ первоначальнымъ населеніемъ Италии. Когда Греки снова познакомились съ простыми-земледѣльцами и пастухами Дунайской долины, говорившими на томъ грубомъ простомъ языкѣ, который существовалъ у Римлянъ въ глухихъ мѣстахъ, въ деревняхъ и провинціяхъ и который считался языкомъ тѣхъ древнихъ Италиковъ, которыхъ Греки прозывали Влахами и Опиками, — тогда снова воскресло прозвище, данное тѣмъ же Римлянамъ тысячелѣтіе тому назадъ. Известно, что главный элементъ современного румынскаго языка составляетъ престоноардннй латинскій языкъ, перешедшій чрезъ колонистовъ къ дакійскимъ племенамъ и сохранившійся въ своей первоначальной чистотѣ, благодаря историческимъ и географическимъ условіямъ. Такимъ образомъ, Румыны появившіеся въ глазахъ Грековъ чрезъ много вѣковъ, какъ-бы удержали за собой это прозвище, тѣмъ болѣе, что уже древніе византійскіе хронисты считаютъ Румынъ итальянскими колонистами (Синапус. VI. 3). По образу жизни, занятіямъ и языку, Румыны напоминали тѣхъ Римлянъ, которыхъ Искіей, авторъ IV вѣка по Р. Хр., называетъ простыми и пастухами. „Вотъ почему“, говоритъ Ар. Денсушану, „Влахы у Византійцевъ значить одно и тоже, что пастухъ, а это тождество, какъ доказано раньше, имѣетъ свое начало въ стародавній времена, еще въ Италиі“ (стр. 14-я).

Слѣдуетъ прибавить, что съ тѣмъ же значеніемъ слово „влахы“, „влахы“ перешло и въ славянскіе языки. Такъ, напр. въ сербскомъ языкѣ оно означаетъ пастухъ. Приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ грамотъ: въ грамотѣ великаго жупана Стефана Немани, данной Хиландарскому монастырю на Лесѣ въ 1199 году, говорится: „а вѣсече влахъ рѣ(170) (архим. Леонидъ. Исторія. Описаніе сербской царской лавры Хиландаріи. Читанія, 68 г., стр. 122-я). Также и въ двухъ древнейшихъ грамотахъ XIV вѣка: „а се власси, коихъ е господинъ краљъ придаде светѣи црькви“ (тамъ же, стр. 25-я), церькви светаго Накеты „оу Баняхъ съ семя и съ людьми и съ власси“ (тамъ же, стр. 33-я).

Въ концѣ своего изслѣдованія Ар. Денсушану обращаетъ вниманіе на то, что въ Африкѣ, въ той части Туниса, гдѣ теперь лежитъ городъ Каммартъ, еще въ древности существовалъ городъ съ названіемъ Вавазія (Hofmann. Lexicon univers.); такъ, по крайней мѣрѣ, передаетъ это названіе арабскій историкъ Мармозій.

И вотъ, прозвище-насмѣшка древнихъ итальянскихъ племенъ осталась за ихъ потомками, современными Румынами. Интересно также, что Греки, давшіе Италикамъ это прозвище, и въ послѣдующія времена называли имъ однихъ только Румынъ, слѣдовательно смыслъ этого слова имѣетъ тѣсную связь съ характеристикой древняго населенія Италиі. Далѣе, современные Греки Влахами никогда не называютъ другіе народы романскаго

происхожденія, напр. Итальянцевъ, Французовъ, какъ это дѣлаютъ до сихъ поръ Германцы, называя ихъ разными именами: Vallas, Valiscus, Valchen, Velsch. Стоять ли въ связи это позднее прозвище у Германцевъ съ древнимъ названіемъ у Грековъ или нѣтъ, авторъ общааетъ познакомить читателей въ особой статьѣ.

Въ заключеніе должно упомянуть о томъ, что Русскіе Волохами называли однихъ только Римлянъ или Итальянцевъ, а не всѣ романскіе народы, какъ это дѣлаютъ напр. Германцы. Начиная съ свидѣтельства первоначальной русской Лѣтописи и кончая вѣкомъ ХІІІ, русскіе называютъ Волохами Римлянъ-Итальянцевъ. Такъ напр., сказавъ о разселеніи Славянъ, Лѣтопись говоритъ: „Волохомъ бо нашедшимъ на Словены на Дунайскыя и сѣдшимъ в нихъ и населяющимъ имъ, Словѣне же ови пришедше“ и т. д. Очевидно, здѣсь говорится о завоеваніи Римлянами царства Гетовъ и господствѣ ихъ въ Дакии. Если мы возьмемъ поздній памятникъ литературы переводной, напр. „Жарты Польскія“, перешедшія съ запада черезъ Польшу, то здѣсь встрѣтимъ нѣсколько рассказовъ про Волоховъ, т. е. Итальянцевъ. Изъ славянскихъ и русскаихъ ученыхъ нѣкоторые пытались дать объясненіе слову „Влахъ“. Такъ напр., Шафарикъ производитъ отъ нѣмецкаго Wal, Walh, Weilh, Wälsche—имени, обозначавашаго у Германцевъ челоуѣка галльскаго или кельтскаго происхожденія. Того же мнѣнія держался и Шленеръ. Карамзинъ считаетъ Волоховъ потомками древнихъ Гетовъ и римскихъ колонистовъ времени имп. Траяна (т. I, прим. 18). По мнѣнію Соловьева, Волхва — имя общее для всѣхъ романскихъ народовъ (т. I, стр. 83-я). Г. Эверсъ говоритъ, что „Влахъ“ означало у Славянъ кочевниковъ-Болгаръ и производитъ отъ слова: влacity. То же говорятъ и Дриновъ въ своемъ „заселеніи Балканскаго полуострова“ и Н. Арцыбашевъ. А. Гильфердингъ считаетъ Волохами римскихъ колонистовъ или романизованныхъ туземцевъ по обонмъ склонамъ Пинда (Н. Барсовъ. Очерки русской исторической географіи, стр. 114-я).

А. И. Яцимирскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

В. Ф. Миллеръ. Систематическое описаніе Дашковскаго Этнографическаго Музея. Вып. IV. М. 1895, 8°, 4+108.

Настоящимъ, четвертымъ, выпускомъ заканчивается описаніе коллекцій Дашковскаго музея. Выпускъ посвященъ австрійскимъ и балканскимъ славянамъ. Помимо описанія предметовъ, находящихся въ музеѣ и относящихся къ этимъ славянамъ, въ началѣ каждого отдѣла дается краткій обзоръ по этнографіи данной народности и приводится перечень сочиненій и изданій касательно этой народности. Эти добавленія особенно для насъ цѣльны въ виду скудости и малораспространенности у насъ свѣдѣній о славянахъ. Для свѣдѣній о бытѣ отдѣльныхъ народностей авторомъ привлечены, помимо печатныхъ трудовъ, и неизданные до сихъ поръ матеріалы, главн. обр. изъ бумагъ «Русской Этнографической выставки» (1867 г.). Хотя настоящая книжка, какъ и предыдущія, назначается прежде всего для публики, какъ пособіе при ознакомленіи съ коллекціями, она однако можетъ съ пользою послужить и для желающаго поближе познакомиться съ славянскими народностями Австріи и Балканскаго полуострова: списокъ сочиненій о нихъ, хотя авторъ описанія не имѣлъ въ виду полноты списка, вышелъ, однако, настолько полнымъ и настолько захватываетъ данное племя, что, руководясь имъ, можно вполне достаточно познакомиться съ избранными для изученія племенемъ. Пропускомъ, особенно крупнымъ, мною не замѣчено: можно, развѣ, добавить только кое-что; напр.: «Животъ сѣра селяка» (М. Милочевичъ) печатано не въ одной 45 книгѣ «Гласника», но также въ 22 и 37 (1867—1877 г.); теперь это сочиненіе вышло и отдѣльно вторымъ, дополненнымъ изданіемъ въ качествѣ первой книги новаго этнографич. журнала сербской академіи въ Бѣлградѣ (Српски этнографски зборник, 1894 г.). По общей этнографіи Сербіи важнѣе, нежели «Краевина Сербіи» (того же Милочевича), его старшій трудъ «Кнежевина Сербіи», въ которой «Краевина» является дополненіемъ. Въ числѣ сербскихъ грамматикъ, годныхъ для ознакомленія съ языкомъ, можно, помимо Даничича («Облица»), указать на наиболѣе распространенную и чаще встрѣчаемую грамматику М. Дивовича — *Oblici hrvatskoga jezika* (Zagreb, 1890). Изъ болгарскихъ этнографическихъ изданій можно бы добавить нѣсколько; ограничусь указаніемъ на одно, на которое обратилъ мое вниманіе П. А. Лавровъ; это — «Жива Старина, этнографическо списаніе», издан. въ Руссе Д. Мариновымъ; въ 1894 г. вышла уже четвертая книга этого сборника. Этнографич. матеріалъ помѣщался также въ солунскихъ «Книжницахъ», есть онъ и въ журн. «Библиотека на св. Климентъ».

М. Сперанскій.

А. Ө. Риттихъ. Четыре лекціи по русской этнографіи. (СПб. 1895, 8°, стр. 83). Работъ, касающихся общихъ вопросовъ русской этнографіи у насъ немного; тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, если новый трудъ въ этомъ направленіи совершенно не удовлетворяетъ своему назначенію: къ числу совершенно неумианого балласта нашей этнографической литературы слѣдуетъ отнести и лекціи г. Риттиха. Выражая сожалѣніе, что «этнографическія познанія, къ великому нашему горю и во вреду нашего населенія, не вошли по сю пору въ программу нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній», г. Риттихъ удѣляетъ этнографіи однако значеніе исключительно практическое. Этнографія, эта «особая, мало еще объяснимая и практикуемая наука», необходима для того, чтобы «знать, хотя-бы предварительно, по теоріи, тѣ народы, тѣхъ людей, которые передъ нами, ихъ главныя черты характера, пользуясь которыми, возможно совершить чудеса на всѣхъ отрасляхъ человѣческой жизни. А если мы», продолжаетъ авторъ, «эту духовную сторону намъ подчиненныхъ людей не знаемъ и не изучаемъ, то хотя и будетъ нивелировка, но никогда школа не достигнетъ своей ассимиляціи и той высоты, чтобы и впоследствии остался-бы тотъ русскій человѣкъ или солдатъ, который казался столь пріятнымъ въ обученіи, своимъ наружнымъ лоскомъ и затверженнымъ языкомъ, имѣющимъ свой корень и начало только въ строгой учебной дисциплинѣ» (стр. 8). Зная, что г. Риттихъ видитъ въ этнографіи исключительно собраніе матеріала, которое облегчаетъ задачу законодателя или лицу, призванному къ управленію, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ указанія на вѣрныя средства къ ассимилированію различныхъ племенъ, мы не удивимся, что «въ лекціяхъ по этнографіи» мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе хотя-бы о татарахъ: «татарскій элементъ намъ неопасенъ по своей разрозненности и малочисленности, если мы сами не будемъ его увеличивать»; послѣдующая затѣмъ странная характеристика татаръ является для насъ непонятной: «татаринъ нахнетъ отъ конского мяса, и партію новобранцевъ-татаръ каждый признаетъ, что это не русскіе. Цѣломъ онъ желтоватъ. Неоправдѣнъ. Парши на головѣ и выпаденіе волосъ—общіе недостатки. Но онъ въ общемъ здоровъ, крѣпокъ и пригоденъ къ службѣ. Его развитость не велика, хотя онъ по своему грамотенъ, но эта грамота мало ему помогаетъ на службѣ. Мухаммеданскую грамоту, съ узкимъ возрѣніемъ, ему вбили, какъ кливъ; затѣмъ вбить другой въ одно и то же мѣсто не приходится, и потому русская грамота всегда страдаетъ у него. Татары дезертируютъ, татары уродуютъ себя и хотя и меньше, чѣмъ евреи, однако достаточно. Татары въ 1854—56 гг. бѣжали съ набора цѣлыми партіями, чтобы не сходитья противъ единовѣрцевъ, а магометане вообще переселялись въ Турцію. Пусть себѣ всѣ подобныя элементы переносятся со своимъ скарбомъ за границу, тѣмъ лучше будетъ нашему земледѣльцу, тѣмъ больше мѣста русскому населенію» (стр. 71). Мы не знаемъ, пригоденъ-ли въ настоящее время для военныхъ дѣйствій казачій строй (стр. 79), слѣдуетъ ли привлекать принадлежащихъ къ «тюркскому племени потомковъ монголовъ по языку» (стр. 15) чувашей, «въ особенности Цивильскаго у. Казанской губ.

въ службѣ въ нашей регулярной кавалеріи, что совѣтуетъ г. Ряттихъ (стр. 81),—пусть это рѣшаютъ специалисты,—мы лишь знаемъ, что все подобныя вопросы, равно и вопросъ, слѣдуетъ-ли радоваться или вѣтъ выселенію магометанскаго населенія въ Турцію, совершенно чужды наукѣ этнографіи, какъ ей чужды и вопросъ о томъ, что въ Россіи много вѣмечныхъ развѣдчиковъ, которые «подъ покровительствомъ своихъ консуловъ... и коммисіонерствуя для своихъ торговыхъ фирмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ занимаютъ развѣдкою всего того, что полезно ихъ государству, ихъ войску, стратегіи, дипломатіи, большому генеральному штабу» (стр. 66). Все это вопросы государственной важности, но имъ не мѣсто въ лекціяхъ по этнографіи. Вообще въ лекціяхъ г. Ряттиха очень мало говорится о современной этнографіи, такъ какъ въ ней мы отказываемся отнести характеристики разныхъ народностей Россіи, образцы которыхъ (о татарахъ) мы уже привели. Больше мѣста отводится авторомъ вопросамъ историко-этнографическимъ, но и здѣсь мы находимъ массу несообразностей: предоставляемъ вновь слово самому автору; на стр. 22 г. Ряттихъ говоритъ: «эта земля называлась Скиѣею, слово—по сію пору неразгаданное, но соображая то, что тамъ (по Дибюру) находится въ горахъ и по берегамъ рѣкъ, оно могло получить свое начало отъ слова *скинты*, которыхъ немало и по сію пору на югѣ Россіи и немало отшельниковъ-монаховъ имѣетъ и теперь свои скинты, въ которыхъ живутъ, проповѣдуютъ и умираютъ». Геродотъ (на стр. 24) называется «отцемъ исторіи и въ частности исторіи славянъ». «О врагахъ рассказывали въ то время (Геродоту) много; будто ночью они обращались въ волковъ, оттого Волковскіе, Вилковинскіе и Вилкомиръ» (стр. 25). Мы не будемъ больше утомлять читателя выписками изъ «лекцій по этнографіи», но мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что благодаря заглавію книжки русская этнографическая литература будетъ считаться однимъ лишнимъ трудомъ, который съ этнографіей ничего общаго не имѣетъ и чтеніе котораго можетъ дать лишь совершенно превратное представленіе о содержаніи и задачахъ науки.

Н. X.

Землеводѣніе (Період. изданіе Географическаго Оуд. И. О. Люб. Востоковознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ ред. Д. Н. Анучина 1894 г. № 4, и 1895 г. № 1, 2—3).—Намъ уже приходилось упоминать на страницахъ «Этнографическаго Обзорія» объ интересѣ, представляемомъ названнымъ изданіемъ. Какъ и въ предшествующихъ книжкахъ, этнографъ найдетъ и въ послѣднихъ №№ «Землеводѣній» не мало цѣнныхъ данныхъ, имѣющихъ или непосредственный этнографическій интересъ, или по крайней мѣрѣ представляющихъ рядъ фактовъ, содѣйствующихъ расширенію кругозора при этнографическихъ наблюденіяхъ. Въ первой группѣ статей слѣдуетъ отнести работы Д. М. Головачева: Замѣтки о русской колонизаціи Сибири, покойнаго Н. М. Ядринцева: Изъ наблюденій надъ переселенцами въ Зап. Сибири лѣтомъ 1892 г., М. А. Леваневскаго: Очерки Киргизскихъ степей Эмбенскаго у. (продолженіе). Указанныя статьи помѣщены въ № 4 за 1894 г., къ нимъ

слѣдует прибавить изъ появившихся въ № 1 за 1895 г. работъ—очеркъ *Вл. Б.*: «Народная Космографія. Какъ устроены земля и небо по представленіямъ нѣкоторыхъ крестьянъ Смоленской губ.», — прекрасно рисующій взглядъ крестьянъ на землю и небо, неопредѣленность и сбивчивость ихъ представленій въ этомъ направленіи, и дающій примѣры того, какъ прививаются или передѣлываются усвоенныя въ школахъ свѣдѣнія по этимъ вопросамъ. Работа г. *Вл. Б.* можетъ служить примѣромъ для подражанія: накопленіе свѣдѣній, подобныхъ сообщаемымъ въ названной работѣ, изъ различныхъ мѣстностей нашей родины—могло-бы повести къ установленію цѣнныхъ и научно-важныхъ выводовъ въ области изученія народныхъ представленій о природѣ и ея проявленіяхъ. Статья *М. В. Никольскаго*: «Древняя страна Урарту (Араратъ) и слѣды ассириавилонской культуры на Кавказѣ» — представляетъ историко-этнографическій интересъ; авторъ на основаніи глинообразныхъ надписей, извѣстныхъ уже раньше и открытыхъ имъ самимъ во время его археологической поѣздки въ Закавказье, совершенной совместно съ А. А. Ивановскимъ по порученію Имп. Моск. Археол. Общества, возстановляетъ древній періодъ исторіи указанныхъ мѣстностей, находившихся за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр. подъ значительнымъ вліяніемъ ассириавилонской цивилизаціи; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ стремится опредѣлять и предѣлы распространенія этого вліянія.

Изъ статей 2-й группы отмѣтимъ работы: *Н. Каспійскаго*: «Восхожденіе конвоя въ Караворумъ», съ дополненіемъ отъ редакціи: «Восточный Гиндукушъ и горная болѣзнь», и «Географическій обзоръ», — помѣщенные въ № 4, а изъ помѣщенныхъ въ № 1 (1895 г.): *А. М. Беркенейма*: «Географическія условія и природа Аргентинской республики», *И. Л. Яворскаго*: «Поѣздка въ горную часть Бухарскаго ханства и Самаркандской области», *Д. А.*: «Очеркъ Кореи и ея отношеній къ Китаю и Японіи» (свѣдѣнія преимущественно этнографическія помѣщены во II и III главахъ указанной статьи), и *И.*: «Отчетъ объ XI конгрессѣ нѣмецкихъ географовъ въ Бременѣ».

Книжка 2—3 «Землевѣдѣнія» за 1895 г. издана подъ ред. Д. Н. Авучина и В. В. Богданова. Въ этой книжкѣ мы находимъ, какъ и въ предшествовавшихъ №№ этого изданія, много интересныхъ матеріаловъ частью непосредственно этнографическаго характера, частью имѣющихъ косвенное отношеніе къ нашей наукѣ; изъ числа первыхъ отмѣчаемъ небольшую любознательную замѣтку *С. М. Шаргородскаго*: «Объ юкагирскихъ письменахъ» (съ табл. рис.). С. М. Шаргородскій имѣлъ возможность лично познакомиться и сблизиться съ юкагирами, живущими на р. Исачной, и узнать употребляемые ими письмена. Эти письмена, которыя вырѣзываются на берестѣ при помощи ножа, составляютъ исключительную привилегію дѣвушекъ, которыя этимъ путемъ выражаютъ свои чувства къ молодымъ людямъ; какъ знаки, такъ и содержаніе ихъ несложно. Авторъ приводитъ нѣсколько образцовъ ихъ; кромѣ того имъ приведены и образцы торговыхъ записокъ юкагировъ, которые для составленія ихъ пользуются пиктографіей. *Вл. Лохельсонъ* въ «Замѣткахъ о населеніи

Якутской Области» сообщает краткія свѣдѣнія о русскихъ якутахъ, тунгусахъ и ламутахъ, юкагирахъ, чуванцахъ и чуячахъ.

Въ этой-же книжкѣ «Землеводіи» помѣщено окончаніе работы *М. И. Левановскаго*: «Очерки киргизскихъ степей Эмбенскаго у.»; на этотъ разъ авторъ касается суевѣрій киргизовъ, знахарей, обрядовъ при рожденіи, дѣченіи родимчакъ, сватовства и свадьбы, обрядовъ отдѣленія каибтки женатаго члена семьи (гл. X), обрядовъ при погребеніи, соотязаній въ скачкахъ и борьбѣ, останавливается на характерѣ киргиза и пр. (гл. XI), описываетъ охоту съ истребомъ на утокъ, преданіе о планетѣ Венера («Зугра») и пр. (XII). Популярно изложенный очеркъ *А. М. Беркегейма*: «Жизнь въ пампасахъ Юж. Америки» (съ 8-ю рис.) знакомитъ съ хозяйственнымъ бытомъ гаучо. Въ статьѣ *А. А. Ивановскаго*: «Озеро Гокча», посвященъ географическій характеръ, читатель найдетъ интересныя этнографическія свѣдѣнія о современномъ и древнемъ населеніи береговъ озера (гл. IV). Изъ остальныхъ статей отмѣтимъ *О. В. Маркрафа*: «Великая Сибирская лѣнность», ея географическія особенности и ея значеніе для хозяйства и заселенія страны, даѣе интересный, какъ и въ предшествовавшихъ №№, *географическій обзоръ*, посвященный на этотъ разъ VI международному географическому конгрессу въ Лондонѣ, и некрологъ *А. В. Вязьмина*. Наконецъ, въ приложеніи помѣщена обширная работа *Д. Н. Анучина*: «Суша. Братія свѣдѣнія по орографіи».

Н. Х.

Алтайскій Сборникъ. Выпускъ I. Изданіе Общества Любителей Изслѣдованія Алтая. Томскъ 1894 г.

Выпускъ очень богатъ и интересенъ. Первая статья—*Н. Зобнина*: «Привлеченіе крестьяне на Алтай»—прекрасно рисуетъ въ небольшомъ и историческомъ очеркѣ бытовые и, главнымъ образомъ, экономич. условія жизни крестьянъ Алтая, условія, въ общемъ очень неблагоприятныя для болѣе или менѣе спокойнаго вѣдѣтельнаго существованія; быть можетъ, когда о тѣхъ же крестьянахъ будутъ собраны матеріалы и чисто-этнографическіе, названный трудъ пролѣтъ далеко не лишній свѣтъ на умственный и нравственный ихъ обликъ.—Слѣдующій очеркъ—*Н. Наумова*: «Сарбыскъ (бытовые наброски)»—даѣт отчетливый бытовой матеріалъ о взаимныхъ отношеніяхъ киргизовъ и русскихъ въ Кузнецкомъ округѣ; въ данномъ случаѣ, хорошо обрисована русская сельская власть у киргиза, русское кулачество тамъ же и, наконецъ, одинъ изъ эпизодовъ любви и ревности, сложившійся въ такомъ оригинальномъ сочетаніи характеровъ, какъ: киргизъ, русский кулакъ, несчастная жена киргиза и сколько же безпечная жена кулака. Вся драма разыгрывается тоже оригинально: киргизъ мститъ въ формѣ конокрадства, кулакъ преслѣдуетъ киргиза судомъ, но, онъ первый же виновникъ, попадаетъ въпресакъ, впрочемъ, въ концѣ концовъ, торжествуетъ кощунство и сладострастіе кулака, а бѣдному инородцу, въ угоду идеи христіанства, разбиваютъ жизнь.—Дальнѣйшая статья—*А. Кауфмана*: «Общинные порядки восточныхъ волостей Томскаго округа и сѣверо-западной половины Маринскаго округа»—даѣт со-

лидный матеріалъ для изслѣдованія общины не только въ ея мѣстной формѣ, но и въ ея историческомъ развитіи. На этотъ вопросъ въ нашемъ журналѣ уже не разъ обращалось вниманіе, и всегда высказывалось пожеланіе видѣть дальнѣйшую разработку его. Здѣсь пока собранъ матеріалъ о формахъ землевладѣнія, который представляетъ еще и тотъ интересъ, что собранъ «на самомъ исходѣ патриархальнаго періода жизни Сибири», такъ какъ Сибирская желѣзная дорога и пришлые переселенцы все въ крестьянскомъ хозяйствѣ измѣняютъ радикально. — Далѣе идутъ еще нѣсколько статей, которыя такъ или иначе касаются бытовой обстановки населенія, — это: *г. Майера*: Алтайскіе серебряные рудники; *И. Казаринова*: Холерная эпидемія въ 1892 г. въ Сузунскомъ заводѣ; *А. Недзвецкаго*, *Братній очеркъ* холерной эпидеміи въ Барнаулѣ 1892 года; (безъ имени автора); Матеріалы по переселенію въ Алтайскій округъ въ 1888—92 годахъ (авторъ отмѣчаетъ нѣкоторые интересные факты о характерѣ переселеній: случайныхъ, неудачныхъ, неравномѣрныхъ и т. д.); *И. О.*: Къ вопросу объ Алтайской общинѣ (замѣтка: авторъ указываетъ на Зѣтинскій край, какъ удобный для наблюдателя, ибо на пространствѣ двухъ—трехъ волостей сконцентрировались всѣ виды общиннаго владѣнія на Алтай). — Далѣе идутъ работы по ботаникѣ и метеорологіи, и въ концѣ помѣщены «Матеріалы для бібліографіи Алтая» (1891—93 г.) и «Братній отчетъ совѣта общества Л. И. А. за 1891—92 гг.».

Такимъ образомъ, вся книга посвящена, главнымъ образомъ, современному положенію страны, и это тоже необходимо и для изслѣдованія различныхъ эволюцій культуры, потому что очень часто истинное настоящее заставляетъ долго изслѣдователя теряться въ безконечныхъ гипотезахъ и теоріяхъ, никогда не доводящихъ всей цѣпи эволюцій до послѣдняго сына.

Вл. Б.

Матеріалы по археологіи Кавказа, собранныя экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства. Выпускъ IV. «Христіанскіе памятники», гр. Уваровой. Москва, 1894 г.

Настоящій выпускъ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа» заключаетъ въ себѣ отчетъ графини Н. С. Уваровой. Авторъ посѣщаетъ и изучаетъ Кавказъ съ 1879 г., когда начались подготовительныя работы по устройству археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ. Въ 1886 г. покойному Государю Императору Александру III, Государственному Покровителю Московскаго Археологическаго Общества, угодно было пожаловать на изслѣдованіе Кавказа денежную субсидію, а сама графиня рѣшилась на собственные средства направить свои поѣздки въ тѣ пункты, изученіе которыхъ могло бы явиться дополненіемъ и продолженіемъ работъ ученыхъ экспедицій. «Путевыя замѣтки по Кавказу» гр. Уварова уже издала въ двухъ книгахъ, а нынѣ въ IV томѣ «Матеріаловъ по археологіи» сгруппировала данныя по христіанскимъ памятникамъ и церковнымъ сокровищамъ. Авторъ при изложеніи расширяетъ программу описанія христіанскихъ древностей. «Если подѣлимъ именемъ, — говоритъ графиня, — подразумѣвать отдѣльные памят-

ники церкви, как это сдѣлалъ А. М. Павлиновъ въ III т. «Материаловъ», то вопросъ разрѣшается весьма скоро и дѣлается для всѣхъ яснымъ; но и слишкомъ много разъ была на Кавказѣ, много объѣздила ущелій, часто засиживалась въ самыхъ отдаленныхъ его закоулкахъ, чтобы имѣть силу и желаніе отнестись къ описываемымъ памятникамъ, какъ къ отдѣльно взятымъ единицамъ, сложенымъ изъ камня и кирпича, и, такъ сказать, оторвать, отчуждить ихъ своимъ писаніемъ отъ края, въ которомъ они построены, отъ жителей, которые ихъ любятъ и уважаютъ и, наконецъ, отъ тѣхъ преданій, которыя объ нихъ сложились и которыми единственно многіе изъ этихъ памятниковъ обязаны своимъ существованіемъ и сохраненіемъ до нашего времени. Если понимать каменныя «христіанскіе памятники» въ тѣсномъ смыслѣ, то не разъ приходилось-бы останавливаться и задавать себѣ вопросъ: что дѣлать дальше, что подожить моему описанію и что сдѣлаетъ изъ него выбросить? Такое неясное для не знающихъ Кавказа положеніе рождается потому, что нигдѣ, какъ на Кавказѣ, не замѣчается такое всеобщее молитвенное настроеніе, такая необходимость воздать хвалу Создателю, такая потребность принести ему въ жертву часть тѣхъ земныхъ благъ, которыми Онъ, Всемогущій, награждаетъ символъ этихъ горъ, ущелій. Молитвенное настроеніе это выражается тѣми многочисленными мѣстами молитвъ и удивленія, которыя вы встрѣчаете при вашихъ объѣздахъ: тутъ священная роща, тамъ отдѣльное дерево, освещенное иконой или безъ оной, тамъ камень или престолъ, отдѣльно стоящій крестъ или едва замѣтная базиликальная церковь во многихъ мѣстностяхъ Осетин, Хевсурин, Шавштин, Рачи. И вездѣ тѣ же приложенія, те же молитвенное обращеніе къ «дауару», св. Георгію, Духу и Создателю вселенной, живительному, возрождающему началу, мысль о которомъ заставляетъ собираться поселянъ въ богѣ главный изъ этихъ пунктовъ весною, при возрожденіи природы, или осенью, послѣ уборки полей и винограда». На Кавказѣ трудно отдѣлить языческіе памятники отъ христіанскихъ, языческіе обмачи отъ празднованій нашихъ святыхъ. Святилище Ревомъ въ Осетин считаютъ за языческое капище, но оно посвящено св. Георгію, даже, по преданію, построено имъ и, не имѣя вида христіанскаго храма, вмѣщаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ рогами животныхъ не мало иконъ, восковыхъ свѣчей, иконостасъ и пр. Въ верхней Рачѣ въ деревнѣ Глола, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ настоящей сельской церкви, находимъ такую-же маленькую церковь того-же базиликачнаго типа, заваленную рогами, стрѣлами, посудой, и надъ всѣми этими приношеніями возвышается камень-престолъ съ утвержденнымъ на немъ крестомъ. Въ той-же Рачѣ, въ д. С-ри, имѣются четыре несомнѣнно христіанскія церкви, одна изъ коихъ посвящена «Архангелу», безъ дальнѣйшаго обозначенія его имени: не есть-ли это посвященіе тому-же «невѣдомому Богу», которому воздвигались престолы даже въ Греціи до утвержденія христіанства? Въ долину рѣки Лица, не дѣлая до Тигви, рядомъ съ храмомъ царицы Тамары, стоятъ развѣсытые старые дубы, стволы которыхъ обмотаны натами и куделью. Въ Саварѣ 15 августа жители Ахалцыха и его окрестностей живутъ въ храмахъ, закапываютъ быковъ и барановъ, жарятъ, пьютъ, ѣдятъ. Фрески, украшающія Нузасам-

скій храмъ и рѣзные иконостасы Цебельдинскихъ храмовъ изображаютъ сцены охоты, преданія о которыхъ сохранились отъ доисторическихъ временъ Грузіи. Игнорировать эти явленія невозможно — подобно тому, какъ мы не можемъ провести рѣзкой грани между нами и проявленіями сознательно христіанскими. Должно проникнуться идеей, что позднѣйшія христіанскія сооруженія, возводимыя на тѣхъ-же горахъ, въ тѣхъ-же ущельяхъ и запоевѣдныхъ росяхъ, ничто иное, какъ вѣнчаніе и освященіе народныхъ вѣрваній и преданій, всего того, что мѣстные жители этихъ горъ и ущелій привыкли любить и уважать въ kami: «только при такихъ условіяхъ описаніе наше можетъ оказаться вѣрнымъ и передать полную картину изучаемаго края».

Такая симпатичная и широкая точка зрѣнія при обзорѣ памятниковъ вполне выдержана гр. Уваровой. Трудъ ея обнимаетъ Абхазію — храмы Симона Канотипа, въ Алахадыхъ, на р. Бзыби, въ Лыхнахъ и др., Генуэзскій мостъ близъ Сухума, Коласурскую башню и Абхазскую стѣну, опускаая Ницунду и Дранды, которыя были описаны г. Павлиновымъ; второй отдѣлъ посвященъ Аджаріи: мостъ въ Арданучѣ, церковь близъ Хулы и въ Схантѣ; третій отдѣлъ обнимаетъ Кобланское ущелье (Зарма, Гуле, Валя, Стада, Сагара) и Посковскій участокъ (Баля-Бойня, Мере и др.); четвертый посвященъ Рачѣ (Гаола, Геби, Никорцинда и др.) и Горійскому уѣзду (Рунси, Атени, Икорта и др.). *А. Хаз—овъ.*

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. кавказскаго учебн. окр. Выпуски XIX и XX, 1894 г., Тельнскъ. — XIX выпускъ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ первый посвященъ статьямъ историко-географическаго содержанія, а второй заключаетъ работы этнографическаго характера. Въ 1-й отд. вошли: Очерки исторіи гор. Темиръ-Ханъ-Шуры, Е. Козубскаго; Изъ древностей селенія Ченахчи, Е. Меликъ-Шахназарова; Селеніе Сори, свящ. Н. Миндели; Сел. Цаленджихи, А. Гвасалин; Мѣстечко Квиралы и его окрестности, Ѳ. Хускивадзе. Во II отд. помѣщены: Имеретинскія сказки (числомъ 12), собранныя М. А. Васильковой и другими; Примѣты и повѣрія грузинъ Телавскаго уѣз., Тифл. губ., Стенанова и 6 сказокъ, разными лицами записанныхъ; Картвельскія пѣсни свящ. Миндели и учителя Ѳ. Каландаршвили; Картвельскія легенды, сообщенныя нѣсколькими авторами; Армянскія сказки (числомъ 6); Свадьба зангезурскихъ армянъ, г. Меликъ-Шахназарова; Сказки, пословицы и поговорки закавказскихъ татаръ.

Въ I отдѣлѣ XX выпуска «Сборника» заключаются статьи описательнаго и бытового характера: Н. Г. Дмитріева — «Переходъ черезъ Ровскій и Мамисонскій перевалы»; Г. Ачаньева — «Бараногайцы, ихъ бытъ и образъ жизни»; К. Хачатурова — Курды, черты ихъ характера и быта. Во II отдѣлѣ помѣщены тексты курдскіе, талышинскіе, армянско-тагскіе, еврейско-арамейскіе и айсорскіе. Къ замѣткѣ къ айсорскимъ текстамъ прибавлена въ общихъ чертахъ фонетика айсорскаго языка и его азбука сравнительно съ академической транскрипціей. Сирійскими бузвами нап-

чатанъ текстъ подъ заглавіемъ «Помощь Бога и цзя», при чемъ выбрана не такъ-называемая историческая азбука, а якобитская, болѣе извѣстная ученымъ сирологамъ въ Россіи и западной Европѣ. Отдѣльнымъ приложеніемъ напечатанъ русско-айсорскій и айсорско-русскій словарь, составленный Калашевымъ и заключающій въ себѣ до 12000 словъ. Тутъ же напечатанъ I выпускъ «Материаловъ для историко-географическаго словаря Кавказа» Е. Г. Вейденбаума. Редакция «Сборника» принадлежитъ опытному уже издателю материаловъ по кабардинскому языку — Л. Г. Лопатинскому.

А. Хал—овъ.

Временникъ Эстляндской губ. II, подъ ред. *А. Харузина* и *А. Андриашева* (Ревель, 1895, 8^о стр. 226 + прил. — z). Во второмъ томѣ *Временника* мы находимъ рядъ статей, имѣющихъ серьезный этнографическій интересъ: одинъ изъ лучшихъ знатоковъ быта восточнѣе *Ю. Ю. Трусманъ* помѣстилъ въ названномъ томѣ двѣ статьи: «Исаакіе, полуостровцы въ Эстляндской губ.» и «Происхождение населенія на о. Эзелъ, Даго и Моуѣ». Национальность исаакскихъ полуостровцевъ, населяющихъ нѣсколко деревень у Чудскаго оз. и до настоящаго времени сохранившихъ въ значительной степени русскій языкъ и православіе, не выяснена еще вполнѣ; г. Трусманъ, на основаніи предній и данныхъ языка, полагаетъ, что полуостровцы Эстляндской губ. переселились въ Эстляндію изъ-за Наровы, что они, за незначительными исключеніями, потомки древней чуди, исповѣдовавшіе православіе и значительно утерявшіе свой языкъ и нравы. Чисто-русскихъ переселенцевъ, бѣжавшихъ сюда изъ сосѣднихъ губерній, было незначительное количество. На эстляндской почвѣ, среди преобладающаго католическаго и затѣмъ лютеранскаго населенія, начался обратный процессъ ассимиляціи переселенцевъ съ чисто-эстонскимъ населеніемъ, исповѣдовавшимъ лютеранство». Авторъ постарался собрать и объединить историческія данныя, касающіяся этого во всѣхъ отношеніяхъ интереснаго угла Эстляндской губ.: приводитъ описаніе свадебныхъ обычаевъ, различныхъ обрядовъ, приуроченныхъ къ разнымъ праздникамъ, суевѣрій и примѣты, вѣсколько образцовъ заговоровъ, загадокъ, пѣсенъ, сказокъ, дѣяніе — большой списокъ болѣе употребительныхъ словъ и, наконецъ, мѣстныхъ и личныхъ именъ и прозвищъ. Предоставляя специалистамъ рѣшать вопросъ, сабдутъ-ли согласиться съ мнѣніемъ автора о національности исаакскихъ полуостровцевъ или въ нихъ должно видѣть русскихъ, подвергшихся эстонскому вліянію, отмѣтимъ, что работа г. Трусмана является въ настоящее время самымъ полнымъ трудомъ, который когда-либо былъ посвященъ этой небольшой группѣ населенія, во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличающейся отъ преобладающаго въ губерніи этнографическаго элемента — эстовъ. Не менѣе интересенъ и другой вопросъ, разрабатываемый *Ю. Трусманомъ*, — о происхожденіи населенія на о. Эзелъ, Даго и Моуѣ. Что вѣсты-островитяне значительно отличаются во многихъ отношеніяхъ отъ эстовъ материковыхъ, — было давно уже подмѣчено изслѣдователями; *Ю. Трусманъ*, на основаніи топографическихъ данныхъ и данныхъ языка, старается возстановить исторію переселенія эстовъ съ

матеріала на помянутые острова, а также и объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ словъ, заимствованныхъ островитянами у финновъ и русскихъ, но не встрѣчающихся въ другихъ эстонскихъ нарѣчіяхъ. *А. Солодовниковъ* въ статьѣ «Жилище эстонцевъ въ его постепенномъ развитіи» разрабатываетъ интересные матеріалы, касающіеся жилищъ эстовъ, собранные имъ въ 1892 г. во время поѣздки въ Эстляндскую губ. съ этнографической цѣлью; авторъ на основаніи существующихъ типовъ жилищъ начертываетъ исторію развитія эстонской избы. Къ статьѣ приложено 22 рисунка. Антропологическимъ изслѣдованіямъ надъ эстами посвящены помѣщенные въ приложеніи матеріалы *А. Харузина*: «Къ антропологии населенія Эстляндской губ.». Изученію исторіи и древностей края посвящены работы: *о. К. Тизикъ*: «Остатки древняго православнаго храма въ Эстляндской губ.», около Пюхалеги въ Іевенскомъ приходѣ, гдѣ по преданію до Сѣверной войны жило русское населеніе; *Г. Ханзель*: «Остатки нѣкоторыхъ древнихъ замковъ въ Эстляндской губ.», и *Н. Харузинъ*: «Обзоръ документовъ, относящихся къ исторіи Балтійскаго края и хранящихся въ Московскихъ архивахъ Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи». — Удѣляя на страницахъ своего изданія не мало мѣста статьямъ, посвященнымъ изученію прошлаго и современнаго быта населенія Эстляндіи, мѣстный Статистическій Комитетъ приноситъ существенную пользу нашему отечествовѣдѣнію; мы не можемъ поэтому не выразить желанія, чтобы программа, принятая при изданіи «Временника», не измѣнилась Комитетомъ и при изданіи дальнѣйшихъ выпусковъ.

В. А. Жуковскій: Древности Закаспійскаго Края. Развалины Старо Мерва. (*Мат. по Археол. Россіи, изд. Им. Арх. Комиссіею.* № 16. СПб. 1894. 4^о стр. 216, съ 39 рисунк. въ текстѣ и 8 табл.). «Развалины Старо Мерва» представляютъ первый выпускъ «Матеріаловъ по Археологій Россіи», посвященный изученію древностей Закаспійскаго Края. Какъ и предшествующіе №№ «Матеріаловъ», названное изданіе Археол. Комиссіи отличается какъ содержательностью, такъ и внѣшнимъ изяществомъ. Трудъ г. Жуковскаго, несмотря на заглавіе, которое даетъ ему, повидимому, исключительно археологическій интересъ, не лишенъ и серьезнаго значенія для этнографа. Изучаемые авторомъ памятники принадлежатъ преимущественно къ историческому періоду жизни Мерва; этому описанію г. Жуковскимъ предпосланъ обширный историческій очеркъ Мерва, до перенесенія города на новыя мѣста (стр. 3—94). Этотъ очеркъ представляетъ возможно полный свѣдѣній, извлеченныхъ авторомъ изъ изученія первоисточниковъ (преим. восточныхъ писателей), касательно исторіи Мерва, которому выпала доля играть выдающуюся роль въ исторіи Азіи, въ особенности въ періодъ завоевательнаго движенія арабовъ, а впоследствии и татаръ. Иллюстраціями къ этой страницѣ тревожной исторіи Азіи служатъ изученные, описанные и изображенные г. Жуковскимъ архитектурные и могильные памятники Старо Мерва, собраніе преданій современныхъ жителей объ этихъ остаткахъ старины. Этнографъ такимъ образомъ получаетъ возможность не только изучить прошлое края,

поскольку оно сохранилось в письменных и вещественных подземных памятниках, но намётить и те влияния (и вѣншее выраженіе послѣдних), которыя являлись регулирующими въ сложной и до настоящаго времени едва-ли съ достаточной детальностью изученной матеріальной культурѣ нашего востока. Къ сожалѣнію, г. Жуковскому не удалось произвести болѣе основательныхъ раскопокъ въ городищахъ, на которыхъ стоялъ древній Мерв; единственными раскопками на Гууръ-Бале, мѣстѣ наиболѣе древняго находенія Мерва, была, по независимымъ отъ автора обстоятельствамъ, слишкомъ незначительныя и не могли дать большихъ результатовъ; но даже эти сравнительно немногочисленные находки, добытыя раскопками на Гууръ-Бале, заставляютъ надѣяться, что болѣе серьезныя изслѣдованія въ этомъ направленіи не будутъ безплодны. Важное значеніе для археологій изученія памятниковъ быта и искусства древнихъ обитателей средней Азии признано въ настоящее время; но и въ интересахъ этнографіи мы не можемъ не пожелать, чтобы за изученіемъ историческаго памятниковъ древняго Мерва, — задачей, съ которой г. Жуковский справился такъ блестяще, — послѣдовало возможно скорѣе и изслѣдованіе хранящихся въ землѣ древностей; изученіе ихъ, слѣдуетъ надѣяться, поможетъ рѣшить общіе вопросы о древнихъ культурныхъ вліяніяхъ на бытъ въ которыхъ народностей Россіи и въ частности дастъ возможность объяснить происхожденіе того или иного производства, господствующаго у нѣкоторыхъ изъ населяющихъ Россію кочевыхъ и полукочевыхъ народностей, которыя въ своемъ вѣншемъ быту хранятъ много отголосковъ старины, точно уснуть которыя этнографія безъ помощи археологій едва-ли будетъ когда-нибудь въ состояніи.

Н. X.

Труды Рязанской Архивной Комиссіи, XI (Рязань, 1895 г., подъ ред. С. Д. Яхонтова). Въ числѣ интересныхъ работъ, которыя составляютъ содержаніе XI-го т. «Трудовъ Рязанской Архив. Комиссіи», отмѣчаемъ трудъ г. Черепнина: «Мѣстная старина. Борковскій могильникъ» (стр. 103—167), начатый еще въ выпускѣ «Трудовъ» за 1894 г. Находки въ Борковскомъ могильникѣ болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ интересующимся изученіемъ русскихъ древностей; но г. Черепнинъ не ограничился собраніемъ и описаніемъ сырого матеріала, въ обширномъ количествѣ добытаго имъ изъ раскопки названнаго могильника; онъ старается разработать этотъ матеріалъ и дать ему освѣщеніе. Часть этой работы, успѣшно выполненной авторомъ, появившаяся въ свѣтъ въ XI т. «Трудовъ», — касается вопроса чрезвычайно интереснаго, какъ для археолога, такъ и для этнографа: г. Черепнинъ на основаніи результатовъ раскопокъ стремится дать описаніе одежды древнихъ обитателей, останки которыхъ покоятся въ Борковскомъ могильникѣ. Мы въ самыхъ общихъ чертахъ передадимъ главные выводы автора по этому вопросу. Судя по сохранившимся остаткамъ, *мужскую одежду* можно возстановить въ слѣдующемъ видѣ: домашняя одежда, покроя которой, вѣроятно, имѣла сходство съ полукафтаньемъ или каганомъ, стягивалась поясомъ, обыкновенно украшеннымъ металлическими бляхами и пряжками. Верхняя, выходная, шер-

стяная одежда поясомъ не стягивалась. Кромѣ того, есть основаніе полагать, что сверхъ этой одежды носились плащи или другой видъ тяжелой верхней одежды, которая застегивалась пражками и фбулами. Безслѣнное разрушеніе головныхъ уборовъ и обуви указываетъ на приготовленіе ихъ изъ матеріаловъ, легко уничтожимыхъ тѣніемъ. Оружіе составило почти необходимую принадлежность мужчинамъ; наиболее распространенными типами оружія были ножи, топоры, копыя, дробяки, стрѣлы, пращи и мечи; послѣдніе чаще прямые, съ остріемъ на одномъ лезвіи, тѣ же — обоюдоострые. Къ числу украшеній, носимыхъ мужчинами, слѣдуетъ отнести шейныя гривны, фбулы, кольца (часто спиральныя) и браслеты; послѣдніе носились въ количествѣ одного на лѣвой рукѣ. Женскій костюмъ состоялъ, повидимому, изъ нижней одежды, которая, смотря по достатку, дѣлалась изъ льняной, шерстяной или хлопчатобумажной ткани. Рукава этой одежды были длинные, доходившіе до кистей рукъ. Сверхъ этой одежды надѣвалась другая, тоже шерстяная, спускавшаяся до колѣнъ или немного ниже; покрой ея, по предположенію автора, походилъ на полукастанъ; къ подолу ея пришивали за колючки металліи бронзовыя конусообразныя и плоскія трапецеидальныя привѣски, въ видѣ сплошной бахромы вокругъ юбки; кромѣ того, металлическія украшенія пришивались, еще въ разныхъ мѣстахъ юбки. Отъ обуви слѣдовъ не сохранилось; что касается головныхъ уборовъ, то хотя возстановить форму ихъ и не представляется возможнымъ, но есть основаніе полагать, что форма ихъ была разнообразна, и во всякомъ случаѣ, что разнообразны были ихъ украшения. Серьга, повидимому, были въ употребленіи рѣдко: ихъ замѣняла височныя привѣски, которыя прикрѣплялись къ головному убору; даже украшенія женской одежды состояли изъ ожерельй изъ бусъ или металлическихъ привѣсокъ, шейныхъ гривенъ; встрѣчались и ленты, составленныя изъ нѣсколькихъ звеньевъ бронзовыхъ спиральныхъ трубочекъ (вершка $1\frac{1}{2}$ длиною), напизанныхъ на шерстяные шнуры или узкіе ремешки; ленты оканчивались кистью изъ 4-хъ бронзовыхъ бутылкообразныхъ привѣсокъ. Этотъ видъ украшенія однимъ концомъ прикрѣплялся на затылокъ, вѣроятно, къ головному убору, а кисть лежала на груди. Кромѣ того, женщинами носились хотя рѣже, чѣмъ мужчинами, пояса, украшенные металлическимъ наборомъ; кромѣ того — кольца и браслеты; послѣдніе встрѣчались въ количествѣ до 6-ти въ одной могилѣ. Предметовъ обихода найдено было слишкомъ мало, чтобы можно было на основаніи ихъ возстановить вѣрный бытъ древнихъ обитателей исследованной мѣстности. Къ статьѣ г. Черепнина не приложено, къ сожалѣнію, расунокъ; послѣдніе ярче иллюстрировала-бы принадлежность описываемаго костюма, чѣмъ можетъ это сдѣлать даже такое детальное описаніе предметовъ, которое даетъ авторъ. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ не отнестись съ благодарностью къ г. Черепнину за предпринятый имъ трудъ, тѣмъ болѣе что онъ не принадлежитъ къ числу легкихъ, такъ какъ для достиженія результатовъ по описанію костюма автору пришлось потратить немало труда и времени.

Н. Х.

Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ *М. Довнар-Запольскимъ*. Вып. I. Пѣсни пинчуговъ. Съ приложеніемъ карты сѣв. части уѣзда и статьи о говорахъ. — Кіевъ 1895. (Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій). Стр. XXVIII + 23. Ц. 2 р.

«Пѣсни пинчуговъ» представляютъ собой часть обширнаго этнографическаго матеріала, собраннаго *М. В. Довнар-Запольскимъ* во время экскурсій въ Бѣлоруссію лѣтомъ 1890 и 92 гг., совершенныхъ по порученію Этнографическаго Отдѣла *И. О. Л. Е. А. и Э.* Собирателя интересовали вопросы, касающіеся различныхъ сторонъ народнаго быта, въ томъ числѣ экономическаго и юридическаго свойства; относящіеся сюда матеріалами будутъ заняты слѣдующіе выпуски «Бѣлорусскаго Полѣсья», настоящій же посвященъ характеристикѣ мѣстныхъ народныхъ говоровъ и творчества. Въ этомъ направленіи и слѣдуетъ опредѣлять научное значеніе сборника.

Въ спеціальной литературѣ часто слышны жалобы, и притомъ основательныя, на бѣдность филологическаго матеріала. Въ то время какъ въ области собственно этнографической начинаютъ раздаваться голоса противъ нагроможденія сырого матеріала, лингвисты по крупицамъ собираютъ тѣ факты, къ которымъ они могутъ отнести съ довѣріемъ и положить ихъ въ основу изслѣдованія. Вопросъ уясняется самъ собою, если принять во вниманіе условія, при которыхъ происходила собирательская дѣятельность въ Бѣлоруссіи. Сборники гг. Шейна и Романова составляютъ гордость бѣлорусской этнографической литературы, но изъ нихъ обширнаго содержанія только немного занесено собирателями лично, остальное же доставлено людьми различной степени образованія, различныхъ взглядовъ на то дѣло, которому они въ то время служили, и изъ разныхъ мѣстъ, что, даже въ лучшемъ случаѣ, не давало возможности прослѣдить географическаго распространенія того или другаго говора со всеми его отѣвленіями. Нѣкоторые изъ изслѣдователей видѣли наибольшее приближеніе къ возможной достовѣрности въ записяхъ, дѣлавшихся малограмотными людьми; другіе для той же цѣли употребляли статистическій методъ; третьи прибѣгали къ сравненію однородныхъ фактовъ и этимъ путемъ старались прятти къ тѣмъ или инымъ результатамъ общаго свойства. Но изъ всѣхъ «принциповъ», о которыхъ когда-либо заходила рѣчь въ спеціальныхъ работахъ, наиболѣе надежнымъ слѣдуетъ признать одинъ — личную запись лицомъ, знакомымъ съ нарѣчіемъ, часть котораго изслѣдуется, съ требованіями науки и лашеннымъ какъ бы то ни было предвзятыхъ теорій или, по крайней мѣрѣ, апріорныхъ взглядовъ.

Съ этой точки зрѣнія матеріалъ *М. В. Довнар-Запольскаго* имѣетъ несомнѣнное научное значеніе. Какъ уроженецъ Бѣлоруссіи, близко знакомый притомъ съ деревней и ея бытомъ, онъ имѣлъ полную возможность освоиться съ бѣлорусскою рѣчью въ той степени, какая необходима для наблюдателя различныхъ, близкихъ между собою говоровъ, чтобы проникнуть въ самую суть языка, въ его духъ, и уловить особенности, незамѣтныя въ самую суть языка, въ его духъ, и уловить особенности, незамѣтныя чуждому уху. Затѣмъ долговременное пребываніе въ Мазороссіи, этнографическія поѣздки, а главное, обширное знакомство съ этнографической

и лингвистической литературой, оказавшееся уже в работах его конца восьмидесятых и начала девяностых годов, служить достаточным свидетельством научной подготовки собирателя к той деятельности, которая выпала ему на долю в Полесье. Такие соображения побуждают видеть в материалах г. Довнар-Запольского ту степень достоверности и точности, какая необходима для того, чтобы положить их в основание строго-научного исследования. «Преслѣдуя вряду съ этнографическими цѣлями и филологическіи, говорить о себѣ собиратель, я старался записывать съ возможною точностью. Обычно, начиная записывать въ какомъ-либо селеніи, я первая пѣсни старался провѣрять, повторять по два раза; бросающіяся въ глаза особенности и тутъ же подчеркивалъ при записи; последнее оказывалось необходимымъ для сравненія особенностей говора сосѣднихъ селъ: особенности въ говорѣ каждаго новаго села бросаются ярко при началѣ записи». Правда, въ сборникѣ не всѣ пѣсни сказываются записанными собирателемъ лично, но на 600 пѣсень постороннихъ записей приходится всего 84, такъ что сравнительно участіе сотрудниковъ незначительно.

Оставляя пока вопросъ о содержаніи сборника, обратимся сначала къ тѣмъ теоретическимъ результатамъ, къ какимъ пришелъ собиратель въ своей статьѣ «Говоръ пинчуковъ». Если сопоставить съ этой статьёй тѣ незначительныя данныя по пинскимъ говорамъ, которыми приведены въ Дialectологiи проф. А. И. Соболевскаго, и заступку о языкѣ пинскихъ пѣсень изъ сборника о. Булгаковскаго «Пинчуки», то окажется: 1) что по своему характеру и элементамъ отмѣченные говоры представляютъ высокой научный интересъ, и 2) что собиратель представилъ въ этой статьѣ ихъ относительно полную характеристику. Поставивъ своей задачей прослѣдить, главнымъ образомъ, сѣверныя границы пинскаго говора съ белорусскими, М. В. Довнар-Запольскій направился изъ Пинска на Порѣчье, Озаричи, Краслевичи, Телехавы, Вульку, Выгонюшы и дажде, къ сѣверовосточнымъ селеніямъ, лежащимъ на южной окраинѣ Ровдленскаго болота. Нѣсколько замѣчаній сдѣлано о южной и западной границѣ; болѣе детальное выясненіе соотношенія пинскаго говора съ сосѣдними вольскими и гродненскими авторъ статьи неутѣшительно предоставляетъ наукѣ будущаго.

Говоръ пинчуковъ есть собственно сложный комплексъ малорусскихъ и белорусскихъ говоровъ, обнаруживающихъ своеобразныя особенности въ разныхъ мѣстахъ. Называя эту группу говоровъ полѣсской, собиратель, по разсмотрѣніи отличительныхъ чертъ ея, приходитъ къ заключенію, что «ея малорусская основа не подлежитъ сомнѣнію, но она имѣетъ также и свои особенности и облудетъ въ большей или меньшей степени белорусизмами. Характерною чертой говоровъ, продолжаетъ онъ, является неустойчивость и разнообразіе фонетическихъ измѣненій». Изъ наиболее интересныхъ явленій вмѣстѣ съ собирателемъ отмѣтимъ: 1) то, что, несмотря на сосѣдство агающихъ белорусскихъ говоровъ, центральная часть Пинщины не знаетъ смѣны *o* безударнаго въ *a*; 2) соединенія съ *j*: между прочимъ въ группахъ $m + j$, $d + j$, $c + j$ наблюдается отсут-

ствие обычного смягчения, так что — *ходю*, *радела* (ражена), *распустю*, *бросю*; 3) остатки архаического составного спряжения *вродь* — *Мою ходу не релаживать муть*; *Мою мову не релаживать муть* (-имуть); 4) образование *вэриж* *вродь* *вечератимь*, *вечератимешь*, *вечератиме* и пр. Аналогичной литературы М. В. Довнар-Запольский почти не касается в этой статье, которая представляет результат вполне самостоятельной работы над сырым материалом, что, конечно, в известном отношении рекомендует автору, но вместе с тем и обуславливает некоторые из недостатков его труда. Къ намъ-го мы теперь и обратимся.

Слово «недостатки» едва ли, впрочем, можно применить ко всему, против чего можно возстать с принципиальной точки зрения; наподовину это противоречия, недосмотры, часто по-истини досадные в такомъ трудѣ, свидетельствующиіе скорѣе о некоторой горячности, съ какою писалась статья о говорѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы слонны сморгѣть на многія мѣста этой статьи, о чемъ будемъ говорить ниже. Первое противоречіе заключается уже въ самомъ названіи труда «Бѣлорусское Подлесье». Мы видѣли, что М. В. Довнар-Запольскій, исследовавъ сѣверныя границы пинскаго говора съ бѣлорусскими, пришелъ въ заключенію, что его *малорусская основа несомнѣнна*. Темъ не менѣе, онъ называетъ эту мѣстность *бѣлорусскимъ* Подлесьемъ, слѣдуя, вѣроятно, ея обычному наименованію, установившемуся лишь благодаря тому, что административно Подлесье было причислено къ Минской губ. Не основывается ли собиратель на какихъ-либо племенныхъ или бытовыхъ данныхъ? Объ этомъ онъ ничего не говоритъ; другой же исследователь Пинцины, о. Булгаковский, согласно съ основными выводами собирателя, свидетельствуетъ, что «Пинчуки, они же и польшукы, обитатели Пинскаго у. Минской губ., входящей въ составъ сѣв.-зап. края, отличаются отъ всѣхъ другихъ жителей этой окраины своими бытовыми особенностями, а еще болѣе языкомъ». Если же принять во вниманіе непроходимыя болота и, въ недавнее время, глубокіе лѣса на сѣверной границѣ подлесской группы, то придется признать, что *de facto* эта мѣстность гораздо болѣе отдалена отъ Минской губ., чѣмъ, напр., отъ Волынской и болѣе имѣть право на названіе малорусскаго, чѣмъ бѣлорусскаго Подлесья. Всего же естественно было бы называть эту мѣстность просто Подлесьемъ, такъ какъ и въ языкѣ, и въ бытѣ она имѣетъ свои ярко-выраженныя особенности. Исследование этихъ особенностей, дагѣе, и составляетъ сущность диалектологической работы собирателя, приведенной его къ выводу, что пинскій говоръ есть особый говоръ, характеризуемый наслоніемъ бѣлорусизмовъ на малорусской почвѣ; между тѣмъ, слѣдуя той же искусственной административной мѣркѣ, собиратель даетъ неточное, сбивчивое опредѣленіе, что этотъ говоръ «относится именно къ группѣ говоромъ соседнихъ губерній, имѣя впрочемъ и свои отличія», какъ будто эти соседніе говоры исследованы, или, по крайней мѣрѣ, намѣчены, будто именно не отличія дѣлаютъ пинскій говоръ пинскимъ, а не малорусскимъ или же малорусскимъ.

Нѣсколько замѣчаній мы должны сдѣлать по вопросу о транскрипціи. Транскрипція не орфографія, какъ нѣкоторые полагаютъ, гдѣ живой, из-

мѣлничивый говоръ укладывается въ условныя, однообразныя рамки, а подгонять искусственно народную рѣчь подъ известный шаблонъ значило бы лишать трудъ всякаго научнаго значенія. Конечно, встрѣчая, напр., такіе случаи, какъ *не, вышнесыхъ, вышнѣуку* и рядомъ *не, вышневой* и т. п., мы должны вѣрить, какъ говорится, на слово собирателю, но мы уже видѣли, что это довѣріе имѣетъ прочныя основанія, да и обширность матеріала открываетъ большой горизонтъ для сравненій, съ помощью которыхъ нетрудно устранить ту или другую ошибку. Транскрипція сборника вообще должна считаться установленной, но и въ ней есть, по нашему мнѣнію, кое-какіе вѣтшіе недочеты. Несомнѣнно, наилучшая изъ транскрипцій та, для которой меньше всего требуется оговорокъ со стороны записывателя, ибо къ чему же тогда и особая транскрипція, если я буду говорить, что въ данномъ говорѣ такой-то согласный звукъ абсолютно твердъ, а на письмѣ изобразю его рядомъ съ мягкимъ гласнымъ? или, если и скажу, что звукъ, изображаемый ъ, произносится то какъ *с* мягкое, то «во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ» какъ дигтонъ *ie*, а въ своихъ записяхъ не приведу ни одного примѣра произношенія *ie* изъ ъ? Въ первомъ случаѣ собиратель создастъ двойную условность, а во второмъ читатели могутъ не повѣрить ему, и будутъ правы. Такъ, М. В. Довнар-Запольскій свидѣтельствуетъ, что звуки *p* и шипящія—абсолютно тверды; на письмѣ же послѣ *p*—всюду твердыя гласныя, послѣ же шипящихъ съ оговоркой оставлены мягкія. Не знаемъ какія соображенія руководили собирателемъ въ данномъ случаѣ, но и въ этомъ написаніи находимъ непослѣдовательность: такъ, при *чи* ѣчестовала, лежи, започину, стаўши и пр., находимъ чому, жока, пытаешь, ночь (да иначе и мудро было бы писать!), деўчанонька, очывыты, полюбощы, радощы, ноцѣ, пецѣ, перехажываты, скачучы и мн. др., т.-е. какъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало писать, у собирателя, вѣроятно, по недосмотру или недоумѣнію, которое не хо разрѣшить. Недосмотромъ же мы объясняемъ и такія формы, какъ *сбѣзцеромъ* (стр. 78) наряду съ *ажѣцеромъ*, лице наряду съ *лицѣ*, вышей (сopragat.), тяжчѣи наряду съ *луччѣйша*, старшѣйша и въ др., хотя обозначеніе ъ въ случаяхъ, неразличающихся въ произношеніи отъ *e*, какъ и обозначеніе конечнаго *ъ*, совершенно, по нашему мнѣнію, излишне и уничтоженіе ихъ на письмѣ упростило бы трудъ собирателя.

Не дасть, къ сожалѣнію, работа г. Довнаръ-Запольскаго матеріала для акцентологій, что мы склонны считать довольно существеннымъ недостаткомъ діалектологической стороны труда. Вліаніе ударенія на огласовку слова есть фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Многія явленія народныхъ говоровъ, представляющіяся намъ спорадическими, могли бы быть объяснены именно этимъ путемъ, еслибы акцентологія наша имѣла въ своемъ распоряженіи надлежащій матеріалъ. Правда, наши собиратели обращали на этотъ вопросъ мало вниманія, но по указаннымъ выше причинамъ они, еслибы и хотѣли, могли бы немного сдѣлать въ этомъ направленіи. Хотя въ словарикѣ, приложенномъ къ матеріаламъ, ударенія отмѣчены, но этого недостаточно: слѣдовало ввести ихъ въ текстъ, въ особенности въ словахъ, отступающихъ отъ обычной акцентки.

Все это недостатки, с которыми еще можно помириться и отчасти извинять продолжительностью работы, обширностью материала; в общем материал этого представляет собой ценное приобретение диалектологической литературы, и в этом его главное значение. Но в статье собирателя о говоре, наряду с ценными наблюдениями и точной группировкой фактов, встречаем промахи ничем иным необъяснимые, как очевидной спешностью, пожалуй, небрежностью, которая столь неуместна в подобного рода работ. Характеристику говора на почве собранного материала сделал бы, наконец, другой исследователь, и собирательский труд М. В. Довнар-Запольского не уменьшился бы, и рецензенту не пришлось бы «стигчать неточности и упущения вродь сдвдующих:

1) «Эго *отверднiе* (гласных) бываеъ какъ *сладстоiема твердости* савихъ гласныхъ (яснъ, ясiсний), такъ»...

2) «Характернымъ для всего говора является отверднiе я въ *ла-юльной приставкѣ са: лажуса, сытуса*. Такъ въ двухъ мѣстахъ; въ одномъ мѣстѣ это *ся* названо частицей.

3) *Д* вмѣсто *ј* въ надгашѣ, надсильнѣйши — явление не фонетическое, какъ повидимому думаетъ собиратель, а результатъ влiянiя т. н. народной этимология: надъ — въ знач. высшей степени; такъ въ бѣлорусской пiсьмi изъ моего собранiя:

Якъ запiли, якъ зайграли
Надъ усiмъ музыкi. (Надъ — лучше).

4) Противорѣчiя: «Что касаетея гортанныхъ, то говоръ избѣгаеъ употреблять ихъ мягкими, или средними даже, *смяччiя во флексиахъ и друхихъ образованияхъ*. И дальше: «Гортанные способны смяччаться въ мѣстн. и дат. ед.» Очевидно, что въ итогъ перекрестнаго влiянiя мало — и бѣлорусскихъ формъ говоръ относится къ твердости и мягкости гортанныхъ равнодушно.

5) Въ примѣрѣ — *книи ўсе улаьское* — собиратель видитъ *атрофию надежныхъ окончаний*. Пожимо странности такого взгляда позволяемъ себѣ выразить сомнѣнiе, явственно ли слышалъ собиратель это *се*.

6) *Accusat. мой сави* въ примѣрѣ: *мымо мой сави* — собиратель принимаетъ за *nominat.*, а слово *мычки* примѣра *пойду ўпрычки темною мычки* оны принимаетъ за *genit.*, когда оно легко объясняется аналогiей по созвучiю; также и въ *(но) ноче* собиратель видитъ *nominat. вм. dat.*

7) Какъ примѣры двойствен. ч. указаны: *очыца, очыцами, двѣ пiсьмочки*.

8) Въ прим. — за *яблынь берыса* — сдѣланiе не родовъ, а склоненiй.

9) На XXIV стр. явная описка — вм. двенрачастiй сказанiе причастiй (флексиа *учи*).

Кромѣ того, едвали можно согласиться: 1) съ возможностью группы *чч* изъ *тз*, напр. *очычныты*; здѣсь удвоенъ первый элементъ — *оттччныты*; 2) съ группой *чч* изъ *чи*: не *лучча, лутча*; 3) съ отверднiемъ губной въ словѣ — *бровами*: въ имен. *брови* — и несомнѣнно среднее, какъ и въ словѣ *гншная* (стр. XIX) (по другому поводу); 4) съ выпаденiемъ

д въ словѣ два(д)цать: здѣсь прѣстѣя ассимиляція вида *двадцать*. Трудно рѣшить за отсутствіемъ ударенія вопросъ относительно слова — полагаме; во всякомъ случаѣ это не *обычная* форма, какъ ее считаетъ собиратель. Примѣры «уже, ұпыласа, ұ кого» на спорадическое *у*, приближающееся къ согласному *в*, должны писаться «вже, выпыласа, в кого». Примѣръ *заўтра* неумѣстенъ и диаметрально противоположенъ положенію что *в* можетъ переходить въ полугласное *ў*. Примѣръ — дружчатка — на то, что *ѣ* въ соединеніи съ *ѣ* даетъ *жч* — неубѣдительно. Излишне отмѣчать такіе общіе факты, какъ уподобленіе по звучности или обезголошеніе. Говоря объ отвердѣніи гласныхъ, слѣдуетъ держаться этого термина и употреблять во всѣхъ случаяхъ предпочтительно предъ терминомъ «отвердѣніе согласныхъ». Слѣдуетъ избѣгать слишкомъ общихъ, безосновательныхъ фразъ вроде — «Къ общимъ явленіямъ въ области согласныхъ относятся также ихъ способность смягчаться или отвердѣвать, сравнительно съ общелитературнымъ языкомъ (?), подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ фонетическихъ измѣненій».

Этнографическая сторона сборника стоитъ въ ближайшей связи со статьями М. В. Долиаръ-Запольскаго, написанными, во многихъ случаяхъ, на основаніи собраннаго матеріала. Такъ, нѣкоторые отдѣлы лирическихъ пѣсенъ пичуковъ нашли себѣ объясненіе и яркую, живую характеристику въ статьѣ «Женская доля пичуковъ» (Этн. Об., IX). Незыблыныя женскія радости и печали отъ вѣснаго дѣвическаго возраста и до могилы, съ вѣчнымъ узоромъ любви, обмана, ревности, глубокой, загадочной обиды рельефно рисуются предъ читателемъ, подкупая своей реальной правдой и обличая въ авторѣ вѣрное пониманіе народной жизни и духа. Лирическихъ пѣсенъ въ сборникѣ 225, при чемъ онѣ подраздѣляются на весеннія, лѣтнія, дожинки, осенія, зимнія, филипповскія, женскія въ собственномъ смыслѣ, рекрутскія, чумацкія, казацкія. Свадебныя пѣсни нашли себѣ объясненія и характеристику въ обширной статьѣ «Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ переживаніяхъ». Подобно предыдущей, эта работа появилась на страницахъ «Этн. Обозр.», что даетъ намъ право не останавливаться подробно на ея содержаніи и значеніи.

Читатели, несомнѣнно, отмѣтили въ ней строго-критическое отношеніе автора къ обширному матеріалу, нѣсколько новыхъ и интересныхъ параллелей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, широкую постановку вопроса. Свадебныхъ пѣсенъ въ сборникѣ — 293; для удобства пользованія онѣ снабжены главами, послѣдовательно указывающими время ихъ пѣнія въ свадебномъ ритуалѣ. За свадебными пѣснями слѣдуютъ: а) родинныя и вѣстивныя, б) колядки и щедровки, в) пасхальныя, г) троицкія и еупальскія. Изъ помѣщенныхъ въ «Приложеніяхъ» отмѣтимъ: 1) описаніе свадьбы въ Пискомъ у., новое зveno къ извѣстнымъ уже матеріаламъ, 2) весьма цѣнныя въ критическомъ отношеніи примѣчанія, 3) словарь, 4) карту сѣверной части Пискаго у.

Въ примѣчаніяхъ собиратель указываетъ варианты и литературу, главнымъ образомъ, славянскую, къ отдѣльнымъ мотивамъ поэзіи пичуковъ. Изъ вариантовъ помѣщались, говоритъ онъ, преимущественно

такіе, которые могли представить интересъ при изученіи мотивовъ народнаго творчества». Собиратель правъ: для этнографическихъ цѣлей слѣдуетъ избѣгать накопленія совпадающихъ вариантовъ изъ одной и той же мѣстности, но варианты изъ разныхъ мѣстностей представляють значительный интересъ. Это въ особенности скажется тогда, когда изученіе народной лирики станетъ на прочную почву и классифицируетъ подлежащій матеріалъ сообразно научнымъ требованіямъ, а не случайно, или по указаніямъ сказительницъ, какъ это дѣлалъ, къ сожалѣнію, М. В. Довнаръ-Запольскій, самъ же отмѣчающій семинѣе пѣвицъ, куда причислять пѣсню. Такъ, варианты одной и той же пѣсни записана, сколькоихъ лѣтъ сказитель, грамотенъ ли. Излишне указывать на важность такого рода помѣтокъ; въ частности — описаніе обстановки, при которой поется пѣсня, часто интереснѣе и важнѣе самой пѣсни. Даже записывая, какъ въ данномъ случаѣ, не отъ отдѣльныхъ лицъ, а отъ хора всегда можно было бы нѣсколькими штрихами очертить составъ хора, обычныя замѣчанія пѣвицъ и проч.

Возвращаясь къ вопросу о вариантахъ, мы должны сказать, что наибольшее количество ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, отмѣчено по сборнику Бугаковскаго. Собиратель, дѣйствительно, отмѣчаетъ лишь своеобразные варианты; стоитъ свѣрять №№ 53, 160, 309, 341, 373, 401, 425, 432, 440; въ иныхъ случаяхъ помѣщены варианты близкіе, но болѣе полныя, чѣмъ въ «Пичукахъ», каковы №№ 28, 416, 437, 536. Болѣе или менѣе близкіе варианты находимъ въ №№ 25, 55, 164, 172, 308 (съ полонизмами въ языкѣ), 396, 456, 468, 487. Можно было бы опустить менѣе полныя варианты, напр., №№ 173, 310, 379, 464, также №№ 389, 441, 491, такъ какъ тождественные варианты находимъ въ другихъ мѣстахъ разбираемаго сборника, но не слѣдуетъ забывать, что наряду съ этнографическими собиратель преслѣдовалъ лингвистическія цѣли.

Въ указателѣ отмѣчены *loci communes*, эпитеты и проч. и наиболѣе характерныя культурно-бытовыя темы, что весьма выгодно отличаетъ сборникъ отъ ему подобныхъ и даетъ изслѣдователю матеріалъ, если можно такъ выразиться, прямо въ руки. Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаясь на этомъ отдѣлѣ, мы обращаемъ вниманіе всѣхъ, кому придется имѣть дѣло съ этимъ сборникомъ, на чрезвычайно интересный этюдъ о лирическихъ «запѣвахъ», или «зачаняхъ», ихъ видѣхъ и стадіяхъ развитія. Мы вправѣ были бы ожидать встрѣтить подобную работу скорѣе на страницахъ журнала, чѣмъ въ сборникѣ сырыхъ матеріаловъ.

Вообще въ этнографическомъ отношеніи новый трудъ М. В. Довнаръ-Запольскаго представляетъ много любопытнаго для изслѣдователя пріемовъ народнаго творчества въ области лирики пичуговъ, содержащей и съ

внутренней стороны немало чертъ, родственныя то бѣлорусской, то малорусской поэзіи. Небогатаи содержаніемъ, сѣренькая и скорбная пинская пѣсня проникнута задушевностью и неподдѣльнымъ лиризмомъ малорусской поэзіи, но лишена ея свободы, гибкости и силы. Духовное родство сразу даетъ себя чувствовать, но вѣковая замкнутость, нужда и непродолимая тѣпа положили свой отпечатокъ на народную думу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, помогли сохранить въ ней давно исчезнушіе въ другихъ мѣстахъ остатки стариннаго быта.

На основаніи вышесказаннаго приходимъ къ заключенію, что новый трудъ М. В. Довнаръ-Запольскаго, примыкающій къ цѣлому ряду его прежнихъ работъ, имѣвшихъ цѣлью изслѣдованіе языка, быта и исторіи населенія нашего западнаго края и помѣщавшихся на страницахъ то специальныхъ изданій, то Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій (какъ и въ данномъ случаѣ), составляетъ оградное явленіе въ научной литературѣ. Выполненіе его, несмотря на указанныя недостатки, представляетъ значительный шагъ впередъ въ смыслѣ предварительной подготовки матеріала для научныхъ цѣлей.

Евг. Ляцкий.

Н. Аристовъ.— Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казанковъ большой орды и нара-киргизовъ, на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а такъ же историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій («Живая Старина», 1894 г., в. III—IV, стр. 391—486).

Тюркскія племена мало создали оригинальнаго, но уже издавна играли громадную роль въ жизни другихъ племенъ: въ ихъ территориальномъ распредѣленіи, въ образованіи цѣлыхъ государствъ и складѣ ихъ политической жизни. Если тюрки и не были исключительно разрушающимъ элементомъ, то и не представляли собою въ жизни народовъ Европейско-Азіатскаго континента элементъ созидающій.

Быть можетъ, именно эти качества содѣйствовали нашему смутному представленію объ исторіи ихъ, происхожденіи, бытѣ, физическомъ типѣ. Для изученія древняго быта тюркскихъ племенъ преимущественно содѣйствуетъ изученіе тѣхъ современныхъ тюркскихъ группъ, которыя по своему образу жизни всего болѣе приближаются къ своимъ предкамъ, — изученіе тюрковъ-кочевниковъ. Киргизы, эти тюрки, кочующіе на громадномъ пространствѣ средне-азиатскихъ степей, отчасти по сію сторону Урала, хранящіе въ своихъ обычаяхъ, обрядахъ, возрѣвіяхъ много свѣдой старины, занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто среди тѣхъ тюркскихъ племенъ, изученіе коихъ не только интересно, но и полно глубокаго научнаго значенія.

Киргизы уже давно занимаютъ въ нашей литературѣ болѣе видное мѣсто, чѣмъ многіе другіе инородцы нашего отечества. Знакомясь съ исторіею развитія литературы о киргизахъ, мы видимъ, что изученіе этого народа началось въ концѣ прошлаго столѣтія. Не мѣше, чѣмъ въ въ другихъ областяхъ, завоевали себѣ видное имя и здѣсь извѣстные изслѣдователи нашихъ окраинъ: Палласъ, Георги, Рычковъ, Лепехинъ.

Съ начала текущего столѣтія литература о киргизахъ не переставала прогрессивно развиваться. Свообразный внѣшній бытъ — вотъ что привлекало громадное большинство лицъ, писавшихъ о киргизахъ, вплоть до 20-хъ годовъ. Известное сочиненіе А. Левшина: «Описаніе киргизъ-казацкихъ ордъ и степей», сдѣлавъ эпоху въ изученіи интереснаго народа, подлинно весьма значительно наше знакомство съ киргизами. Тридцатые, сороковые и отчасти пятидесятые года, давшіе массу интересныхъ статей и сочиненій о киргизахъ, часто повторяли уже ранѣе въ литературѣ известное, вдаются въ разсмотрѣніе обычаевъ, обрядовъ, религіозныхъ воззрѣній киргизовъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей и обогащаютъ наше знаніе интересными фактами. Дальнѣйшія два десятилѣтія, богатая военными событіями, даютъ новое направленіе литературѣ о киргизахъ: вынуждаютъ изучать наше политическое отношеніе къ киргизамъ, ихъ исторію, политическій и социальный строй. Литература семидесятыхъ годовъ, продолжая прогрессировать на пути этнографическихъ изслѣдованій киргизовъ, выдвигаетъ на первый планъ вопросы экономическіе. Слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе характеризуется въ литературѣ о киргизахъ первыми попытками антропологическихъ изслѣдованій этого народа. Хотя литература о киргизскомъ народѣ, насчитывающая нынѣ свыше 1500 статей и сочиненій, и бѣдна по сіе время трудами, исчерпывающими всесторонне тотъ или иной вопросъ, но зато отдѣльныхъ фактовъ и наблюденій, преимущественно изъ области этнографіи, — фактовъ, ожидающихъ своего обобщенія и осмысленія, изобилуетъ, безъ преувеличенія, громадная масса. Текущее десятилѣтіе и характеризуется именно попытками нѣкоторыхъ авторовъ связать фактическія данныя въ известную систему и представить читателю нѣчто стройное, цѣлое, освѣщающее данный вопросъ. Сочиненіе Н. Аристова, нѣсколько длинное заглавіе котораго мы не повторяемъ здѣсь, слѣдуетъ отнести къ разряду трудовъ тѣхъ изслѣдователей, которые не ограничиваются перечислѣмъ фактовъ, а группируютъ факты въ подтвержденіе руководящей мысли.

Н. Аристовъ останавливается исключительно на родовомъ устройствѣ киргизовъ большой орды и каракиргизовъ.¹⁾ Родовое устройство названныхъ племенъ не составляетъ у автора собственно поле его изслѣдованія; но факты, добытые имъ отчасти оригинальными изысканіями, отчасти почерпнутые имъ изъ литературныхъ источниковъ, онъ старается эксплуатировать для выводовъ объ этническомъ составѣ помянутыхъ народностей. На помощь недоговаривающимъ фактамъ по родовому устройству авторомъ берутся данныя историческія, народныя преданія. Преслѣдуя весьма сложную и трудно-разрѣшимую задачу детальнаго выясненія этническаго состава киргизовъ большой орды и каракиргизовъ, авторъ, какъ оно по-

¹⁾ Между киргизами (казаками) и каракиргизами (кыргызами) существуетъ уже давно тѣсная литературная связь, хотя эти два народа и генетически, и исторически, и этнографически значительно разны другъ-другу. Сопоставляя въ одномъ трудѣ киргизовъ большой орды съ каракиргизами, нашъ авторъ руководствовался ихъ взаимной генеалогической связью.

нятно, не исчерпываетъ предмета, но раскрываетъ — и этого нельзя не отметить съ особеннымъ удареніемъ — много новаго и въ высшей степени интереснаго.

Трудъ Н. Аристова состоитъ изъ двухъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ статей: «этнической составъ большой орды» и «роды и кости каракиргизовъ». Къ послѣдней статьѣ примыкаетъ особая глава «тапъ каракиргизовъ и начинающіяся антропологическія изслѣдованія». Говоря объ этническомъ составѣ киргизовъ большой орды, авторъ останавливается на генеалогическихъ преданіяхъ киргизовъ и приводитъ легендарную родословную большееордынцевъ. Одиннадцать именъ этой родословной ни что иное, какъ имена современныхъ одиннадцати поколѣній большой орды. Указавъ на численность отдѣльныхъ поколѣній и на мѣста ихъ современнаго жительства, Н. Аристовъ переходитъ къ историческимъ извѣстіямъ о поколѣніяхъ большой орды. Къ сожалѣнію, эта глава не имѣетъ достаточной полноты, въ чемъ, впрочемъ, упрекнуть автора было бы несправедливо. Говоря собственно о четырехъ поколѣніяхъ — *дулатъ*, *канлыкъ сары-уйсуна*, *джалаиръ*, — авторъ знакомитъ читателя съ древнею исторіею этихъ поколѣній, фигурировавшихъ нѣкогда самостоятельными племенами. Засявъ авторъ переходитъ къ интересному, но мало разработанному вопросу объ уранахъ, т.-е. боевыхъ крикахъ, и о тамгахъ киргизовъ. На основаніи находившихся въ распоряженіи автора данныхъ, онъ старается опредѣлить родовой и племенной составъ большой орды. Многочисленныя киргизскія тамги, свойственныя каждому киргизскому роду, сводятся по мнѣнію Н. Аристова на шесть основныхъ типовъ: а) прямая черта и ея удвоеніе, б) кругъ и его удвоеніе, в) полукругъ, г) сочетаніе двухъ прямыхъ, образующихъ уголъ или крестъ, е) соединеніе подъ углами трехъ прямыхъ и ф) соединеніе четырехъ прямыхъ подъ прямыми углами. Седьмой типъ, приводимый Н. Аристовымъ, «соединеніе круга или полукруга съ одной, двумя и тремя прямыми», по нашему мнѣнію, представляетъ сочетаніе первыхъ двухъ типовъ съ послѣдующими тремя. Н. Аристовъ придаетъ тамгамъ киргизовъ громадное значеніе¹⁾. Это есть знакъ родовой, неизмѣнный, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени; но есть ли возможность даже при наличности достаточнаго матеріала возстановить родственную связь отдѣльныхъ родовыхъ группъ киргизовъ, какъ между собой, такъ и съ родовыми группами другихъ тюркскихъ племенъ, — по сіе время остается вопросомъ открытымъ. Но во всякомъ случаѣ, изысканія Н. Аристова именно на этомъ пути представляются новыми, въ высшей степени интересными и освѣщающими многія темныя мѣста, не только въ происхожденіи элементовъ, составившихъ киргизскую народность, но и во взаимномъ родствѣ ихъ съ каракиргизами.

Болѣе подробно, чѣмъ большую орду киргизовъ, авторъ разсматриваетъ каракиргизскую народность. Останавливаясь на народныхъ сказаніяхъ о происхожденіи каракиргизовъ, Н. Аристовъ переходитъ къ историческимъ

¹⁾ Родовые знаки легли въ основаніе древняго тюркаго алфавита.

данными. И тѣ и другія убѣждаютъ автора въ древнѣе происхожденіи «киргызовъ» (т.-е. каракиргызовъ) и въ прѣисіи въ этому народу ино-племенниковъ, преимущественно въ лицѣ *наймановъ, китайцевъ и кичаковъ*,—племенъ, имѣвшихъ въ свою очередь древнюю исторію. Далѣе авторъ входить въ подробное разсмотрѣніе тамговъ и родовыхъ именъ каракиргызовъ и, на основаніи ихъ, выводитъ свои заключенія относительно болѣе или менѣе близкаго генеалогическаго родства каракиргызовъ съ другими племенами и, въ частности, съ киргизами. Эти изысканія и служить Н. Аристову главнѣйшей задачей его труда. Слѣдуетъ вообще отмѣтить, что, просматривая имена родовъ разныхъ тюркскихъ племенъ, какъ-то: киргызовъ, каракиргызовъ, башкиръ, узбековъ, туркменъ, алтайскихъ тюрковъ и др., нельзя не видѣть общность многихъ родовыхъ именъ, встрѣчающихся то у тѣхъ, то у другихъ народностей. Нѣкоторые изъ такихъ именъ болѣе распространены, иныя менѣе. Есть авторы, которые склонны видѣть въ этомъ повтореніи родовыхъ именъ у разныхъ племенъ извѣстную случайность. Такой взглядъ ничѣмъ не мотивированъ и нѣкогда образомъ не можетъ считаться правильнымъ. Сознвая это, другіе авторы въ своихъ трудахъ уже неоднократно отмѣчали повторенность именъ отдѣльныхъ родовъ, но не давали этому явленію никакого объясненія, исключая тѣ случаи, когда объясненіе, такъ сказать, навязывалось само собою. Н. Аристовъ, пользуясь извѣстными ему списками поколѣній и родовъ, пользуясь данными историческими, которыя, къ слову будь сказано, вообще крайне скудны, прибѣгая къ изображеніямъ тамговъ, пытается возстановить генеалогическую связь, съ одной стороны, между каракиргизами и киргизами большей орды, съ другой же стороны между отдѣльными родами поколѣній. Задача эта крайне трудна: во-первыхъ, многіе рода новаго происхожденія, между тѣмъ время ихъ возникновенія не извѣстно; во-вторыхъ, слияніе нѣкоторыхъ родовъ произошло уже давно, существованіе же родовъ и поколѣній, фигурировавшихъ нѣкогда въ качествѣ самостоятельныхъ племенъ, относится нѣрѣдко къ весьма отдаленнымъ отъ современныхъ дней временамъ, восходя до начала (и даже ранѣе) нашей эры. Наконецъ, разселеніе разныхъ племенъ, встрѣчаемыхъ нами нынѣ въ лицѣ поколѣній и родовъ тюркскихъ племенъ, въ свою очередь, происходило нѣрѣдко очень давно, при томъ крайне разновремено и въ большинствѣ случаевъ и нѣкъ не датировано. Не слѣдуетъ забывать, что для того, чтобы вѣрно и точно возстановить, такъ сказать, контуры генеалогіи современныхъ тюркскихъ племенъ, надо быть хорошо вооруженнымъ и знающимъ языковъ, и историческими данными, и обширнымъ, взвѣреннымъ и провереннымъ современнымъ матеріаломъ. Всѣ эти условія необходимы, а между тѣмъ обладаніе ими не всегда записать отъ автора самого: вотъ почему мы далеки отъ мысли упрекать Н. Аристову въ шаржированіи, если можно такъ выразиться, своего, по существу совершенно правильнаго, метода. Вотъ почему мы не останавливаемся на деталяхъ добытыхъ имъ результатовъ. Мы не можемъ не усмотрѣть за слуги Н. Аристова въ томъ, что имъ сдѣланъ починъ въ совершенно новой—въ изученіи тюркскихъ племенъ—области, которую мы могли бы

назвать рациональной генеалогией. Всякому понятно, что генеалогия народа лишь до известной степени способна раскрыть истинный состав данного племени: генеалогия дает качественный анализ его, оставляя вопрос о количественном составе до известной степени открытым; но, с другой стороны, генеалогия племен служит могучим подспорьем для изучения их истории и, связанных с нею, дробления и расселения племен, для изучения бытовых явлений и, наконец, фазисского типа. Кроме того, генеалогия современных племен служит подспорьем для изучения истории, этнографии и антропологии уже исчезнувших, часто загадочных для нас, народов, почитаемых подчас вымершими и исчезнувшими безследно, между тем продолжающими существовать в лицъ поколѣній или родов современных, но несущих совершенно иные наименования народностей. Изучая на основании генеалогических данных, связанных съ родовыми именами, состав современных тюрокъ, намъ представляется возможным, такъ сказать, воскресить давно забытую историю племени, какъ *наймановъ*, *канловъ*, *китаевъ*, *кипчаковъ*, *дулатовъ*, *киреевъ*, *усюней*, *динлиновъ* и др.

Н. Аристову удается на основании своихъ изысканий установить известную связь между некоторыми нынѣ исчезнувшими племенами и ихъ отношеній къ современнымъ каракиргизамъ и киргизамъ большой орды. Резюмируя наиболее осязательные результаты труда названного автора, мы находимъ умѣстнымъ помѣстить ихъ здѣсь, какъ представляющихъ новый и выдающийся интересъ. Каракиргизовъ Н. Аристовъ считаетъ генеалогически прямыми потомками древнихъ *усюней*. Но усюнейскій народъ, занявшій за два вѣка до Р. Х. западный Тяньшань, уже тогда не являлся цѣльнымъ, а представлялъ союзъ изъ тюркскихъ родовъ и *кыргызовъ*; во главѣ этого союза стоялъ усюнейскій отдѣлъ *кыргызовъ*. У усюней и *кыргызовъ* (давшихъ современнымъ каракиргизамъ свое имя) были общіе предки—древніе *кыргызы*, происшедшіе, въ свою очередь, изъ смѣшенія тюрокъ съ длинноноговою и свѣтлоокращеною расою *динлиновъ*.²⁾

Большая орда киргизовъ образовалась преимущественно изъ исчезнувшихъ нынѣ *канловъ* и *дулатовъ* съ присоединившимися къ нимъ каракиргизами (*кыргызами*), которые составили поколѣніе *сары-уйсунъ* большой орды. Присоединившіеся къ «кыргызамъ» тюрки были родственные *дулатамъ*; сами же *дулаты* сугъ такъ-же, какъ и *канлы*, два особые тюркскихъ племени, отличныя отъ каракиргизовъ; въ составъ *дулатовъ* вошла небольшая часть *динлиновъ* племени.

Взвѣсивая по достоинству добытые Н. Аристовымъ результаты его научныхъ изысканій, оцѣнивая весь кропотливый трудъ, потраченный имъ при его работѣ, исчерпанность литературныхъ источниковъ и сотни сгруппированныхъ интересныхъ фактовъ, касающихся преимущественно родового устройства киргизовъ большой орды и каракиргизовъ, мы не можемъ не приветствовать появленіе въ свѣтъ интереснаго «опыта выясненія этни-

²⁾ За самостоятельные остатки *динлиновъ* Н. Аристовъ считаетъ вымершихъ нынѣ *аринговъ*, *ассановъ* и *коттовъ*, отчасти современныхъ *аймовъ*.

ческаго состава» названных племенъ, не можемъ не пожелать почтенному автору успѣха въ его дѣлѣйшихъ изысканіяхъ. Надѣемся, что именно на этомъ пути его изслѣдованій найдутся достойные подражатели.

Ал. Харузинъ.

Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича. Вып. II. Тобольскъ. 1894. 8°. 12 нел. + I. XV + 33 + 10 + 3 + 35 + 90 + 4 стр.

Въ «Этнограф. Обзорѣнн» (кн. XXII) уже была сочувственный отзывъ о 1-мъ вып. Ежегодника. Во многомъ пришлось бы повторить этотъ отзывъ и для втораго выпуска. Здѣсь помѣщены «протоколы» собраній Комитета Музея, отчетъ о дѣятельности за 1893 г., отчетъ о состояніи коллекцій, музея, библиотеки, проектъ устава Тоб. губ. музея и т. д.; наконецъ, текущая хроника Музея (съ декабря 1893 по сентябрь 1894). Далѣе идутъ труды: А. А. Терновскій, Библиографія и иконографія Тобольскаго Губернскаго Музея. I Печатныя произведенія (съ 1886 г. по авг. 1894 г.). II Рукописи (Дѣла Комитета). III Чертежи, автографическіе снимки и рисунки (самого Музея и вещей, хранящихся и хранившихся въ немъ). — Указатель изданій (касающихся Тоб. Музея). — Л. Е. Луговскій. Легенда, связанная съ двумя остоящими идолами изъ коллекціи «принадлежностей шаманскаго культа» въ Тобольскомъ Губернскомъ Музеѣ. Обоихъ идоловъ изъ камня — одинъ въ «оритъ чел. черепа, другой лягушки — доставилъ Н. А. Блиновъ съ слѣд. легендой о нихъ: два богатыря поссорились; одинъ изъ нихъ обратился за помощію къ шаману, тотъ послалъ на противника болѣзнь; когда же эту болѣзнь пожрала лягушка, за что отсѣченная ея голова окаменѣла (одинъ идолъ), богатырь бросился къ жилищу противника, желая силою похитить его дочь; у той былъ ребенокъ, она съ нимъ бѣжала, богатырь погнался и схватилъ за голову ребенка, — голова оторвалась и тоже окаменѣла (другой идолъ). — С. Н. Мамневъ, Рукописи библиотеки Тобольскаго Губ. Музея за XVII и первую четверть XVIII столѣтій (Опись деворныхъ, переносныхъ и другихъ книгъ 126 рл.). — Н. Н. Палопежестевъ, Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ и Ялуторовскомъ округѣ. Историко-Статистическій Очеркъ. (Прод.). — Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе этого выпуска. Отсюда видно, что дѣтели Музея прежде всего рѣшили разобраться въ сыромъ матеріалѣ: его подобрать, систематизировать, описать, — подготовить почву, если не для себя, такъ для послѣдующихъ поколѣній, и надо отдать справедливость, они поступаютъ вполне благоразумно: сырого матеріала у нихъ такъ много, что оставить его въ пренебреженіи и невозможно, такъ какъ онъ самъ напрашивается на благосклонное вниманіе, и даже опасно, такъ какъ, непристроенный къ мѣсту, онъ можетъ и совсѣмъ затеряться.

Вл. Б.

Записки Уральскаго Общества Любителей Естествознанія. XV вып. (Екатеринб. 1895). В. Г. Олсоевъ: Смолинскія пещеры (съ планомъ); пещеры находятся при р. Исети, у дер. Смолино, Покровской вол. Ека-

теринбургск. у. Авторъ изслѣдовалъ идущіе отъ главной камеры два хода: одинъ на 48 $\frac{1}{2}$ саж., другой на 50 саж.; изслѣдованія привели къ открытію лѣтницъ, келей, источника, остатковъ срубовъ, старой иконы, крестовъ и пр. Нѣтъ сомнѣнія, что пещеры служили убѣжищемъ для раскольниковъ. Изслѣдованіе г. Олесова нельзя считать окончательнымъ, такъ какъ имъ отмѣчено нѣсколько ходовъ, проникнуть въ которые ему не удалось. *П. А. Шишковъ*: О суевѣрїи населенія Шайтанскаго завода Екатериб. у.: сообщается заговоръ «присуха»; текстъ заговора приведенъ съ сохраненіемъ мѣстнаго говора. *Я. П. Безруковъ*: Завиваніе вѣнковъ и снаряжаніе березки на троицкой недѣлѣ въ с. Богородскѣ, Красноуфимскаго у.; описанъ обрядъ и приведены пѣсни. *П. Ф. Первушинъ*: Пѣсни, святочные гаданія, поговорки и суевѣрїя Катайской вол. Камышловскаго у.: 38 №№ пѣсень, прижѣты, свадебный обрядъ и пр. *Н. А. Русскихъ*: О вліаніи полярной ночи на человѣчскій организмъ по изслѣдованіямъ К. Д. Носилова на Новой Землѣ. *Д. П. Никольскій*: О черепѣ человѣка, найденномъ на золотыхъ приискахъ Верхъ-Исетскаго округа Екатеринбург. у. *Ело жес*: Краниометрическія данныя о черепѣ солдата, доставленномъ въ музей общества изъ Семирѣченской обл. и добытый при раскопкѣ могилъ солдатовъ.

Kláić Vjekoslav. Hrvatska pjesmarica. Izdala Matica Hrvatska. Zagreb. 1893. XII—203 (съ нотами въ текстѣ).

Издавая этотъ небольшой сборникъ хорватскихъ пѣсней, Матица имѣла въ виду, очевидно, двоякую цѣль: во-первыхъ, дать самому широкому кругу людей образованныхъ возможность познакомиться съ лучшими мотивами пѣсни народной, во-вторыхъ, ввести въ народъ, сдѣлать широко-извѣстными и популярными такіа пѣсни, которые своимъ содержаніемъ могутъ оказать особенно сильное вліаніе на возбужденіе и поддержаніе въ народѣ стремленій патриотическихъ. Польза такого изданія очевидна. Не вѣдъмъ доступныя дорогія изданія Кубы или Кухача, и появленіе сборниковъ, подобнахъ изданному хорватской Матичей, весьма желательно и у другихъ славянъ. Помнится, что въ одномъ изъ славянскихъ журналовъ, посвященныхъ этнографіи, было высказано сожалѣніе по поводу того, что на «этнографическомъ концертѣ» въ Москвѣ исполнялась разныя славянскія и неславянскія народныя пѣсни, но въ числѣ славянскихъ пѣсней не было ни одной пѣсни чешской, между тѣмъ какъ пѣснямъ киргизскимъ, сартскимъ, чувашскимъ, армянскимъ и грузинскимъ отведено было значительное мѣсто¹⁾. Вся бѣда въ томъ, что у насъ, благодаря затруднительности книжныхъ сношеній даже съ столь близкими сосѣдями-славянами, какъ чехи, легче достать напѣвъ киргизскій, нежели чешскій, какъ это ни странно на первый взглядъ. Кромѣ того, обширныя и дорогіе сбор-

¹⁾ При устройствѣ «перваго этнографич. концерта» имѣлись въ виду народности, живущія въ Россіи, а колонисты пока были оставлены въ сторонѣ. Кстати, напомнимъ, что этотъ «концертъ» недавно изданъ для пѣнія съ фортепиано (Москва, у Юргенсона, ц. 1 р. 50 к.).

ники (Кубы, Кухача, Эрбена) весьма мало распространены и въ славянскихъ странахъ, гдѣ они изданы; помочь дѣлу и можно изданіемъ такихъ популярныхъ и дешевыхъ сборниковъ, какъ названный нами «пѣсенникъ» хорватскій. Въ пѣсни, помещенныя въ немъ, распределены на шесть группъ: первая — пѣсни «возвышеннаго» содержанія, т. е. пѣсни патристическія, среди которыхъ наибольшую извѣстность пользуются: «Još Hrvatska ni propala», «Oj Hrvatska, oj...», «Gdje j'stanak moj?» (пѣсня, впрочемъ, не хорватскаго происхожденія, а переводъ чешской «Kde domov můj»), «Lijera naša domovina», ставшая хорватскимъ народнымъ гимномъ и др. Этотъ отдѣлъ состоитъ изъ двадцати пѣсенъ; текстъ принадлежитъ въ большинствѣ случаевъ виднымъ дѣятелямъ хорватскаго возрожденія: Гаю, Кукуевичу, Трискому, Мирку Боговичу и др.; 2-ая группа — пѣсни военные и марши (34 №) — представляетъ меньше интереса въ виду того, что многія изъ пѣсенъ не оригинальны, хотя и пользуются широкою извѣстною («Oj ti vilo Velebita»). Больше интереса представляютъ пѣсни третьей группы, пѣсни любовныя (ljubavne porjévkе), въ значительномъ числѣ оригинальныя народныя пѣсни (всѣхъ 55, изъ нихъ народныхъ болѣе 30), и пѣсни группы четвертой (веселыя и шутивыя пѣсенки). Во главѣ пятой группы пѣсенъ («paritnice», или «zdravice») стоитъ «Маюгая лѣта», почему-то считающаяся народною пѣснью; шестая группа (13 №) — пѣсни «за jedno grlo», т. е. для пѣнія solo, принадлежатъ различнымъ хорватскимъ композиторамъ: Ливадичу, Ватрославу Лисинскому, Иану Зайцу и др. Всего въ сборникѣ 159 пѣсенъ. Со стороны любителей славянской народной мелодіи сборникъ заслуживаетъ полного вниманія, и устроителямъ будущаго «этнографическаго концерта» онъ можетъ принести пользу.

Какъ бы въ подраженіе этому изданію хорватской Матицы въ послѣднее время появились еще подобныя сборники, а именно: «Hrvatska Lira, сборникъ пѣсенъ въ народномъ духѣ», изданный извѣстнымъ композиторомъ Ф. С. Вильхаромъ, и «Kolo, сборникъ хорватскихъ и словенскихъ мужскихъ хоровыхъ пѣсенъ», составленный Н. Фаллеромъ. (Nikola Faller).

В. Ф.

2. Газеты и Журналы.

Витебскія Губ. Вѣд., 1894, 42. *Н. Я. Никифоровскій*, «Очерки простонароднаго жителя-бытья въ Ват. Вѣлоруссiи». Прод. въ №№ 43—46, 48—52, 54—56, 59, 60, 65—74, 76, 77, 79—85, 88, 89, 92, 95, 98, 100—102, 104, и въ 1895 году №№ 2—5, 8, 10, 11, 14—18, 20—22, 28—35. (Вышли отдѣльной книгой. Витебскъ 1895 г., болѣе 700 стр., ц. 3 р.). 63. На супрядкахъ въ Т—ахъ Витебск. губ., разсказъ *И. Сч—а* (прод. въ № 64—67).—68. *Горбачевскій*, «Земля и пахарь». 73. *Е. Р. Романовъ*, «Кара въ сто лѣтъ» (народн. легенда). Прод. въ № 74, 76, 77, 79, 81. (Вышла отд. брошюр. Вит. 1894 г.). 94. Коровай (обычай и пѣсни мѣщанъ г. Велижа). 103. *Горбачевскій*. «Видѣсто святочной сказки» (Нѣсколько замѣчаній общаго характера о язычествѣ славянъ).—1895. 4. Ст. о центральныхъ архивахъ древнихъ актовыхъ книгъ.—Дуинъ-Маринкевичъ и его поэма «Тарасъ на Парнасъ», ст. *Довнара-Запольскаго*.—11. По поводу завѣщанія крестьянъ. (Юридическая замѣтка) (Прод. въ № 129).—15. Краткая замѣтка о бѣлор. нарѣчiи, *Стукалича*. (Были отгасы).

Гродненскія Губ. Вѣд. 1895 г.—20. *Богдановичъ*. Перезитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ (Прод. также въ №№ 22, 23, 24, 25, 26, 31, 32, 34. Была и отдѣльная брошюра).—Археологическая находка въ Кованской губ. (кладъ монетъ XVII в.)—30. Въ корресп. изъ Слонимскаго у. сообщеніе о найденномъ въ м. Озерницѣ кладѣ въ 2530 монетъ (1500 и 1600 гг.).—33. Археологическая замѣтка. Неизвѣстный авторъ сообщаетъ чрезвычайно любопытныя подробности о могильникѣ на берегу р. Нарева, Бѣлостокскаго у., при дер. Горахъ. Могильникъ расположенъ на холмѣ, назыв. Горы. Песчаная равнина сплошь усыяна костями. Среди предметовъ есть и позднѣйшіе (монеты XVI—XVII вв.), остатки гробовъ и медальонъ-икона. Костяки сохранились плохо. Но попадаетъ множество вещей *курганнаго* и *каменнаго* періодовъ. Найдены бусы (43) стеклянныя, каменныя, почти круглыя, чернаго, синяго, краснаго и желтаго цвѣтовъ; спиральныя кольца, обломъ ножа курганнаго типа. Крупные предметы подобраны окрестными жителями. «Судя по окраскѣ костей рукъ и головы, можно съ увѣренностью предположить, что на рукахъ погребенныхъ находились браслеты, на шеѣ—гирьны, такъ называемыя вѣнки.» Оружія не найдено. Положеніе костяковъ—голова къ югу и къ ю.-зап. Кроме того, найдены оскол-

ки кремневых орудій, угля и черенки изъ необожженной глины съ крупными кусками кварца и шпата. На черенкахъ—орнаментъ «въ видѣ лѣстницы» или «въ видѣ бугорковъ» (такія урны, по словамъ автора замѣтки, находятся въ дер. Грицково и Алексичахъ). Авторъ замѣтки поднялъ въ теченіе часа до 200 предметовъ. Могилиникъ заслуживаетъ вниманія специалистовъ-археологовъ.

Извѣстія Общества Археологій, Исторій и Этнографій при Им. Казанскомъ Университетѣ, т. X вып. 6, т. XI вып. 1—6, т. XII вып. 1—6. (Казань. 1892—1895 г.) Названное Казанское ученое общество продолжаетъ развивать свою плодотворную дѣятельность по изученію восточной области Россіи. Масса статей этнографическаго характера, появившихся въ означенныхъ выпускахъ, доказываетъ, что этнографія занимаетъ не послѣднее мѣсто среди двухъ другихъ отдѣловъ, составляющихъ предметъ изученія членовъ общества. Изъ крупныхъ трудовъ слѣдуетъ отмѣтить работу извѣстнаго этнографа *И. Н. Смирнова* «Мордва» (№№ X, 6, XI, 5, 6, XII, 4), которая въ настоящее время окончена. Предполагая въ ближайшемъ будущемъ подробно остановиться на монографіи г. Смирнова, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что «Мордва» представляетъ, какъ и труды того же автора «Черемисы», «Вотяки» и «Пермяки», наиболее полную и научно оснѣженную сводку матеріаловъ, по указанной народности, матеріаловъ дополненныхъ личными наблюденіями автора, что относитъ этому труду видное мѣсто въ русской этнографической литературѣ. Изъ остальныхъ статей и матеріаловъ отмѣтимъ, какъ имѣющія этнографическій интересъ слѣдующія: т. X, 6: *В. А. Мошковъ*: Пермяcko-Корельскія параллели (матеріалы по этнографіи пермяковъ и кореловъ); XI, 1: *В. А. Мошковъ*: Матеріалы для характеристики музыкальн. творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. I. Мелодіи чувашскихъ пѣсней. *И. Троицкая*: Черемисы Арбанской волости (Царевококшайск. у. Казанск. г.). Жилыще, одежда, паша, обряды при свадьбахъ и похоронахъ; игры и увеселенія. *И. Н. Смирновъ*: Итоги археологій, исторій и этнографій В. Россіи въ 1892 г.; *то же*: Литература археологій, исторій и этнографій В. Россіи въ 1892 г.; *то же*: Программа собиранія свѣдѣній о бытѣ мордвы. XI, 2: *В. А. Богородицкій*: Слово «хомутъ» въ аrio-европейскихъ и урало-алтайскихъ яз.; *Р. Г. Ипатьевъ*: Башкиръ Салаватъ Юлаевъ, пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ. *В. А. Мошковъ*: Мелодіи чувашскихъ пѣсней (прод.); *И. А. Износковъ*: Кара-якуповская волость (башкиры Уфимск. г.); *Н. Н. Бакай*: Захватъ, купля и продажа инородцевъ въ Якутской волости въ XVIII в.; *А. И. Соколовъ*: Духовные стихи (изъ старыхъ рукописныхъ сборниковъ; указаны варианты въ сбор. Безсонова); къ сожалѣнію не указано, изъ какихъ рукописей матеріалъ извлеченъ; *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь: А—Б. XI, 3. *Р. Г. Ипатьевъ*: Башкиръ Салаватъ Юлаевъ; *Извѣстія иностранцевъ о народахъ В. Россіи* (Strahlenberg, Барышцы, якуты, юбагирь, коряки, черемисы, чувашы, остяки, тунгусы, мордва). *Формы жилищъ и поселенія у народовъ В. Россіи* (важзады, коряки, чукши; извлеч. изъ ст. Крашенинникова и «Владивостокъ»

1892 г. № 49—50). *В. А. Мошковъ*: Мелодіи чувашскихъ пѣсень. *Акты*, относящіяся къ исторіи мордвы Пензенской губ. *А. Д. Смирновъ*: Замѣтки о мордвѣ и памятникахъ мордовской старины въ Нижегородской г. *Г. Вихманъ*: Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній у вятковъ. *Литература*, археологія, исторія и этнографія В. Россіи въ 1893 г. *В. П. Троицкій*: черемисско-русскій словарь. *К—Н*. XI, 4; *В. А. Мошковъ*: Мелодіи чувашскихъ пѣсень. *Бутузовъ*: Вѣрованія и культъ мордвы с. Сабанчева Алатырск. у., Симбирск. г. *Постниковъ*: Постройки с. Талызина Курмышск. у., Симбирск. г. *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь *Н—Р*. XI, 5; *В. Н. Витесскій*: Клады и кладовсканіе на Руси. *В. Г. Мецериновъ*: Апокрифическая владовая выпись (XVIII в.). *Ф. Бутузовъ*: Изъ быта мордвы с. Живайкина Жадовской вол., Карсунск. у. Симбирск. г. *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь: *Р—Ш*. XI, 6; *И. Печавъ*: Игры деревенскихъ дѣтей Лавшевск. у. *Р. Г. Игнатьевъ*: Башкиръ Салаватъ Юлаевъ. *С. Иванцевъ*: Изъ быта мордвы дер. Дюрки Паранѣвск. вол., Алатырск. у., Сиб. г. (одежда, свадебные обряды, моляны). XII, 1; *В. А. Мошковъ*: Мелодіи оренбургскихъ и ногайскихъ татаръ. *П. Н. Смирновъ*: Археологія, исторія и этнографія В. Россіи въ 1893 г. *Ею-же*: Литература археологія, исторія и этнографія В. Россіи въ 1893 г. XII, 2; *Н. Θ. Катановъ*: О погребальныхъ обычаяхъ тюркскихъ племенъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (сунны, ухуань, уйгуры, дулгасы, дубо, татары и на основаніи личныхъ изслѣдованій автора: бельтиры, сагайцы, каргинцы, калары (Макусинск. окр. Енисейской губ.), карагасы, урянхайцы, китайскіе казакъ-киргизы, китайскіе татары, лобь-норскіе татары). *М. А. Красовскій*: Русскіе въ Якутской области въ XVII в. *Н. Θ. Катановъ*: Историческія свидѣтельства китайскихъ и арабскихъ писателей о Туркестанѣ; *ею-же*: Катинская легенда о сотвореніи міра. *Т. А. Иванчикій*: прѣключенія муллы Насръ-Эдлена. XII, 3; *И. В. Амичковъ*: Киргизскій батыръ Джанходжа Нуръ-мухаммедовъ; *ею-же*: Разсказъ о батырѣ Джанходжѣ Нуръ-мухаммедовѣ. *Татары* Тамбовской губ. по даннымъ 1893 г. *В. П. Троицкій*: Черемисско-русскій словарь (окончаніе). XII, 4; *Н. П. Засядателевъ*: Древній обрядъ коронованія у тюркскихъ народовъ (обрядъ подыманія на кошмѣ у др. татаръ, Касимовскихъ татаръ, въ Крымскомъ ханствѣ, ногайской ордѣ, Бухарѣ, у оренбургскихъ киргизовъ; описаніе сохранившейся до настоящаго времени среди татарчатъ Базанск. у. игры въ ханы, въ которой сохранились др. обряды избранія). *А. В. Смоленскій*: Программа для собранія чувашскихъ примѣтъ о погодѣ. XII, 5; *Н. Н. Пантусовъ*: Орденъ хуфіе (магометанская секта, особенно распространенная въ русскомъ и китайскомъ Туркестанѣ). *Н. Θ. Катановъ*: О свадебныхъ обрядахъ татаръ восточн. Туркестана; *ею-же*: Китайскій бунтовщикъ Чи-чи-гунъ. *Д. А. Кочевъ*: О погребальныхъ обрядахъ якутосъ Вилюйскаго округа, Якутской области. *В. К. Машинскій*: Къ вопросу о тамбовскихъ и казанскихъ татарахъ. *А. И. Соколовъ*: Особенности языка и правописанія грамотъ XVII в. *Н. Θ. Катановъ* и *Т. А. Иванчикій*: Тюрк-

ских сказки о трех братьяхъ (азербейджанская, турецкая, сагайская и логученская). XII, 6: *П. А. Поляковъ*: Исламъ среди тюрковъ, монголовъ, индусовъ и китайцевъ. *П. Ф. Катановъ*: О наказаніи гнѣвныхъ богомольцевъ у татаръ Китайскаго Туркестана. *И. И. Смирновъ*: Археологія, исторія и этнографія В. Россіи.

Киргизская Степная Газета. 2. Отчего зло на свѣтѣ (сказка о пустынныхъ, воронѣ, голубѣ, оленѣ и змѣ). 3. Сказаніе о гордоиъ завоевателѣ (Александрѣ Македонскомъ). 3, 17, 20. Охота у киргизъ. 4. Конь Набава (сказка). — Лирическія пѣсни киргизъ. 6. Торговля верблюдами и продуктами, получаемыми отъ нихъ, у тургайскихъ и сренбургскихъ киргизъ. — Конь Абоиъ-эль-Марша (сказка). 9. Замѣтное кольцо (сказка). 10. Арабъ и турокъ (вост. сказаніе). 11. Абу-Бекирова тачка (египетская сказка). — Руза-гаидъ (праздникъ Рамазанъ) въ степи. 14. Городскіе джатаки. 17. Бъ вопросу о киргизскомъ землепользованіи. 19. *А. А. Ивановскій*. Ханъ Итбай (киргиз. сказка, перепеч. изъ «Русск. Вѣд.»). 20. По поводу раннихъ браковъ у киргизъ. 23. О необходимости имѣть киргизамъ своихъ специально подготовленныхъ учителей. 24. *Д. Аймановъ*. Дуана Хожа Насыръ. 26. Изъ жизни труженицы науки (по поводу сборника статей А. В. Потаниной, изданнаго Географич. Отдѣленіемъ Имп. Общ. Люб. Естеств., Австроп. и Этногр.). 32, 33. Чудесный подвѣщникъ (сказка).

Ковенскія Губ. Вѣд. Прибавленіе. 1895 г.—16. Отставка диктатора, Эпикоды изъ русско-польской исторіи. (По неизданнымъ документамъ и письмамъ). *М. Колловича*. (Перепеч. изъ «Нов. Врем.»). (Продолж. въ №№ 17, 19, 21, 22, 24, 29, 30). — Нѣчто о солдатскихъ пѣсняхъ. *Н. Ефимовича*. (О безправности солдатскихъ пѣсенъ). 18. Георгій Ковневскій Архіепископъ Бѣлорусскій (истор. очеркъ). 19. Происхожденіе гор. Якобштадта и древнее право его жителей «русской націи» римской и греческой вѣры. (Историческая справка). — 21. Солдаты въ раю. (Народная легенда). (Продолж. въ № 23). — 22. Среди замѣтокъ сообщеніе польской газеты «Wiek» о необычномъ случаѣ продажи мужемъ беременной жены на убой. Еврей, арендаторъ молочныхъ скоповъ у помѣщика, продалъ свою жену воражъ, которые купили ее съ цѣлью добыть изъ нея жилы, такъ какъ, по повѣрью ихъ среды, жилы беременной женщины дѣлаютъ воровъ недвижимками.

Минскія Епарх. Вѣдом. 1895 г.—6—9. — Второй періодъ существованія Минской духовной семинаріи. (1817—1844 г.). (Прод.) — 7. Матеріалы для исторіи Минской епархіи (документы, относящіеся къ архіеп. Виктору Садковскому) (въ № 8—оконч.). — 9. Столѣтіе перваго воссоединенія униатовъ Минской губ. (1795—1895 гг.).

Приамурскія Вѣд. 64, 65. *П. П. Шимкевичъ*. Современное состояніе инородцевъ Амурской области и бассейна Амургуни. — 66. О службѣ инородцевъ Забайкальской обл. и пожалованныхъ имъ знаменахъ. — *Альфтанъ*. Замѣтка о рисункахъ на скалахъ рр. Уссури и Бикину. — 72. *Н. А. Крюковъ*. Свѣдѣнія о бібліотекахъ въ Приамурскомъ краѣ. — 75. *Шиммаревъ*. Отчетъ консульства въ Ургѣ о торговлѣ въ Монголіи

за 1894 г.—81. *Альфтанг*. Инородческое население по притокамъ Уссури рр. Бикину, Иману и Ваку.

Сибирскій Вѣстникъ. 1. Кое-что о пещѣ алтайскихъ инородцевъ. 3. 6, 11, 15, 20, 28, 32, 41, 42, 47, 49. *К.* Очерки жизни Колымскаго края.—8. Этнографическое изслѣдованіе населенія Якутской обл. на средства И. М. Сибирякова.—29, 32. Скопцы Мартинскаго селенія Якутской области. 37. Народное образованіе у тургайскихъ киргизовъ.—45. Скопцы Якутской обл., с. Спасскаго, Олекминскаго округа. — 47. звѣроловныя промыслы въ Сибири.—51. Еретики (изъ якутскихъ сказаній).—59. Вырожденіе и вымираніе казымовъ Астраханской губ.—74. Что сдѣлано въ 1894 г. въ области сибирской археологій, исторій и этнографіи? 77, 81. *А. Михайловичъ*. Къ вопросу о причинахъ вымиранія инородцевъ сѣверо-западной Сибири.—90. *Н. Псаревъ*. Изъ міра повѣрій (худой глазъ).—102. Шаманъ въ роли врача.

Смоленскія Губ. Вѣд. 16. Весна въ народныхъ русскихъ поговоркахъ и играхъ. («Прав. Вѣстн.»).

Смоленскій Вѣстникъ. 53, 55—57. *Н. Н-въ*. Очерки Смес. губ. и сѣв.-зап. края.—60. *С.* Русальная пещѣля.—72. *Красно*. С. Польковичи, Могил. губ. (ярмарка, сафичи и пр.).—*Н. С.* Изъ деревни (облаженіе крестьянъ съ вятскаго).—101 *Н. Селазневъ*. Изъ деревни (Прод. въ № 108).—107. Изъ быта деревни (дѣло о приемышѣ-дольникѣ).—108. *Д. Успенскій*. Фабричная поэзія (очеркъ съ текстами).—120. Царскій кабакъ Московскаго государства (по статьѣ проф. Дитятина).—123. *Н. С.* Изъ деревни (безюки-плотники).

Степной Край. 33. Къ вопросу о вымираніи инородцевъ.

Тобольскія Губ. Вѣд. 1. Браги у якутовъ.—3. Камчатскія коллекціи д-ра Сяюкина.—5, 8, 10, 14, 16. Еврейскій вопросъ и евреи въ Сибири.—12. Новый взглядъ на вопросъ о древнемъ населеніи Сибири.—13. О празднованіи масляницы въ старое время. 20, 21, 23, 26, 28, 30, 32, 48, 50, 60, 61, 70, 73, 74. *Х. Нидро*. Остяцкія сказанія или вечера надъ Обью.—22. Арабъ и змѣя (вост. сказаніе).—26. *А. А. Дмитріевъ*. Соляная торговля на Уралѣ и въ Сибири въ XVIII в.—27. Весна въ народныхъ поговоркахъ и играхъ.—Объ еврейскихъ именахъ—27—29. *И. И. Сухановъ*. Сельская община въ долинѣ Ангары.—35—38, 42—51, 57, 62—68, 71, 76. *Н. А. Абрамовъ*. Описаніе Березовскаго края.—38. Майскія народныя повѣрья, праздники и гулянья.—43. *И. Сухановъ*. Посидѣнки и о Ангарѣ.—48. О службѣ инородцевъ Забайкальской обл. и о пошланныхъ имъ знаменахъ.—49. *И. Сухановъ*. Замѣтка о вечеркахъ на Ангарѣ.—54, 55. *А. И. Любій*. Страна рѣки Ваха (осургутскихъ остякахъ).

Якутскія Еп. Вѣд. 1, 2. Путевыя замѣтки среди якутовъ.

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Б—вичъ, Д. И. Сказки и преданія народовъ Кавказа. Обработаны по различнымъ источникамъ. Изд. кн. маг. Д. Дмитриева и К°. Москва 1895. 8°, 52 стр., ц. 50 к.

Бодуэнъ-де-Нуртенз, И. А. Матеріалы для южнославянской діалектологіи и этнографіи. I. Резьянскіе телсты. Съ приложеніями *Элли фонъ Шульцъ-Адаевской* (съ полами). Изд. И. Ак. Наукъ. СПб. 1895. 8°, стр. XX+XLVIII+708. Ц. 6 р.

Любавскій, М. Н. Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ литовско-русскомъ государствѣ (изъ «Ж. М. Н. Пр.», авг. 94 г.). Сиб. 1894. 8°. 49 стр. 100 экз.

Ляцкій, Евг. Связитель Ив. Троф. Рабиничъ и его былины. Этногр. очеркъ съ прилж. портрета и 5 напѣвовъ (4 запис. А. С. Аренскимъ, 1 Н. А. Явчукомъ). Москва. 1895. 8°, 47 стр., ц. 40 к. (Отгисъ изъ XXXIII кн. «Этн. Обзор.»).

Матеріалы для исторіи села Кудыжора, Солянамск. у., Перм. губ. Пермь. 1894. 8°, 29 стр. 300 экз.

Матеріалы для статистики Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губ. Казань. 1894. 4°. 161 + 258 стр. 400 экз.

Матеріалы по археологіи Кавказа, собранн. Эксп. Имп. Моск. Арх. Общ., снаряж. на Высоч. дарован. средства. Вып. IV. М. 1894. 4°, 2 + 197 стр. и LXI табл. 610 экз.

Межовъ, В. И. Библиографія Азіи. Указатель книгъ и статей объ Азіи на русскомъ языкѣ и одиѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ, касающихся отношенія Россіи къ азіатскимъ государствамъ. Томъ III. Нородцы финскаго, татарскаго и монгольскаго происхожденія, обитающіе въ Россіи. Кавказскіе нородцы. Сиб. 1894. 8°. VII + съ 49 по 257 стр. 750 экз.

Мельниковъ, Александръ. Пословицы и поговорки въ стихахъ. Кіевъ 1894. 32°, 222 стр. 5.050 экз.

Михайловъ, А. Къ вопросу объ учительномъ Евангеліи Константина, епископа болгарскаго (Изд. «Труд. Слав. Ком. при И. М. Арх. Об.»). М. 1894. 4°. 58 стр. 75 экз.

Украина (Финляндская) Россіи. Сборникъ статей, очерковъ, писемъ, документовъ и иныхъ матеріаловъ для изученія такъ называемаго финляндскаго вопроса. Вып. 2-й. Издавъ Сергій Петровскій. М. 1894. 8°. XXXII+606 стр. 1200 экз. Ц. 3 руб.

Ольденбургъ, С. Буддійскія легенды. Ч. 1-я. Спб. 1894. 8°. 12 + 140 стр. 210 экз.

Описание (Поверстное) рѣкъ: Волги, Камы, Шексны, Суры, Оки, Бѣлой и Вятки. Н.-Новгородъ. 1894. 8°. 24 стр. 3000 экз. (изъ «Намегор. Бирж. Листка» за 1876, 80 и 85 гг.).

Очеркъ (Краткій) путешествій Архангельскаго губернатора А. П. Энгельгардта въ 1894 году на Мурманъ, Новую Землю и въ Печорскій край. Архангельскъ. 1894. 8°. 31 стр. 100 экз.

Очеркъ путешествія Арханг. губернатора А. П. Энгельгардтъ въ Кемскій и Кольскій уѣзды въ 1895 г. (Борелія. Поморье. Лепландія. Мурманъ). Архангельскъ. 1895. 8°. 128 стр. (Изъ Арх. Губ. Вѣд.).

Покровскій, Н. Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства. Спб. 8°. 350 стр. 400 экз.

Починъ. Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1895 г. М. 1895. 8°. 464+28 стр. Ц. 2 р. (Въ числѣ другихъ статей помѣщены: *Ө. И. Буслаева*—Язычество и христіанство; Плачь холоповъ прошлаго вѣка, съ предисл. *Н. С. Тихомирова*; Изяда, III пѣснь, нов. переводъ *Н. М. Минскаго*; *В. Ө. Миллера*.—Къ былинамъ о Чуриль Пасенковичѣ; *Ф. Д. Нефедова*—Ушкунъ, башкирская легенда).

Путешествіе въ Палестину. Изъ дневника *Петра А. Истова*. Спб. 1894. 8°.

Радловъ, В., Сибирскія древности. Матеріалы по археологій Россіи. (Изд. Имп. Археол. Комисс. № 15). Томъ I, вып. 3-й. Съ 8-ю табл. рис. и 30 политипаж. Спб. 1894. 4°. Стр. съ 81 по 132+съ 53 по 146+XIX. 600 экз. Ц. 2 руб.

Родосскій, А. Описание 432 рукописей, принадлежащихъ Спб. духовной академіи и составляющихъ ея первое по времени собраніе. 8°. 427 стр. 600 экз.

Сборникъ (Алтайскій). Изданіе Общества Любителей изслѣдованія Алтая. Вып. I. Томскъ. 1894. 8°. 330+52 стр. Ц. 2 р. (съ фототип. портр. перваго почетн. предсѣдателя Общества покойнаго Н. И. Журина, начальника Алтайскаго округа).

Сборникъ восточныхъ повѣстей, разсказовъ, легендъ и сказаній (литерат. обработка). Спб. 1895. 8°. 205 стр.

Сборникъ свѣдѣній по Ярославской сельско-хозяйств. и промышленной выставкѣ 1893 г. Изд. Яросл. Общ. Сельск.-хоз. Ярославль. 1894. 8°. 424 стр. (съ 3 фототип.). Ц. 1 р. 50 к.

Свѣдѣнія о Сибири. II прибавленіе къ «Календарю Сельск. Вѣстн.» 1894 г. (Сельское хоз. въ Амур. обл., съ картой. Свѣд. о Приморской обл. Акмолинская обл. и пр.). Спб. 1894. 8°. 40 стр.

Сидоровъ, Вас. Америка, путевыя замѣтки и впечатлѣнія. Спб. 1895. 8°. 2+423 стр. 500 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Синдѣевъ А. Краткій историческій очеркъ города Старога Оскола. Сост. по иѣст. матеріаламъ (Съ прилож. описанія празднованія 300-лѣтняго юбилея). Курскъ. 1894. 8°. 127 стр. 500 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Смоленский, А. В. Чувашскія прирѣты о погодѣ и ея вліяніи на хозяйство. Казань. 1894. 8°. 81 стр. 85 экз.

Стороженко, А. В. Малоизвѣстныя сочиненія кіевского бискупа (1589—1598) *Іосифа Верещинскаго*. I. Способы заселенія Нового Кіева, 1595 г.; II. Вѣрная дорога къ заселенію пустынь въ русскіхъ областяхъ Польскаго Королевства, 1590 г. Переводъ съ 2 предисловіями и примѣчаніями. Кіевъ. 1895. 8°. 96 стр.

Сѣдинскій, Е. свящ. Городъ Каменецъ-Подольскій. Историч. описаніе. Съ фотографіями, гравюр. и цинкогр. Издано на средства Каменецкаго городского управленія въ память 100-лѣтія воссоединенія Подолія съ Россією (1893). Кіевъ. 1895. 8°. VIII+247 стр.

Титовъ, А. А. Тверскія Евардіальныя Вѣдомости. Списокъ и указатель статей, помѣщенныхъ въ неофіціальной части Вѣдомостей за первую семнадцать лѣтъ ихъ существованія: 1877—1893. Москва. 8°. 100 стр. 1200 экз.

Токмановъ, И. Историко-статистич. и археологич. описаніе села Промысло-Горожанце. Алатырскаго у., Симбарской губ. М. 1895. 8°. 56 стр.

Томсенъ, В. Дешифровка орхонскихъ и енисейскихъ надписей (Отд. отд. изд. «Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ.») Спб. 1894. 8°. стр. съ 323 по 337. 60 экз.

Троицкій, В. П. Черемисско-русскій словарь (приложеніе къ XI и XII т. «Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этногр.» (1893 и 1894 гг.). Казань. 1894. 8°. 87 стр. цѣнта.

Указатель (систематическій) статей, помѣщенныхъ въ русскіхъ журналахъ (апрѣль—июнь). № 2. Спб. 1894. 8°. 36 стр. 700 экз. (Тип. П. Шмидта).

Усышкинъ, М. М. По Палестинѣ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. Спб. 1894. 8°. 67 стр. 1000 экз.

Черепнинъ, А. И. Борковскій островъ и его древности (изд. «Арх. Изв. и Зам.») М. 1894. 8°. 18 стр. 50 экз.

Шахрай, А. М. Наша старина. XII. Еврейскія секты. Одесса. 1894. 8°. 48 стр. 1000 экз. Ц. 15 коп.

Штейнбергъ, О. Н. Словари древне-еврейскаго и русскаго языковъ. Томъ II. Полный русско-еврейско-иѣмецкій словарь, составл. по лучшимъ источникамъ. Изд. 7-е, испр. Вильна. 1894. 8°. VII+1288 стр. 400 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Ядринцевъ, Ник. Мих. Биографич. очеркъ, составленный Б. Глинскимъ, съ предисловіемъ В. Острогорскаго и приложеніемъ воспомнаній Г. Потанина. Изд. Д. П. Тихомирова. М. 1895. 8°. 62 стр. Ц. 50 к. (Съ портретомъ).

Antoszka. O czechach, ich kraju i zyciu. Z rysunkami. Warszawa (W. Obuchowski). 1895. 8°, бр. 34 стр.

Bachhaus, Wilh. Eman. Das Wesen des Humors. Eine Untersuchung. Mit dem Bildnisse des Verfassers. (Историч. замѣчанія; юморъ въ искусствѣ, въ языкѣ и пр.). Leipz. 1894. 8°. 208 стр.

Billington, Mary Frances, *Women in India*. With introduction, by the Marchioness of Dufferin and Ava illustrated. (Chapman and Hall). (Свѣдѣнія объ англоиндійскомъ обществѣ и женщинахъ въ Индіи).

Drage, Geoffroy, *The Karakorum Himalayas*. London. 1894.

Foa, Edouard, *Le Dahomey*. Paris. A. Hennuyer («Bibliothèque de l'explorateur»). 1895 (Исторія, геогр., обычаи, обряды, промышленность, торговля).

Gundry, B. S. *China past and present*. (Chapman and Hall).

W. Helbig, *L'épopée homérique expliquée par les monuments*. Traduction française de M. Fr Trawinski avec une introduction par M. Maxime Collignon. Paris. Firmin-Didot., 1895. (Реценз. см. въ *Revue Archéologique*. 1895, janv.—fevr., p. 142).

Luckock, *The history of marriage jewish and christian*. London. 1894.

Nansen, Fridtjof, *Eskimo Life*. London and New-York. (Ежедневная жизнь, искусство, поэзія, музыка, религіозныя идеалы, вліяніе европ. цивилизаціи. Иллюстраціи и карта Гренландіи).

Piggot, F. T. (Лондонъ, éd. Batsford) издалъ свою книгу о музыкѣ и музыкальн. инструментахъ у японцевъ, съ примѣчаніями Т. L. Southgate (подлиннаго заглавія пока не знаемъ).

Ribbeck, Otto, *Geschichte der Römischen Dichtung. I Dichtung der Republik*. 2-te durchgesehene und vermehrte Aufl. Stuttgart. 1894. 8° 358 стр. (Въ общемъ введеніи, «Anfängö», разъясняются виды творчества въ связи съ обычаями).

Williams, Alfred M., *Studies in Folk-Sang and Popular Poetry* („Амер. писатель задаетъ широкою цѣлью изслѣдовать народную литературу и поэзію обоихъ континентовъ. Результаты своихъ изслѣдованій онъ издаетъ въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ, выходящихъ серіями. Въ вышедшихъ уже выпускахъ заключается изслѣдованіе американскихъ морскихъ и народныхъ пѣсень времени гражданской войны. Изъ европ. нар. поэзіи авторъ пока напечаталъ только изслѣдованіе румынской народн. поэзіи, а также португальскихъ, шотландскихъ и британскихъ народн. пѣсень“).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Къ годовичному засѣданію И. Общ. Люб. Ест., Антроп. и Этнографіи (15 окт.) Секретаремъ Этнографическаго Отдѣла представленъ слѣдующій отчетъ о дѣятельности Отдѣла въ 1894—95 г. Этнографическій Отдѣлъ въ истекшемъ отчетномъ году имѣлъ 9 засѣданій (въ томъ числѣ одно совѣстно съ Антропологич. Отдѣломъ), частью закрытыхъ, частью публичныхъ, посвященныхъ выслушанію и обсужденію научныхъ респортовъ по разнымъ вопросамъ, касающимся главнымъ образомъ этнографіи Россіи.

Всего было сдѣлано въ означенныхъ засѣданіяхъ 13 сообщеній:

- 1) *Весс. Вод. Миллера* — Къ вопросу о русскихъ былинахъ (Вѣшніе приемы былиннаго творчества; зачины, эпитеты, ретардаціи и пр.).
- 2) *Ею-же* — Новые данныя по этнографіи Кавказа (на основаніи 18-20 тт. „Сборника матеріаловъ“, изданныхъ Кавк. учебн. Округомъ).
- 3) *Викт. Мил. Михайловскаго* — Внушеніе и гипнотизмъ у малокультурныхъ народовъ.
- 4) *Петра Мил. Бонаевскаго* — Новые данныя о жертвоприношеніяхъ у вотяковъ (по поводу судебного дѣла о Малмыжскихъ вотякахъ).
- 5) *Георг. Из. Геліева* — Очеркъ быта рачицевъ (Кутанск. г.).
- 6) *Петра Ерусламова* — Родственный союзъ по понятіямъ черемисъ. (Доложилъ секретарь Н. Янчука).
- 7) *Алексам. Из. Кирничникова* — Западная легенда въ русскомъ пересказѣ 16-го вѣка (о Лоретской иконѣ В. М.).
- 8) *Алаван. Евфим. Крымскаго* — О тюремныхъ саамрахъ (по рукописи д-ра М. Д. Епчевича).
- 9) *Мил. Нестор. Сперанскаго* — О людоедствѣ въ средней Европѣ въ доисторическое время (по статьѣ Матейки).
- 10) *Ник. Ник. Харузина* — Къ исторіи развитія типовъ жилища у нѣкоторыхъ тюркскихъ и монгольскихъ племенъ.
- 11) *Александра Из. Якимирскаго* — Разбойники Бессарабіи въ разсказахъ о нихъ.
- 12) *Ею-же* — Виноградъ и вино въ быту и живой рѣчи бессарабскихъ молдаванъ.
- и 13) *Ник. Андр. Янчука* — Мамаево побоище въ южно-славянской народной поэзіи.

Въ закрытыхъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы, касающіеся внутренняго распорядка жизни Отдѣла, а также сношеній его съ различными лицами и учрежденіями. Такъ Отдѣлъ вошелъ въ сношеніе съ г. Якутскимъ губернаторомъ по поводу экспедиціи, снаряженной на средства г. Сибирькова для изученія Якутскаго края, и съ г. Шимкевичемъ по поводу его экспедиціи въ Восточной Сибири. Кроме того, Отдѣлъ принималъ участіе въ выставкѣ печатнаго дѣла по предложенію выставочнаго комитета. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Отдѣла обсуждался между прочимъ вопросъ о присужденіи этнографической преміи имени Е. И. Вис. В. К. Сергія Александровича, первая выдача ко

торой послѣ международных конгрессовъ 1892 г. предстояла въ этомъ году по отѣду этнографіи. Представленный на пріемъ трудъ члена Общества Митровъ Викт. Довнаръ-Запольскаго: „Вѣлорусское Полѣсье. Ч. I: Пѣсни пичуковъ“ (печ. въ Кіевскихъ „Университ. Извѣстіяхъ“ 1895 г.) признанъ Отдѣломъ, согласно отзыву специальной Коммисіи отъ Отдѣла, заслуживающимъ означенной преміи.

Изъ новыхъ начинаній, возникавшихъ въ Отдѣлѣ, отмѣтимъ мысль объ устройствѣ общедоступныхъ публичныхъ чтеній по этнографіи Россіи. Хотя эта мысль и не была приведена въ исполненіе, но планъ былъ составленъ и отчасти разработанъ, и осуществленіе его въ будущемъ было бы весьма желательнымъ при болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

Научныя *excursions* въ теченіе прошлаго лѣта совершены слѣдующими членами: Г. И. Куликовскимъ—въ Заонежье, А. С. Хахановымъ—въ Тивелискую губ., А. И. Яцимирскимъ—въ Бессарабію и Румынію, Н. Н. Харузапымъ—въ Сибирь, В. К. Поржевническимъ—въ Ковенскую губ., М. Н. Сперанскимъ—въ Курскую губ. и А. Е. Крымскимъ—въ Кіевскую губ.

Результаты поѣздокъ послужатъ матеріаломъ для рефератовъ въ заведеніяхъ Отдѣла наступающаго года. Краткія же свѣдѣнія о результатахъ поѣздокъ сообщаются здѣсь:

Герм. Илар. Куликовскій въ теченіе іюля текущаго года посѣтилъ Заонежье (архипелагъ острововъ, мысовъ и косъ въ северной части Онежскаго оз.), главнымъ образомъ воеводи Тозлуйскую, Шунгскую и Кузаранду. Занимаясь преимущественно географическими изслѣдованіями этой мѣстности, гдѣ Г. И. Куликовскій не разъ уже проводилъ лѣто, собирая этнографическіе и географическіе матеріалы (какъ по порученію Общества Люб. Ест., такъ и Русскаго Географическаго Общества), онъ могъ лишь дополнить свое собраніе новыми подробностями. Матеріалъ, собранный такимъ образомъ, послужитъ для составленія специальной статьи о Заонежьи и заонежанцахъ.

Александръ Солом. Хахановъ лѣтомъ текущаго года съ этнографическою цѣлью путешествовалъ въ предѣлахъ Тивелиской губ. На станціи Михеты по Военно-грузинской дорогѣ записалъ нѣсколько пѣсенъ, характеризующихъ вѣрованія грузинъ-горцевъ. Двѣ историческія легенды записаны въ сел. Каспій Горійскаго уѣзда и собраны свѣдѣнія о родовомъ бытѣ мѣтазовъ въ Душетскомъ уѣздѣ. Въ Салициальде и въ Мангачѣ Тивели. уѣзда записаны пѣсни и легенды. Главное же вниманіе было обращено на изученіе духовоборь, среди которыхъ, помимо духовныхъ пѣсенъ и псалмовъ, записаны свѣдѣнія объ устройствѣ семейной и общинной ихъ жизни, прослѣжена исторія ихъ переселенія въ Закавказье и судьба ихъ раселенія по деревнямъ Тивелиской губ. въ іюль этого года.

Александръ Ис. Яцимирскій совершилъ поѣздку въ Румынію и Бессарабію. Цѣлью поѣздки въ Румынію было обзорное славянскихъ рукохранительницъ въ мѣстныхъ старинныхъ монастыряхъ. Въ семинарской бібліотекѣ въ Бухарестѣ и у частныхъ владѣльцевъ ему удалось сдѣлать нѣкоторыя выписки изъ старыхъ слав. рукописей, и нѣсколько рукописей приобретено въ собственность. Наблюденія, сдѣланныя въ Бессарабіи, касались во-первыхъ обычаевъ, во-вторыхъ языка, въ-третьихъ народнаго творчества. Изъ обычаевъ обращено особенное вниманіе на обычаи погребальныя и связанныя съ этимъ понятія о смерти, о загробномъ мірѣ и пр., причѣмъ записано нѣсколько легендъ апокрифическаго характера. Что касается мѣстныхъ говоровъ, то наиболѣе чистымъ молдавнскимъ говоромъ оказывается говоръ средней части Бессарабіи, такъ называемые „Кадры“ (лѣса), т. е. уѣзды Оргіевскій и Кишиневскій, а также побережья Прута; окраины же подвержены сильному вліянію языка малороссійскаго. Записи живого языка даютъ возможность пока отмѣтить три говора, смотря по употребленію буквы *ѣ* (въ юж. Бессарабіи, Иаман. у.), или замѣняющихъ ее *и* (средняя Бессар.) или *х* (сѣв. Бессар.); напр. „роза“: *трандаѣѣра*—*трандаѣѣра*—*трандаѣѣра* и т. п.—Изъ словесныхъ матеріаловъ, кромѣ легендъ, записано около 30 заговоровъ, нѣсколько

писень съ наѣвками, отрывки обыденныхъ разговоровъ, рецепты для леченія болваней и пр. Пожало молдавскъ, г. Янмиреѣй знакомился и съ бессар. пыганами, записывалъ ихъ слова, писень съ наѣвками, расказы и анекдоты про пыганы; наконецъ, имъ сдѣлано нѣсколько фотографическихъ снимковъ изъ быта бродячихъ пыганъ, а также два снимка похоронной процесси.

Никол. Ник. Харузия совершилъ поѣздку въ Западную Сибирь. Иѣтъ въ распоряженіи слишкомъ мало времени (ок. 7 недѣль), г. Харузия могъ придать поѣздкѣ преимущественно развѣдочный характеръ и познакомиться болѣе основательно только съ Томскихъ и Кузнецкихъ округами Томской губ. Преимущественно вниманіе было обращено на изученіе вѣдшяго быта русскаго населенія въ зап. части Тобольской губ. и въ означенныхъ округахъ губ. Томской, равно и на бытъ оставковъ около Сургута. Намѣчены интересныя въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніи пункты, для изслѣдованія которыхъ онъ намѣренъ совершить болѣе продолжительную поѣздку въ будущемъ году.

Викт. Карл. Пороженискій въ юль и августъ текущаго года посѣтилъ Маріямпольскій уѣздъ Суздальской губ. и восточно-литовскую часть Шавельскаго уѣзда Ковенской губ. Путемъ опроса военнаго учительской семинаріи въ м. Вейеры Маріямпольскаго уѣзда, среди которыхъ онъ нашелъ представителей почти всѣхъ жупъ литовской части Суздальской губ., ему удалось опредѣлить границу между средне-литовскими и восточно-литовскими говорами названнаго губерніи. Полученныя, такимъ образомъ, данныя были проверены изъ частью непосредственно на мѣстѣ, а частью путемъ опроса сѣдущихъ лицъ. Кроме того имъ собраны свидѣнія по «олетямъ, отчасти по морозотѣи Бирштавскаго говора (м. Бирштавы на правомъ берегу р. Нѣмана въ предѣлахъ Трокъ у. Виленской губерніи). Въ Шавельскомъ уѣздѣ онъ занимался проверкой и дополненіемъ собраннаго въ прошломъ году матеріала, при чемъ посѣтилъ мѣстности въ восточно-литовской части уѣзда, съ говорами которыхъ ему въ прошломъ году не пришлось познакомиться. На горѣ мѣст. Юнишки имъ записано 20 дайнъ, 5 сказокъ, на горѣ деревни Мазывиены 3 сказки, на горѣ мѣст. Вейеры 30 дайнъ.

Мих. Нест. Сперанскій, явивъ въ теченіе зѣта въ Рымльскомъ уѣздѣ Курской губ., предпринималъ небольшое этнографическое изслѣдованіе въ этой мѣстности. Главнымъ предметомъ занятія были жилища крестьянъ этой мѣстности. Съ этой цѣлью выбрано было нѣсколько типовъ крестьянскихъ усадебъ въ дер. Переступлиной, сняты фотографіи вѣдшяго вида построекъ съ улицы и со двора, причемъ сѣѣ постройки различались по степени зажиточности владѣльцевъ; потому были изучены усадьбы наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, насколько эти усадьбы не отклонялись отъ общаго типа, усадьбы средней зажиточности, составляющія большинство, усадьбы бѣдныхъ крестьянъ, затѣмъ бобыльскія усадьбы и наконецъ бывшихъ дворянскихъ, близко подходящія, все-же отличающіяся отъ бобыльскихъ. Всѣ части усадьбы (домъ, надворный постройка, сады, огороды) обмѣрены и занесены на планъ, измѣрены и занесены на планъ и самыя избы съ ихъ внутреннимъ расположеніемъ. Также собранъ матеріалъ (въ фотографіяхъ) касательно общаго расположенія строеній и усадебъ въ деревняхъ. Наконецъ зарисованъ въ общихъ чертахъ небогатый орнаментъ, строеній и усадебъ въ деревняхъ, украшающій окна и ворота дворовъ. Для сравнительнаго изученія сдѣлана была поѣздка въ южную часть уѣзда, собранъ матеріалъ въ селѣ Поповкѣ и сравненъ въ нѣкоторыхъ частяхъ съ постройками въ самомъ городѣ Рымльскѣ.

Что касается другихъ сторонъ жизни этой мѣстности, то здѣсь г. Сперанскимъ начато собраніе сказокъ, писень, повѣрій, причемъ руководствомъ служила программа Э.и. Отдѣла по вѣрованіямъ и праву. Большая часть собраннаго матеріала выражается въ цѣломъ рядѣ заговоровъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ заговоры пчеловодныя; въ остальномъ матеріалѣ можно отмѣтить немногія писни и сказки и рядъ космогоническихъ вѣрованій. Еще ограниченнѣе, въ виду трудности и повязанъ дѣла, результаты

по изученію мѣстнаго говора, малорусскаго, пограничнаго съ малорусскими.

Длао. Ефим. Крымскій былъ командированъ Обществомъ въ Крымъ, по изсаждованію этнографическіи въ теченіе дѣла производилъ только въ Кіевской губерніи, т. е. болѣе не позволила ему выѣхать оттуда дальше. Въ предѣлахъ Кіевской губерніи собраны имъ значительные этнографическіе матеріалы, которые ему удалось добыть двумя путями: 1) путемъ личнаго наблюденія надъ народною жизнью, путемъ записыванія изъ устъ народа пѣсень, сказокъ, легендъ, анекдотовъ, повѣрій и т. п. и 2) путемъ собранія болѣе или менѣе старинныхъ документовъ этнографическаго содержанія. Между матеріалами, отифченными въ *первой* рубричѣ (т. е. личными записами), наиболѣе значенія имѣеть коллекція пѣсень (около 500), созданныхся въ новѣйшее время и иллюстрирующихъ крестьянскій малорусскій бытъ послѣ 1861-го года; въ отдѣлѣ прозаическихъ произведеній народной словесности наиболѣе интересенъ собранный цѣль преданій о Шевченкѣ, который сталъ народнымъ героемъ. Къ рубричѣ *второй* (т. е. документальной) можно отнести: 1) Рукописи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, содержанія преимущественно церковнаго и апокрифическаго. Важнѣйшая рукопись между ними—сборникъ духовныхъ книгъ конца XVIII в., составленныхъ на малорусскомъ языкѣ (нѣчто вроде колядокъ); среди книгъ вставлены римоваванныя „орации“ и сатирическія пѣсни, дающія понятіе о дячковскихъ школахъ прошлаго вѣка и о бытѣ низшаго духовенства. 2) Коллекція т. н. „дальбомовъ“ (для стиховъ) 20-хъ—60-хъ годовъ; въ нихъ есть множество малорусскихъ пѣсень въ болѣе цѣнныхъ вариантахъ чѣмъ тѣ, которые изданы до сихъ поръ. 3) Бумаги покойнаго подольскаго этнографа Рудавскаго 1851—1859 г.; легенды космогоническія, ветхозавѣтныя и новозавѣтныя, народные анекдоты и фаблю (до 300 №№). 4) Этнографическій сборникъ Мещица (сотрудника бывшаго Юго-Зап. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ.)—смѣшаннаго содержанія. 5) Колоссальныя кипы подольскихъ этногр. матеріаловъ, собранныхъ въ 60-хъ годахъ этнографомъ Дыминскимъ (корреспондентомъ того же Юго-Зап. Отдѣла). Изъ записей Дыминскаго наиболѣе важны сказки, легенды, фаблю (747 №№); все это, въ большинствѣ, матеріалъ совсемъ еще неизвѣстный; а варианты Дыминскаго къ изданнымъ уже записямъ—все въ высшей степени цѣны по свѣжести рассказа, полнотѣ, осмысленности. 6) Рядъ мелкихъ документовъ, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ и относящихся болѣе къ археологіи, чѣмъ къ этнографіи. Наиболѣе интересенъ между ними: „Описаніе урочищъ, гдѣ зарыты запорожцами и гайдамаками клады“, и оффиціальное донесеніе какого-то инженера (прошлаго вѣка) объ открытіи золотыхъ росыпей въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи (теперъ объ этихъ росыпяхъ никто ничего не знаетъ). 7) Нѣсколько старинныхъ книгъ, которыя бросаютъ собою свѣтъ на исторію распространенія т. н. „бродячихъ сказаній“.

Помимо матеріаловъ, добытыхъ поѣздками, архивъ Отдѣла постоянно обогащается поступающими отъ иногороднихъ членовъ и постороннихъ лицъ собраніями, статьями и матеріалами, и въ настоящее время возникаетъ вопросъ о мѣстѣ храненія этого цѣннаго архива, такъ какъ Отдѣлъ не имѣеть никакого спеціального помѣщенія, равнымъ образомъ не имѣеть помѣщенія и для библіотеки Отдѣла, составляющейся изъ книгъ и брошюръ, присылаемыхъ или въ обмѣнъ на спеціальныя изданія Отдѣла, или въ даръ ему, или для отзывовъ и рецензій. Помѣщеніе для библіотеки и архива Этногр. Отдѣла составляетъ въ настоящее время его неотложную нужду, тѣмъ болѣе, что остальные Отдѣлы и Отдѣленія Общества пользуются тѣмъ или инымъ помѣщеніемъ въ зданіяхъ университета и другихъ учреждений (напр. Историч. Музея).

Изъ изданій Отдѣла въ отчетномъ году продолжалось только одно „Этнографическое обозрѣніе“. Оно выходитъ по прежнему 4-ми книжками въ годъ подъ ред. секретаря Отдѣла Н. А. Янчука, но вслѣдствіе скудости средствъ объемъ книжекъ въ этомъ году пришлось уменьшить до 12 листовъ, вмѣсто

прежнихъ 15-ти. На печатаніе протоколовъ засѣданій Отдѣла за послѣдніи 8 лѣтъ все еще нѣтъ средствъ. Равнымъ образомъ остаются не напечатанными обширные матеріалы и исследования, предназначенные для „Трудовъ“ Отдѣла, изданіе которыхъ остановилось на XIII томѣ. Въ результатъ является то, что научные этнографическіе матеріалы, накопившіеся въ теченіе многихъ лѣтъ и не дождавшіеся своего изданія, уходятъ постепенно изъ Отдѣла. Такъ, богатый матеріалъ, по языку Оловенскаго края, собранный чл. Общ. Г. И. Кузиковскимъ по порученію Отдѣла, пришлось уступить въ этомъ году Академіи наукъ, которая, можетъ быть, изыщетъ средства къ его опубликованію. Изъ накопившагося собранія русскихъ народныхъ пѣсень Отдѣломъ рѣшено также отправить часть въ Петербургъ въ распоряженіе собирателя П. В. Шейна, собраніе котораго издается Академіей. Весьма цѣнный и полный матеріалъ по вѣрованіямъ витебскихъ белоруссовъ, собранный Н. Я. Нижнеорловскимъ, награжденный отъ Общества медалью и просявшій въ архивъ Отдѣла болѣе двухъ лѣтъ, поневоли будетъ разбитъ авторомъ по частямъ и печататься въ мѣстной газетѣ, гдѣ останется незамѣченнымъ и мало доступнымъ для ученыхъ. Наконецъ, трудъ г. Довнаръ-Запольскаго, награжденный преміей, появился въ провинціальныхъ изданіяхъ, хотя уже былъ даже начатъ печатаніемъ въ томъ „Трудовъ“ Отдѣла, прекращенномъ по недостатку средствъ. Нечего и говорить, какъ печально связывается это стѣсненное положеніе Отдѣла во многихъ другихъ отношеніяхъ. Цѣлый рядъ просьбъ о высылкѣ разнымъ лицамъ въ провинцію программъ для изслѣдованій, фотографическихъ аппаратовъ и пр. должны оставаться неудовлетворенными. Два такіа крупныя предпріятія послѣдняго времени, могущія дать богатый результатъ для этнографіи вообще и для Отдѣла въ частности, какъ выставки Чехо-славянская въ Прагѣ и Всероссийская въ Нижнемъ-Новгородѣ, должны пройти для Отдѣла безслѣдно, потому что нѣтъ возможности командировать туда специальныхъ лицъ, а о приобретеніи коллекцій и думать нечего.

Бюро Отдѣла въ истекшемъ году составляли: предсѣдатель — поч. чл. Вс. Общ. Миллеръ, тов. предс. поч. чл. В. М. Михайловскій, секретарь непр. чл. Н. А. Янчукъ.

Въ члены-сотрудники избраны вновь Александръ Ив. Янжирскій, Петръ Ерусаловъ и священ. Никол. Никол. Нескѣловъ.

Г. Н. Потанинъ совершилъ на средства Императорскаго Русскаго Географическаго Общества небольшую поѣздку въ Кочетавскій округъ Акмолинской области; цѣль поѣздки — собраніе киргизскихъ сказокъ. Г. Потанинъ провелъ цѣлый мѣсяцъ въ аулѣ киргизскаго султана Чингиса Вадиханова; ему удалось записать киргизскій вариантъ сказки о Идыге, сказку о Таласпѣ, объ Аласуко-батырѣ и нѣкоторыя другія, менѣе интересныя.

Извѣстный знатокъ малорусской музыки Н. В. Лисенко, собиратель народныхъ пѣсень и композиторъ, издавшій цѣлый рядъ сборниковъ пѣсень бытового и историческаго характера (см. „Этн. Обзор.“ XIX, 145), предпринимаетъ изданіе specialнаго выпуска, посвященнаго о б р и д н ы м ъ м а л о р у с ѣ с ѣ м ѣ м ѣ (веснянкамъ, петровочнымъ, купальскимъ, живянымъ, свадебнымъ, колядкамъ, щедривкамъ и др.). Почтенный собиратель-издатель убедительнѣе проситъ всѣхъ любителей и любительницъ музыкальнаго народнаго творчества сообщать ему извѣщія подъ руками подходящій матеріалъ (тексты съ мотивами) по адресу: Кіевъ, Маринско-Благовѣщенская, д. 89. Предпріятіе это заслуживаетъ полнаго сочувствія и содѣйствія особенно въ виду того, что народныя обрядовыя пѣсни, драгоцѣнныя по своей глубокой древности, быстро выходятъ изъ употребленія вмѣстѣ съ исчезновеніемъ обрядовъ, съ которыми онѣ неразрывно связаны.

+ Жегота Пауди (1814—1895), одинъ изъ первѣйшихъ по времени польскихъ этнографовъ-собрателей, скончался 21 окт. н. ст. во Львовѣ. Онъ издалъ въ 30-хъ гг. два сборника собранныхъ имъ въ Галиціи народныхъ пѣсень: одинъ—мазурскій, другой—польскій, съ краткими описаніями быта, и вызвалъ подражателей въ этомъ дѣлѣ. О немъ см. у Пыпина (Исторія Рус. Этн. III, 132, 136—138, 425). Его портретъ съ краткой статьей о немъ въ варшавской „Wisła“ (1888, III, 653—662), некрологъ—въ львовскомъ журналѣ „Lud“, 1895, № 8, стр. 193—196.

ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ.

Намъ доставлена для напечатанія нижеслѣдующая программа, составленная Эрнестомъ Шантромъ, по вопросу о необходимости пересмотра номенклатуры народовъ Азии. Вопросъ былъ поднятъ на последнемъ международномъ конгрессѣ въ Москвѣ, и для разработки его была учреждена особая коммиссія изъ специалистовъ. Коммиссія проситъ лицъ, заинтересованныхъ извѣстной народностью, отыскать въ краткихъ словахъ на слѣдующіе вопросы:

- 1) Этническое названіе народности согласно національной орфографіи и ея транскрипція на французскій языкъ.
- 2) Какіе синонимы имѣетъ народность или подъ какими другимъ именемъ она извѣстна?
- 3) Откуда происходитъ она по своимъ преданіямъ?
- 4) Какія миграціи извѣстны для народности?
- 5) Каково ея географическое распространеніе?
- 6) Каково происхожденіе народности по ея сказкамъ, преданіямъ и исторіи?
- 7) Какія доисторическія и историческія древности приписываются народности?
- 8) Съ какими другими народностями представляетъ она наибольшіе сходства съ выше перечисленныхъ точекъ зрѣнія?
- 9) Какіе этнографическіе признаки народности: т.-е. лингвистическіе, религіозные, социологическіе, индустриальныя, художественныя и пр.?
- 10) Съ какими народностями она имѣетъ наиболѣе сходства съ вышеупомянутыхъ точекъ зрѣнія?
- 11) Какіе антропологическіе признаки народности: т.-е. цвѣтъ кожи, глазъ и волосъ; форма носа, глазъ, лица; головной, носовой и лицевой показатели; высота роста, и т. д.?
- 12) Съ какими другими народностями представляетъ она сходство съ вышеупомянутыхъ точекъ зрѣнія?
- 13) Въ какую группу: вѣтвь, семейство, народъ или коэтно (groupe, famille, nation et tribu) надо помѣстить народность?
- 14) Перечисленіе библиографическихъ указаний или другихъ документовъ, могущихъ помочь при окончательныхъ выводахъ, касающихся данной народности.

Отвѣты могутъ доставляемы въ редакцію „Этногр. Обзорѣнія“ для передачи въ международную коммиссію.

1 р 50 к

„Этнографическое Обзорѣніе“.

Изданіе посвящено изученію преимущественно народностей Россіи и, главнымъ образомъ, ихъ духовнаго быта: обрядовъ, вѣрованій, обычнаго права, народной словесности и пр.

„Этнографическое Обзорѣніе“ выходитъ 4-мя книжками въ годъ, каждая около 12 листовъ: въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ.

Цѣна годовому изданію безъ пересылки **4 р. 50 к.**, съ пересылкою **5 р.**, за границу **6 р.**

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (*Москва, Политехнический Музей, на Лубянской площади*).

Вышедшія съ 1889 г. по настоящее время книги „Этнографическаго Обзорѣнія“, кромѣ кв. I, которая распродана, продаются отдѣльно въ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ, при канцеляріи Общества, по 1 р. 50 к. каждая; кв. XIII—XIV въ одной книжкѣ 2 р. 50 к.

Остающіеся полные экземпляры изданія за прежніе годы съ 1890 г. продаются въ канцеляріи Общества по 5 руб. за годъ.

„Указатель къ Этнографическому Обзорѣнію“ (кв. I—XV) въ отдѣльной продажѣ **15 к.**

Статьи и матеріалы слѣдуетъ адресовать: въ редакцію „Этнографическаго Обзорѣнія“, *Москва, Политехнический Музей.*

— ❧ —

ИМРА хл оф 8248/149
Рк 1391
Ас 10920
ГК 1932423

